

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2022, том 16, № 3 (59)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
Электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка материа-
лов только с разреше-
ния редакции журнала.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
153035, г. Иваново,
ул. Дзержинского, д. 39,
стр. 8

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс 41253
по Объединенному
каталогу
«Пресса России»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
30.09.2022

Тираж 1000 экз.

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	234
РОМАШОВ Р. А. Пенитенциарное право: феноменология и системность	234
ГОЛУБЦОВА А. И. Факторы, влияющие на безопасные условия отбывания наказания осужденными отряда по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы	245
БАРХАТОВА Е. Н. Уголовно-правовое воздействие: особенности, формы, вопросы реализации	254
БАБАЯНЦ Э. А. Изменение судом категории преступления как средство индивидуализации назначения уголовного наказания	263
ГИРЬКО С. И., ХАРЧЕНКО С. В., ДОЛГОПОЛОВ А. А., КАМБАРОВ А. М. Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы.	274
КУЗНЕЦОВА Н. В., МАКАРОВА Т. В. Организационно-правовые аспекты обеспечения сотрудничества учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями	285
ИВАНЬКОВ И. А. К вопросу о понятии оперативного поиска в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы	293
ДЯДЬКИН О. Н., КАЛЯШИН А. В. Документы планирования развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в период 2010–2030 гг.: наименование, вид и порядок введения в юридическую силу.	302
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	310
АЛИГАЕВА Н. Н. Эмоциональные состояния осужденных: модель программы психологической коррекции	310
ЗАУТОРОВА Э. В., СОБОЛЕВ Н. Г. Особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками отбывания наказания	320
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	327
ПАНОВА О. Б. Основные формы научного пенитенциарно-педагогического знания	327
ПАМЯТИ Д. В. СОЧИВКО	343
СОЧИВКО О. И., ПЛОТКИН Д. М. Жизненный путь и деятельность пенитенциарного психолога доктора психологических наук, профессора полковника внутренней службы Дмитрия Владиславовича Сочивко	343

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.001

Пенитенциарное право: феноменология и системность

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,
romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Реферат

Введение: право как системное явление представлено двумя теоретическими моделями: динамическим процессом и статичной конструкцией. Право в динамике – это взаимосвязанные этапы (стадии), в совокупности составляющие феномен правовой жизни. Конструктивный (юридико-технический) подход к пониманию права предполагает его восприятие в качестве совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих средств, создаваемых и применяемых для упорядочения и охраны общественных отношений, сложившихся на определенном историческом этапе в обособленной социально-культурной среде. Взаимозаменяемость в русском юридическом языке слов «право» и «закон» обуславливает смешение понятий «система права» и «система законодательства», следствием чего является терминологическое отождествление категорий «отрасль права» и «отрасль законодательства». Проблему понимания пенитенциарного права и определения его места в правовой системе и системе законодательства следует решать с учетом циклической природы российского полито- и правогенеза. В современной России внедрение в терминологический оборот слова «пенитенциарный», с одной стороны, связано со стремлением к европеизации традиционных правовых институтов путем их простого переименования (уголовно-исполнительное право – пенитенциарное право). С другой стороны, использование термина «пенитенциарный» применительно к системе исполнения уголовных наказаний, а также совокупности правовых актов, регламентирующих общественные отношения в данной области, призвано показать трансформацию наказания из института государственной репрессии в средство исправления и профилактики. *Целью* статьи является системный анализ права как динамического процесса и формализованной конструкции с акцентом на понимании пенитенциарного права и определении его места в правовой системе и системе законодательства. *Методологическую основу* образуют общенаучные (системный, структурный, функциональный), частные (сравнительно-правовой анализ, межотраслевой синтез, правовая систематика) и специальные (теоретико-правового моделирования, циклического полито- и правогенеза) методы познания правовой действительности. *Выводы:* пенитенциарное право следует рассматривать в контексте соотношения категорий «система права», «правовая система», «система законодательства». На основе метода циклического полито- и правогенеза предлагается осуществлять это с учетом специфики организации и функционирования уголовно-исполнительных систем Российской империи, Советской России (РСФСР/СССР) и Российской Федерации. В современной России пенитенциарное право представляет межотраслевую нормативную общность, объединяющую правовые акты, регламентирующие общественные отношения в сфере пенитенциарной жизнедеятельности. Не имеет смысла говорить о пенитенциарном праве как вновь образованной отрасли системы права в силу восприятия последней в качестве объективной категории (логической умозрительной конструкции). Вместе с тем пенитенциарное право, пенитенциарная система, пенитенциарная наука являются устоявшимися терминологическими конструкциями, наполняемыми различными смысловыми коннотациями как в научных исследованиях, так и в правовых актах.

Ключевые слова: система права; правовая система; система законодательства; пенитенциарий; пенитенциарное право; пенитенциарная наука; уголовно-исполнительная система.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Пенитенциарное право: феноменология и системность // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 234–244. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.001.

Original article

Penitentiary Law: Phenomenology and Consistency

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Abstract

Introduction: law as a systemic phenomenon is represented by 2 theoretical models: a dynamic process and a static construction. Law in dynamics is interrelated stages that together make up the phenomenon of legal life. A constructive (legal and technical) approach to understanding law presupposes its perception as a set of interrelated and interacting means created and used to streamline and protect public relations that have developed at a certain historical stage in a separate socio-cultural environment. Interchangeability of the words “law” and “legislative act” in the Russian legal language causes confusion of the concepts “system of law” and “legislative system”, which results in terminological identification of the categories “branch of law” and “branch of legislation”. The problem of understanding penitentiary law and determining its place in the legal system and the legislative system should be solved taking into account the cyclical nature of Russian political and legal genesis. In modern Russia, introduction of the word “penitentiary” into terminology is connected, on the one hand, with the desire to Europeanize traditional legal institutions by simply renaming them (penal law – penitentiary law). On the other hand, the use of the term “penitentiary” in relation to the system of execution of criminal penalties, as well as to the totality of legal acts regulating public relations in this area, is intended to show transformation of punishment from the institution of state repression into a means of correction and prevention. *Purpose:* to carry out a systematic analysis of law as a dynamic process and a formalized structure, with an emphasis on understanding penitentiary law and determining its place in legal and legislative systems. The *methodological basis* is formed by general scientific (systemic, structural, functional), private (comparative legal analysis, intersectoral synthesis, legal systematics) and special (theoretical and legal modeling, cyclic political and legal genesis) legal reality cognition methods. *Conclusions:* consideration of penitentiary law should be carried out in the context of correlation of the categories: system of law, legal system, system of legislation. Taking the method of cyclic political and legal genesis as a basis, it is proposed to consider penitentiary law with regard to the specifics of organization and functioning of the penal systems of the Russian Empire, Soviet Russia (RSFSR/USSR) and the Russian Federation. In modern Russia, penitentiary law is an intersectoral normative community that unites legal acts regulating public relations in the field of penitentiary life. It makes no sense to talk about penitentiary law as a newly formed branch of the system of law, due to the perception of the latter as an objective category (logical speculative construction). At the same time, penitentiary law, penitentiary system, penitentiary science are well-established terminological constructions filled with various semantic connotations both in scientific research and legal acts.

Keywords: system of law; legal system; legislative system; penitentiary; penitentiary law; penitentiary science; penal system.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

Введение

Проблемы понимания и системного анализа права относятся к числу вечных и привлекают внимание ученых-юристов, работающих как в области общей теории права, так и в сфере отраслевой и прикладной юриспруденции. При этом нередко «отраслевники» и «прикладники», затрагивая теоретические вопросы, уходят от общей теории, применяя собственное видение в качестве базы, на которой и строят свои дальнейшие рассуждения, в том числе критического характера.

Выделение в праве новых отраслей, в том числе и *межотраслевого* (курсив наш. – Р. Р.) характера, представляет технико-юридическую новацию постсоветского права с его перманентной изменчивостью, свойственной как действующему отраслевому законодательству, так и теории системы права. Поэтому высказываемые отдельными авторами предложения рассматривать пенитенциарное право как отрасль современного российского права не содержат в себе принципиальной новизны и качественным образом не отличаются от подобных им устремлений обосновать самостоятельный отраслевой статус, например, горного, медицинского, образовательного, железнодорожного права.

Не пытаюсь оспаривать такого рода точки зрения, считая их допустимыми в силу субъективной природы самого процесса научного познания, в рамках предлагаемой статьи мы постараемся показать особенности восприятия пенитенциарного права в контексте общей теории системного правопонимания с последующим сопоставлением категорий «система права», «правовая система», «система законодательства».

За основу рассуждений будет взят метод циклического полито- и правогенеза, в соответствии с которым пенитенциарное право в плане общей теории представляет собой объективированную категорию, возникающую одновременно с организационно-функциональным оформлением специализированной государственной системы исполнения уголовных наказаний и изменяющуюся вместе с ней.

Системность как универсальное свойство права

Право как социально-культурное явление одновременно является динамическим процессом (правотворчеством и правореализацией) и конструкцией (совокупностью структурно-функциональных элементов).

Системность права как процесса представляет последовательную сменяемость этапов/стадий правовой жизни. Любая правовая форма когда-то возникает, обретает и утрачивает юридическую силу, оказывает неоднозначное по эффективности регулятивно-охранительное воздействие на общественные отношения.

Конструктивный (юридико-технический) подход к пониманию права предполагает его восприятие в качестве совокупности взаимосвязанных и вза-

имодействующих средств, создаваемых и применяемых для упорядочения и охраны общественных отношений, сложившихся на определенном историческом этапе в обособленной социально-культурной среде.

Системная характеристика динамики права предполагает два основных подхода: линейный (традиционный) и циклический (дискретный).

Линейность означает сохранение правом юридической силы в плане закрепляемых правовой традицией ценностей, принципов, технологий правотворческой и правореализационной деятельности. При этом говорить о состоявшейся правовой традиции можно только тогда, когда вышеупомянутые ценности, принципы и технологии сохраняются в относительно неизменном виде у трех и более сменяющих друг друга человеческих поколений, представители которых выступают в качестве субъектов правотворческих и правореализационных отношений.

Циклическость (дискретность) права означает, что отдельные этапы правовой жизни по сути своей являются различными жизнями, каждая из которых связана с качественно отличной от предшествующей парадигмой правопонимания и его (права) структурно-содержательной характеристикой. Это, как и в человеческой жизни, где поколение отцов может оставить детям и позитивное (предметы недвижимости, финансовые активы, доброе имя и т. п.), и негативное (долги, память о совершенных предками преступлениях и предательствах и т. п.) наследие, а может не оставить ничего в принципе при условии, что то самое поколение детей (потомков) либо не появилось вовсе, либо отказалось в своей динамике от опыта, накопленного отцами. В каждом завершенном цикле правовой жизни, как впрочем и в любой другой жизненной форме, обязательно представлены фазы (стадии) условного рождения, взросления, зрелости, старения, смерти. В циклическом (дискретном) праве каждый последующий правовой цикл основан на отрицании предыдущего исторического опыта. Независимо от того, признается такое отрицание на государственном уровне либо, напротив, государство в лице его отцов-основателей провозглашает вечность, незыблемость собственных устоев, проводя от современного состояния вглубь веков единую и, что очень важно, неразрывную историческую линию, каждый последующий правовой цикл выступает могильщиком предшествующего и ставит свое рождение в непосредственную зависимость от завершения более раннего этапа развития, аналогичного биологической смерти. Применительно к системной динамике российского права сказанное означает, что факт появления социалистического государства и права был обусловлен крахом государственно-правовой системы императорской России. В свою очередь, современная постсоветская российская государственно-правовая система сформировалась в результате разрушения советского ее варианта.

В рамках каждого из перечисленных циклов, два из которых (имперский и советский) являются завершёнными (замкнутыми), а один (постсоветский) – длящимся, существовали и существуют качественно отличные представления как о самом правовом феномене (правопонимании), так и о его конструктивной системе.

Системность права, понимаемого в качестве устоявшейся конструкции, применительно к циклическому правогенезу предполагает, что единого представления о праве, неизменного для различных дискретных циклов, нет и быть не может.

В Российской империи право представляло собой, с одной стороны, возведенную в закон волю царствующего монарха (императора всея Руси, хозяина земли Русской), с другой – традицию «русского мира», представленного в своей основе связанной круговой порукой сельской общиной, с третьей – извечную веру в некую справедливость с одновременным неверием государственному чиновнику и государственному закону, который «что дышло – куда повернул, то и вышло».

В Советской России право – это возведенная в закон воля господствующего класса – трудящихся (рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, объединенных в «нерушимый блок коммунистов и беспартийных»). Советское социалистическое право было противопоставлено буржуазному (западному) и основывалось на качественно отличных от последнего ценностных приоритетах и принципах построения и функционирования.

Для современной России право – комплекс исходящих от государства, выражающего волю *всего* (курсив наш – *P. P.*) народа России, формально-юридических актов и процессов, основанных на ценностях и принципах естественного права и опирающихся в своих построениях на основную ценность – человека, его права и свободы (ст. 2 Конституции Российской Федерации).

Различие в подходах к правопониманию влечет за собой разные представления о системе права, воспринимаемого одновременно в качестве теоретической абстракции, умозрительной логической конструкции и сложившегося в определенной нации на определенном историческом этапе явления социально-культурной реальности – живого права.

Обобщая вышесказанное, следует сделать вывод, что любые рассуждения о системности права необходимо вести, во-первых, исходя из дифференциации динамики и статики правовой материи, а во-вторых, принимая во внимание особенности правовой феноменологии и функциональности в рамках определенных циклов полито- и правогенеза.

Система права и система законодательства

Вопрос о соотношении понятий «право» и «закон», равно как и производных от них сочетаний «система права» и «система законодательства», входит в число наиболее обсуждаемых как в общетеоретической, так и в отраслевых юридических науках. Причем исследователей зачастую вводит в заблуждение единство в названиях понятий, существенным образом отличающихся друг от друга как по форме внешнего

выражения, так и по содержательному наполнению. В русском языке слова «право» и «закон» могут как отождествляться, так и противопоставляться, что невозможно, к примеру, в англо-американской юридико-лингвистической традиции, где словами «law» и «right» обозначают качественно различные категории, которым в российском праве в наибольшей степени соответствуют понятия объективного и субъективного права.

Система права представляет сугубо теоретическую конструкцию, непосредственным образом не зависящую от определенного социо-пространственно-временного континуума. В рамках последнего формируются и функционируют система национального законодательства и национальная правовая система.

Система права характеризует право как обособленную конструкцию, возникающую в формально-юридическом смысле одновременно с государством (кстати, с этого же момента следует говорить о появлении феноменов преступления и преступности) и трансформирующуюся вместе с ним. В общетеоретическом понимании в системе права целесообразно выделять всего три отрасли: публичное позитивное право (обязательственное), публичное негативное право (запретительное) и частное (дозволительное) право. Предлагаемый подход обусловлен существованием трех базовых средств правового воздействия: запрета, долженствования и дозволения. Эти средства, естественно, в различном пропорциональном соотношении образуют правовые системы во всех когда-либо существовавших и существующих государствах.

Дискуссии о критериях отраслевого деления в праве, развернутые в советской юридической науке в 30-х, 50-х и 80-х гг. XX в., имели своей основной целью не столько выяснение проблематики, обозначенной в их названии, сколько разрешение более глобальных вопросов, связанных с пониманием и структурированием советского социалистического права, противопоставляемого буржуазному «псевдоправу», сложившемуся в странах капиталистического Запада, на тот момент противостоявшего коллективному социалистическому Востоку. Причем, как отмечают большинство исследователей, в рамках первой дискуссии ее участники занимались не столько отраслевым делением, сколько решением вопроса о новой характеристике права с точки зрения его содержательной организации [6]. Перед советскими правоведами стояла задача обосновать переход от революционного права и революционной законности начального этапа строительства государства диктатуры пролетариата к социалистическому праву и социалистической законности государства демократии трудящихся. В отличие от теории права Российской империи, строившейся на базисных принципах традиционного европейского (буржуазного) права, советская теоретико-правовая наука категорически отвергала деление права на публичное и частное, полагая, что в государстве «нового исторического типа» не должно быть ничего частного, в том числе и права. Таким образом, прагматический смысл дискуссии 1930-х гг. сводился

к отраслевой структуризации советского социалистического права с определением предмета и метода отраслевого регулирования.

Дискуссия 1950-х гг. была направлена на более основательное изучение и адаптацию системного подхода к гуманитарным исследованиям в целом и юридической науке в частности. Именно этой дискуссии мы обязаны появлением юридической категории «система права» в ее современном понимании [6]. При этом наиболее острую полемику вызвали вопросы, связанные с обсуждением предмета правового регулирования в области гражданского права, лишенного в условиях советского периода возможности оперировать такими значимыми категориями, как частная собственность, частная предпринимательская деятельность, коммерческая деятельность и др.

Говоря о третьей дискуссии, развернувшейся в 1980-х гг., представляется целесообразным процитировать слова одной из песен В. Цоя: «Перемен, мы ждем перемен...». Глубокий кризис, четко обозначившийся в названный исторический период, обусловил стремление найти правовое решение, связанное с оптимизацией государственно-правовой системы, на тот момент явно не способной преодолеть возникающие вызовы и угрозы, в конечном счете повлекшие распад СССР и разрушение мировой системы социалистического права. При этом участники дискуссии в своих рассуждениях пытались адаптировать стремительно устаревающее догматическое советское социалистическое право к новациям непрерывно изменяющейся социально-правовой реальности.

Проведенный сравнительный анализ позволяет прийти к заключению о том, что по сути своей имевшие место дебаты сводились не столько к обсуждению теоретических понятий и принципов, характеризующих систему права в целом и ее отдельные составные элементы (институты, подотрасли, массивы) в частности, поскольку они были широко известны, использовались как в научном, так и в практическом обороте и особых споров не вызывали, сколько к определению численного состава обособленных отраслей права с обоснованием необходимости включения в существующую систему новых отраслевых направлений. Однако такой подход означал фактическое смешение «теоретических» отраслей права с «практическими» отраслями законодательства. Соответственно, актуализировался вопрос о сосуществовании в рамках национальной правовой системы России понятий «система права» и «система законодательства». В современной российской теории права они соотносятся как содержание и форма, абстрактное и конкретное, теоретическое и практическое. Система права представляет собой теоретическую модель нормативного структурирования права безотносительно к его национально-исторической специфике. Подход к пониманию права как нормативной макросистемы основывается на выделении первоэлемента – нормы права, логическая структура которой (диспозиция – типовой стандарт запрещенного, обязательного, возможного поведения; гипотеза – условия, обеспечивающие реализацию определенного в диспозиции поведенческого стандарта; санкция – юридически

значимые последствия реализации соответствующего поведенческого стандарта) по сути своей совпадает со структурированием права как логической абстракции. Именно поэтому в теоретической системе права целесообразно выделять только три отрасли. Как уже ранее говорилось, это публичное (обязательственное), публично негативное (запретительное) и частное (дозволительное) право. Что же касается выделения других отраслей, то речь идет не о праве, а о законодательстве, и именно с изменениями в области законодательного регулирования были связаны предложения о формировании новых отраслевых направлений. Подтверждением сказанного является осуществленное в соответствии с приказом Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 укрупнение научных специальностей, в рамках которого все отраслевые направления научных исследований в юриспруденции оказались сведены к пяти группам: теоретико-исторические правовые науки, публично-правовые (государственно-правовые) науки, частно-правовые (цивиллистические) науки, уголовно-правовые науки, международно-правовые науки. Если убрать из приведенного перечня первую и пятую группы (первую – в силу общеправового характера, пятую – принимая во внимание качественное отличие международного права от национального), то мы получим ту самую трехчленную структуру системы права, о которой говорилось ранее.

Что же касается системы законодательства, то она действительно непрерывно изменяется как в количественном (появление новых отраслей), так и в содержательном отношении. В отличие от системы права, представляющей объективную категорию, существующую, как уже отмечалось, вне зависимости от специфики государственного устройства и национально-исторических культурных особенностей, система законодательства формируется государством и в своей структурно-содержательной композиции всецело зависит от него. Перечень отраслей российского законодательства ранее закреплялся Указом Президента Российской Федерации от 16.12.1993 № 2171 «Об общеправовом классификаторе отраслей законодательства». В настоящее время действует Указ Президента Российской Федерации от 15.03.2000 № 511 «О классификаторе правовых актов», в рамках которого определяются наиболее важные предметы законодательного регулирования, на основе чего формируются соответствующие отрасли законодательства.

Наблюдающееся смешение понятий «отрасль права» и «отрасль законодательства», вызванное, в первую очередь, характерной для русского языка терминологической взаимозаменяемостью категорий «право» и «закон», обуславливает ситуацию, когда, говоря о появлении новых отраслей права, авторы имеют в виду одноименные отрасли законодательства, а точнее, объединенные по определенным предметам законодательного регулирования правовые акты. Именно с подобным смешением связан неутраченный спор о том, следует ли считать новыми отраслями права такие образования, как рекламное право, спортивное право, транспортное право, гра-

достроительное право и т. п. Кроме того, в качестве самостоятельных отраслей права некоторые ученые предлагают выделять общности правовых актов, регламентирующих отдельные виды юридически значимой деятельности, рассматриваемой безотносительно к сфере общественных отношений, в рамках которых она осуществляется. Речь в данном случае идет о кадровом праве, дисциплинарном праве, цифровом праве, энергетическом праве, потребительском праве и т. п. Получается, что создание новой отрасли права элементарно просто: нужно присоединить к существительному «право» какое-либо прилагательное (горное, трубопроводное, обязательственное, компенсаторное и т. п.) – и дело сделано, «новая отрасль права» появилась. Несмотря на очевидную абсурдность такой методики «правообразования», она продолжает вдохновлять на дальнейшие «поиски и открытия» тех, кто ничтоже сумняшеся полагает, что теоретическую модель права можно столь же перманентно трансформировать, сколь это позволяет делать с собой отраслевое законодательство [3].

К вопросу о категориальном статусе пенитенциарного права

Написать эту статью нас побудила публикация А. М. Боброва и Н. А. Мельниковой «Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права?» [4]. Откликнувшись на просьбу выступить в качестве ее рецензента и не без гордости отметив, что авторы избрали наши научные труды в качестве наиболее часто цитируемых, вместе с тем мы были вынуждены не согласиться с рядом сформулированных положений и выводов, а это, в свою очередь, подвигло нас на собственные рассуждения в рамках заявленной темы. Как и вышеназванные исследователи, мы посчитали необходимым первоначально представить свое понимание системы права и системы законодательства, сделав акцент на их соотношении.

Без сомнения, система права и система законодательства – это разные явления. Спорить с этим, равно как и доказывать очевидность высказанной позиции, не имеет смысла.

Система права представляет совокупность правовых норм, система законодательства – совокупность законодательных актов.

Что такое пенитенциарное право и в структуру какого системного образования оно входит?

Ответы на поставленные вопросы, по мнению А. Н. Боброва и Н. А. Мельниковой, следует искать в истории науки «тюрьмоведение», называемой в дальнейшем «пенитенциарная наука». С подобной точкой зрения при всем уважении как непосредственно к авторам, так и к ее Величеству Науке согласиться не представляется возможным. Институт наказания возникает задолго до его научного осмысления. Уголовное наказание в виде тюремной изоляции, имеющее своей целью не только кару за совершенное преступление, но и исправление осужденного, появляется в Европе в эпоху Просвещения и основывается на идее о рациональной организации общества и всех процессов в нем. С одной стороны, законодатели пытались более равномерно распре-

делить наказания, которые в предшествующие эпохи настигали далеко не всех преступников, но зато тех, кого настигали, карали непропорционально общественной опасности совершенного преступления, обрушивая всю мощь суверена на тело фактического либо назначенного государством преступника. При этом основной задачей архаичного наказания являлась демонстрация государственной мощи и ее беспощадности по отношению к реальным и потенциальным преступникам. Отсюда сочетание в наказании таких характерных свойств, как жестокость, зрелищность (публичность) и скоротечность.

Мыслители эпохи Просвещения пытались разработать такие системы наказаний, которые должны были демонстрировать уже не мощь и беспощадность государства, а неправильность самого преступления как формы человеческого поведения. Ученые думали над наказаниями, которые бы сами показывали, в чем состояла суть преступления и какой урон оно нанесло обществу. Речь шла о мерах воздействия, в содержании которых репрессивное начало наказательного воздействия сочеталось бы с исправительно-воспитательным. В подобном понимании тюремная система наибольшим образом подходила не столько для кары преступников (поскольку не отвечала ранее перечисленным характеристикам института карательного наказания, не обеспечивая ни зрелищности, ни скоротечности наказательного воздействия; что же касается жестокости, то, будучи скрытым от широких масс за стенами тюремных казематов, наказание в существенной мере утрачивало свое профилактическое значение), сколько для их перевоспитания. Одним из аспектов тотальной рационализации и специализации общественной жизни в условиях эпохи Просвещения является возникновение феномена дисциплины, предполагающего анализ и формализацию каждого действия, производимого человеком, подчинение этих действий как по отдельности, так и в их общей совокупности строгому порядку. Такое разложение действий на детали, выстраивание их в строгие последовательности, охватывающие большие промежутки времени и значительные по численности коллективы, представляет собой особый индустриальный способ подчинения человека исходящей от государства в лице его представителей власти, будь то власть тюремного надзирателя, школьного учителя, армейского командира. В силу подобного отношения к устройству общественной организации и осуществлению социального управления дисциплинарное учреждение с охраняемым внешним периметром, строгим распорядком дня, постоянным надзором и контролем со стороны администрации по отношению к спецконтингенту стало основным кандидатом на роль инструмента по перевоспитанию преступников и встраиванию их в глобальную государственную машину, где аналогичным же образом создавались и действовали другие институциональные формирования: школы, больницы, заводы и фабрики, армейские подразделения.

В Российской империи централизованная система государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний была создана в 1879 г.,

когда в составе Министерства внутренних дел было учреждено Главное тюремное управление [5]. Традиционный для России подход, когда русское слово, обозначающее то или иное явление, механически заменяется иностранным, был реализован и в этом случае. Тюремная система стала именоваться пенитенциарной, а на смену тюремоведению как направлению научных исследований и образовательного процесса пришла пенитенциаристика. Справедливости ради следует отметить, что сам факт заимствования западноевропейского опыта, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний, не следует рассматривать в негативном ключе. Россия всегда демонстрировала наибольшие темпы развития в условиях открытости для восприятия позитивных наработок в различных сферах общественной жизни. Переход к уголовно-исполнительной системе европейского типа имел основной целью гуманизацию института наказания, перенос акцентов в его исполнении с карательной на исправительную составляющую. Именно с исправлением преступника, основанным на осознании негативной природы преступления, его восприятии в качестве безусловного зла, и последующими раскаянием за содеянное, стремлением к искуплению вины было связано внедрение в уголовно-исполнительную терминологию слова «пенитенциарий» (лат. *penitentiarium* – дом покаяния) и производных от него (пенитенциарный, пенитенциаристика и др.) [1]. Кстати, этой же целью было обусловлено появление в уголовно-исполнительной системе Российской империи учреждений, называемых исправительными домами [2]. Можно ли говорить о том, что внедрение в «русский уголовно-исполнительный язык» слов «пенитенциарий», «пенитенциарный» и др. привело к практической трансформации тюремной карательной системы в исправительную (пенитенциарную), а тюремной науки – в пенитенциарную? Конечно, нет. Сам по себе факт замены одного названия другим далеко не всегда означает качественные преобразования смысла и содержания переназванных явлений. В статье А. Н. Боброва и Н. А. Мельниковой, к тексту которой мы уже обращались ранее и будем апеллировать в дальнейшем, значительное внимание уделяется рассуждениям об административном праве, особенная часть которого, по мнению авторов, включает практически все милитаризованные отрасли права: пенитенциарное, военное, миграционное, полицейское. Получается, что исследователи практически встают на позицию, которую на протяжении всей своей публикации яростно критикуют. Пенитенциарного права как отрасли нет, а *милитаризованные* (курсив наш – *P. P.*) отрасли права, к числу которых относится и пенитенциарное, есть. То, что эти и многие другие направления публично-правового воздействия непосредственным образом связаны с государственным управлением, очевидно. Но из этой очевидности не следует, что все, в той или иной степени связанное с государственным управлением, входит в предметную область административного права. Последнее в современном его состоянии включает в качестве носителя самостоятельных подотраслей правовые

основы государственной организации, правовые основы административной юстиции, правовые основы административной ответственности. Особенностью системы законодательных источников административного права является их частичная кодификация, что, с одной стороны, позволяет говорить о возможности выделения из административного права новой отрасли (к примеру, административно-процессуального права), а с другой – предполагает рассмотрение административного направления правового регулирования в качестве не абстрактной отрасли права, а вполне реальной отрасли национального законодательства. При этом рассуждения о том, какое название (полицейское право, государственное право, административное право) более соответствует научности, а какое является псевдонаучным, как представляется, не имеют смысла в силу субъективности точек зрения авторов, руководствующихся в своих построениях монистическим принципом «все точки зрения делятся на две – мою и неправильную».

Вернемся к пенитенциарному праву. Действительно, в Российской империи данный термин при отраслевом делении права не использовался, и ничего странного в этом нет. Российские ученые дореволюционного периода опирались в своих теоретических конструкциях на континентальную европейскую традицию и в большей степени не решали абстрактный теоретический вопрос, что такое право и каким образом оно устроено, а выстраивали практико-ориентированные конструкции, имевшие своей целью адаптацию имплементируемых правовых институтов, принципов, технологий к реалиям российского общества, изначально ориентированного не на формально-юридические предписания, а на морально-нравственные установки. Именно с этим обстоятельством следует связывать относительное невнимание к вопросам структурирования права со стороны российских ученых-юристов XIX – начала XX вв.

Советская юриспруденция основывалась на популярной концепции мироустройства, в рамках которой противопоставлялись две государственно-правовые системы: западная (капиталистическая) и восточная (социалистическая). Причем данное противопоставление носило антагонистический характер. То, что провозглашалось ценным на капиталистическом Западе, не признавалось социалистическим Востоком и наоборот. Естественно, такое положение дел не могло не затронуть сферу права. Однако, если капиталистическое право, в целом сложившись в странах Западной Европы, более чем за 200 лет (XVII–XX вв.) обрело стабильные юридические формы и признаваемые большинством граждан юридико-технические средства правотворческой и правореализационной деятельности, то социалистическое, возникнув как явление новой реальности на революционной волне «отречения от старого мира» и неприятия опыта прежней жизни, вынуждено было с колес создавать собственную правовую теорию, в рамках которой вопросы, связанные с отраслевым делением, вполне закономерно вышли на первый план. Вполне логично, что из советского уголовно-исполнительного языка исчезло чуждое советской атеистической менталь-

ности слово «пенитенциарный», одним из значений которого являлось «покаянный». В советской России уголовно-исполнительная система распространяла свое действие на две категории граждан. В отношении врагов народа/государства и неисправимых преступников (злостных рецидивистов) уголовное наказание выступало в качестве карающего меча. Что же касается лиц, принадлежавших к классово близким трудящимся социальным группам и совершивших преступления в силу недостаточности культурного развития, по недомыслию и неосторожности, то применительно к ним государственная система уголовных наказаний являла собой инструмент профилактического и исправительного воздействия. При этом на государственном уровне поддерживалась гипотеза о возможности окончательного искоренения преступности как явления, чуждого советской культурной традиции, ориентированной в своем поступательном развитии на построение бесклассового, а значит, и безгосударственного коммунистического общества, в котором не будет ни преступности, ни уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, ни связанной с этими отраслями уголовно-исполнительной системы.

Разрушение системы *советского социалистического права* (курсив наш – Р. Р.), обусловленное разрушением советского социалистического государства (СССР/РСФСР), не сопровождалось переосмыслением концептуальных основ правопонимания. Несмотря на критику ортодоксального нормативизма советского периода и активное внедрение в теорию правопонимания концептуального плюрализма, в первую очередь юснатурализма, в области отраслевой и прикладной юриспруденции продолжал главенствовать юридический позитивизм, основанный на неразрывной связи права с государством и безусловном доминировании в системе формальных источников права нормативно-правовых актов, среди которых приоритет отдавался актам национального законодательства и президентским указам.

В сложившейся ситуации дискуссия о структурной композиции системы права с дальнейшим определением в ней тех или иных предлагаемых заинтересованными авторами отраслей приобретала характер обсуждения ради обсуждения. Если советское право проводило четкое разграничение с имперским, считая себя исторической инновацией, то право современной России, констатируя свое отличие как от монархического, так и от советского, тем не менее четкого разграничения между соответствующими правовыми парадигмами не проводит. Нельзя же всерьез признавать концептуальными изменениями переименование государственного права в конституционное, а теории государства и права – в теорию права и государства. Возвращение в юридический словарный оборот термина «пенитенциарный» следует рассматривать под разными углами. С одной стороны, сторонники его внедрения руководствовались, как уже ранее отмечалось, стремлением к «умничанью» за счет механического изменения соответствующей линейки названий: уголовно-исполнительная система – пенитенциарная система, уголовно-испол-

нительное право – пенитенциарное право, учреждения уголовно-исполнительной системы – пенитенциарные учреждения и т. п. Если брать за основу такой подход, то вопрос о том, является ли пенитенциарное право элементом системы права современной России (хотя, на наш взгляд, корректнее говорить либо о национальной правовой системе, либо о системе национального законодательства), сводится к тому, считаем ли мы понятия «уголовно-исполнительный» и «пенитенциарный» взаимозаменяемыми. Примерно такая же ситуация сложилась в середине 90-х гг. прошлого века, когда решался вопрос об изменении названия науки, отрасли права и учебной дисциплины с государственного права на конституционное. При этом очень много говорилось о том, насколько важно такое изменение в плане демократизации государственного устройства России. Что интересно, большинство кафедр в ведомственных вузах сохранили советское название «кафедра государственно-правовых дисциплин». Его же получила одна из укрупненных научных специальностей – публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Если же исходить из сущности пенитенциарности как сферы социальной деятельности, в которой наказание воспринимается не столько как карательное воздействие, призванное продемонстрировать мощь и безжалостность государства в отношении маленького человека, никак не застрахованного в своей жизни от сумы и от тюрьмы, сколько в качестве преподаваемого урока, направленного на осознание вины за совершенное преступление и деятельное раскаяние в нем, то ситуация кардинальным образом меняется. Закрепление в ст. 2 Конституции Российской Федерации положения, в соответствии с которым «человек, его права и свободы являются основной ценностью», наполняет существующую систему исполнения наказаний качественно отличной как от имперского, так и от советского аналогов смысловой нагрузкой, придавая ей именно пенитенциарную (исправительную, покаянную) направленность. Нас могут упрекнуть в правовом идеализме. Не будем спорить, в современной России многие внедренные в теперь уже далеких 1990-х гг. либеральные ценности и принципы воспринимаются как нежизнеспособные, химеричные. Но такое отношение не является свидетельством того, что эти ценности не могут быть восприняты и реализованы в принципе. Возьмите, к примеру, церковь. Данная структура, работая с верующими и идущими к вере, не ставит перед собой задачу выращивания стопроцентных праведников. Задачу не ставит, а деятельность, направленную на утверждение человека на богоугодном пути, осуществляет, в том числе в учреждениях уголовно-исполнительной системы, реализуя тем самым пенитенциарную функцию. То же самое можно сказать и о сотрудниках уголовно-исполнительной системы, работающих с преступившими закон гражданами, остающимися при этом людьми, права и свободы которых государство признает в качестве основной ценности.

И снова зададимся вопросом, можно ли говорить о пенитенциарном праве как отрасли современного российского права. Если иметь в виду объективное

право безотносительно к национально-исторической специфике, то, вне всякого сомнения, нет. Можно с определенными оговорками говорить о пенитенциарном праве и пенитенциарной системе применительно к национальной правовой системе России. Такое понимание позволяет осуществлять сравнительный анализ аналогичных систем (независимо от их официального наименования), создаваемых и функционирующих на различных этапах российско-го политогенеза. В частности, проведенный разбор позволяет утверждать, что концепция организации и деятельности советской уголовно-исполнительной системы без сколько-нибудь существенных изменений была воспринята уголовно-исполнительной системой постсоветской России, которая продолжает в настоящее время оставаться преимущественно репрессивно-карательной, независимо от того, используется в ее наименовании слово «пенитенциарный» или нет.

Говоря о месте пенитенциарного права в системе национального законодательства, следует подчеркнуть недопустимость сведения правовых актов, регламентирующих сферу, тем или иным образом связанную с исполнением уголовных наказаний, исключительно к уголовно-исполнительному праву. Люди, отбывающие наказание, участвуют в разнообразных правоотношениях, определяемых различными правовыми актами (конституционными, гражданскими, административными, семейными, трудовыми и др.), при этом правовое регулирование осуществляется с учетом субъектного состава и содержания соответствующих отношений, которые, несмотря на предметное различие, имеют общий объект – пенитенциарную среду. Именно такая особенность позволяет говорить о пенитенциарном праве как межотраслевой нормативной общности, объединяющей как специализированные правовые акты, так и акты, имеющие опосредованное отношение к пенитенциарным коммуникациям.

В заключение выражаем благодарность А. Н. Боброву и Н. А. Мельниковой за подготовленную ими статью, прочтение которой побудило нас еще раз осмыслить феномен пенитенциарного права. Единственное, о чем хотелось бы попросить уважаемых авторов, – о сохранении в своих последующих работах корректного отношения к любым высказываемым точкам зрения, независимо от субъективной их оценки. Полагаем, что классические отрасли права не нуждаются в чьей бы то ни было защите именно в силу своей «классичности». Пенитенциарное право на классическую роль в юриспруденции точно не претендует, поэтому и пафосно защищать от него систему права в целом и систему российского права в частности не стоит.

Представляя собой регулятивно-охранительную систему, объединяющую правовые акты, в которых закрепляются пенитенциарные нормы, определяющие основополагающие принципы и механизмы организации и функционирования пенитенциарной системы, устанавливающие меры поощрения за позитивное поведение и меры негативной ответственности за совершение правонарушений, пенитенциарное право выступает в качестве комплексного

средства правового воздействия в сфере пенитенциарных правоотношений.

С учетом разделения функций права на регулятивные и охранительные следует дифференцировать регулятивные и охранительные функции пенитенциарного права. Регулятивное воздействие пенитенциарного права имеет своей целью поддержание сложившегося в пенитенциарной сфере правопорядка и его позитивную коррекцию. Охранительное воздействие направлено на профилактику возможных правонарушений и адекватную реакцию на совершаемые противоправные деяния. При этом во всех случаях реализация норм пенитенциарного права осуществляется в форме пенитенциарных правоотношений, противопоставляемых пенитенциарным правонарушениям.

На сформулированный А. Н. Бобровым и Н. А. Мельниковой вопрос, являются ли отношения, возникающие в уголовно-исполнительной системе в связи с противоправными деяниями, пенитенциарными или не входят в предмет пенитенциарного права, считаем нужным ответить следующим образом. Право и правонарушение, являясь детерминирующими явлениями, одновременно выступают в качестве антагонистических конструкций. Правонарушение проистекает из права, так же как смерть является следствием жизни. Рассуждая в рамках формально-юридического подхода к пониманию права, следует признать, что не является правонарушением деяние, прямо не предусмотренное в качестве такового в соответствующем правовом акте. А раз так, то, как это ни парадоксально, правонарушение – это следствие права. Нет правового акта, определяющего виды и составы правонарушений, а также устанавливающего меры юридической ответственности за них, – нет в формальном смысле и самих правонарушений. Соответственно, все юридически значимые (предусмотренные правом) общественные отношения следует разделять на правомерные (правоотношения) и противоправные (правонарушения). Из сказанного следует, что пенитенциарные правоотношения – это всегда отношения правомерные. Не являются исключением и отношения, возникающие в связи с совершением (либо профилактикой) пенитенциарных правонарушений. Данные правоотношения связаны с реализацией охранительной функции пенитенциарного права и поэтому называются охранительными. В отличие от регулятивных правоотношений, основанных на презумпции правомерности сознания и поведения субъектов соответствующих пенитенциарных коммуникаций, охранительные правоотношения основываются на презумпции противоправности субъективного сознания и поведения. Таким образом, в предметную область пенитенциарного права входят как правомерные, так и противоправные деяния участников пенитенциарных коммуникаций. В то же время в качестве позитивных форм социального поведения в пенитенциарной сфере следует рассматривать только правоотношения. В свою очередь, правонарушения представляют собой противоправные юридические факты, с профилактикой которых и противодействием которым связаны пенитенциарные правоотношения охранительной направленности.

Итак, существует ли пенитенциарное право? Ответ: существует. Несмотря на отсутствие законодательной дефиниции, термин «пенитенциарный» достаточно активно используется как в научно-образовательном процессе, так и в официальном нормотворчестве, в том числе встречается в действующей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г.

Занимает ли пенитенциарное право определенное место в российской правовой системе? Если мы признаем существование пенитенциарной системы, то логично признавать и пенитенциарное право, а раз так, то и определенное место в системе национального права России этот феномен занимает. Является ли это место четко определенным и однозначно воспринимаемым всеми исследователями? Нет, поскольку нет в науке единого мнения, характерного для базирующейся на властной вертикали бюрократии, где приказ начальника воспринимается подчиненным как закон.

Устоится ли термин «пенитенциарный» применительно к организационным и нормативным регуляторам, при помощи которых осуществляется регулятивно-охранительное воздействие в сфере исполнения наказаний, покажет высший судья – равнодушное время. Лично мы выступаем за то, чтобы со временем пенитенциарное право приобрело свой концептуально завершенный категориальный статус, прежде всего в научной сфере. И сам факт того, что данная статья опубликована в журнале «Пенитенциарная наука», нас вдохновляет и радует.

Выводы

1. Системность является универсальным свойством права как в абстрактно-теоретическом, так и в праксиологическом его понимании.

2. Используемые в общетеоретической и отраслевой юридической науке понятия «система права», «правовая система», «система законодательства» в ряде случаев четко не разграничиваются, что приводит к смешению формы и содержания категорий «отрасль права» и «отрасль законодательства».

3. Дискуссии относительно выделения в системе права новых отраслей продиктованы в большинстве случаев субъективными интересами отдельных авторов, решающих эгоистические задачи, как правило связанные с получением ученых степеней.

4. Пенитенциарное право как объективированное понятие – теоретико-правовая модель – представляет собой межотраслевую нормативную общность, формирующуюся одновременно с организационно-функциональным становлением специализированной государственной системы исполнения уголовных наказаний и видоизменяющуюся одновременно с ней.

5. В современном российском праве пенитенциарное право рассматривается либо как «переименованное на европейский манер» уголовно-исполнительное право, продолжающее оставаться столь же репрессивно-карательным, сколь и предшествовавшее ему уголовно-исполнительное право советского периода, либо как правовая новация, с одной стороны, призванная показать смену карательно-репрессивной целевой установки российской уголовно-исполнительной системы на исправительно-воспитательную, с другой – расширяющая предмет правового воздействия данной общности за счет включения в него наряду с собственно уголовно-исполнительными отношениями коммуникаций, регламентированных нормами других отраслей российского права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, В. И. Формирование российской пенитенциарной политики и ее источников (1879–1917 гг.) / В. И. Алексеев // Журнал российского права. – 2010. – № 7 (163). – С. 92–97.
2. Алексеев, В. И. Исправительный дом в системе пенитенциарных учреждений как результат тюремных преобразований в России (1879–1917 гг.) / Василий Иванович Алексеев // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 4 (22). – С. 69–73.
3. Баранов, А. М. Перманентное изменение уголовно-процессуального закона как свойство современной законности / А. М. Баранов // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 204–207.
4. Бобров, А. М. Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права? // Артем Михайлович Бобров, Наталья Александровна Мельникова // Пенитенциарная наука. – 2022. – Том 16, № 2 (58). – С. 118–126.
5. Пертли, Л. Ф. Тюремная политика Российской империи (1879–1917 годы) / Л. Ф. Пертли // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 9. – С. 29–34.
6. Уфимцева, Е. В. Развитие идей о критериях разграничения отраслей права в советской и современной российской юридической науке / Е. В. Уфимцева // Юридические исследования. – 2015. – № 4. – С. 132–163.

REFERENCES

1. Alekseev V.I. Formation of the Russian penitentiary policy and its sources (1879–1917). *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2010, no. 7, pp. 92–97. (In Russ.).
2. Alekseev V.I. Correctional house in the penitentiary system as a result of prison transformations in Russia (1879–1917). *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2015, no. 4 (22), pp. 69–73. (In Russ.).
3. Baranov A.M. Permanent changes in the criminal procedure law as a property of modern law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2017, no. 424, pp. 204–207. (In Russ.).
4. Bobrov A.M., Mel'nikova N.A. Is there any reason to single out penitentiary law in the system of Russian law? *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2022, vol.16, no. 2 (58), pp. 118–126. (In Russ.).

5. Pertli L.F. Prison policy of the Russian Empire (1879–1917). *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penitentiary System*, 2018, no. 9, pp. 29–34. (In Russ.).
6. Ufimtseva E.V. Development of ideas about the criteria for distinguishing branches of law in Soviet and modern Russian legal science. *Yuridicheskie issledovaniya=Legal Studies*, 2015, no. 4, pp. 132–163. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМASHOV – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Статья поступила 07.07.2022

Научная статья

УДК 343.81

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.002

Факторы, влияющие на безопасные условия отбывания наказания осужденными отряда по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы

АННА ИГОРЕВНА ГОЛУБЦОВАКазанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань, GolubcovVA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2013-3102>

Реферат

Введение: лишение свободы в отечественном уголовном и уголовно-исполнительном праве является самым строгим видом наказания для лиц, совершивших преступления. Главной задачей, стоящей перед учреждениями Федеральной службы исполнения наказаний, признается исправление осужденных. Формирование у осужденных правопослушного поведения, уважения к общепринятым нормам и правилам человеческого общежития, восстановление и поддержание социальных связей невозможны без реализации государственной политики, направленной на обеспечение прав и законных интересов граждан, в том числе в местах принудительного содержания. Являясь местом предварительного заключения, следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы выступают в роли исправительного учреждения в отношении целого ряда осужденных. Особый режим функционирования следственных изоляторов создает определенные трудности в процессе отбывания и исполнения наказания. В статье рассмотрены факторы, влияющие на обеспечение безопасности осужденных, отбывающих наказание в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. *Цель:* изучить различные теоретические подходы к классификации факторов, влияющих на безопасность отбывания наказания, а также определить основные угрозы жизненно важным интересам осужденных. *Методы:* методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анкетирование и статистический анализ. *Результаты:* на основе проведенного анализа выделены основные факторы, влияющие на безопасные условия отбывания наказания осужденными отряда по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы. *Выводы:* автор приходит к заключению о необходимости постоянного государственного контроля за реализацией уголовно-исполнительной политики в области обеспечения безопасности лиц, лишенных свободы, а также продолжения научной и правоприменительной деятельности по защите жизненно важных интересов осужденных.

Ключевые слова: факторы безопасности; безопасность осужденных; отбывание наказания; социально-психологический климат.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Голубцова А. И. Факторы, влияющие на безопасные условия отбывания наказания осужденными отряда по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 245–253. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.002.

Original article

Factors Affecting Safe Conditions for Serving Sentences in Economic Maintenance Units of Pre-Trial Detention Facilities

ANNA I. GOLUBTSOVA Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, GolubcovVA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2013-3102>

Abstract

Introduction: deprivation of liberty in the domestic criminal and penal law is the most severe form of punishment for persons who have committed crimes. Institutions of the Federal Penitentiary Service face the task to correct convicts. Formation of law-abiding behavior and respect for generally recognized norms and rules of human community in convicts, restoration and maintenance of social ties is impossible without implementation of state policy aimed at ensuring the rights and legitimate interests of citizens, including in places of forced detention. Pre-trial detention centers perform functions of a correctional institution in relation to a number of convicts. The special mode of functioning of pre-trial detention centers imposes certain difficulties on the process of serving and executing sentences. The article considers factors affecting the security of convicts serving sentences in pre-trial detention facilities of the penal system. *Purpose:* to study various theoretical approaches to classifying factors and their impact on the process of execution and serving of punishment, as well as identify key threats to convicts' vital interests. *Methods:* the methodological basis of this study is a set of methods of scientific cognition, among which the main place is occupied by questionnaires and statistical analysis. Results: based on the analysis carried out, the author makes a conclusion about crucial factors affecting safe conditions of serving sentences by convicts of the economic maintenance unit of pre-trial detention centers of the penal system. *Conclusions:* the author emphasizes the need for constant state control over the penal policy implementation in the field of ensuring safety of persons deprived of liberty, as well as continuation of scientific and law enforcement activities to protect the vital interests of those sentenced to imprisonment.

Keywords: safety factors; convicts' safety; serving of sentence; socio-psychological climate.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Golubtsova A. I. Factors affecting safe conditions for serving sentences in economic maintenance units of pre-trial detention facilities. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59). pp. 245–253. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.002.

Введение

Обеспечение прав человека при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы, личной безопасности и неприкосновенности осужденных и лиц, заключенных под стражу, в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России является приоритетной задачей, стоящей перед исполнительными учреждениями и следственными изоляторами Федеральной службы исполнения наказаний. Конституция Российской Федерации, декларируя права и свободы человека, в том числе совершившего преступное деяние, наделяет государственные органы обязанностями по их признанию, соблюдению и защите.

Обнародованные в 2021 г. правозащитными организациями данные о случаях совершения преступного насилия в отношении осужденных, отбывающих наказание в учреждениях ФСИН России, в том числе с участием сотрудников и персонала, влияют на общественное мнение об отечественной пенитенциарной системе в части выполнения правоохранительной функции, связанной с исправлением осужденных. Серьезные нарушения в области соблюдения прав человека в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы не только привели к кадровым изменениям в руководстве пенитенциарной службы и ее территориальных органов, возбуждению уголовных дел в отношении осужденных и сотрудников учреждений, но и привлекли внимание к институту отбывания уголовных наказаний со стороны высших государственных органов и Президента России. Можно выделить поручения главы государства, связанные с усилением мер прокурорского надзора за деятельностью мест заключения под стражу, а также подготовкой и внесением изменений в уголовно-исполнительное законодательство в части установле-

ния ответственности за пытки или иные действия, противоречащие воле человека.

Несмотря на принятые меры, к сожалению, необходимо признать тот факт, что на самом высоком уровне было уделено мало внимания причинам и условиям формирования практики применения незаконных способов исправления осужденных, а также факторам, влияющим на процесс исполнения и отбывания наказания. Все это требует более глубокого научного анализа проблем, связанных с обеспечением безопасности осужденных, и принятия действенных мер, направленных на создание безопасной среды в исправительных учреждениях.

Изучению факторов, влияющих на обеспечение безопасности осужденных в процессе исполнения и отбывания наказания, посвящены работы Е. В. Мартыновой, Д. В. Углицких, А. В. Звягиной, А. В. Смирнова, Б. Б. Казака, А. В. Щербакова, Л. В. Ложкиной, А. В. Чугунова, А. М. Сысоева, Н. В. Кузьминой, Т. А. Скуба, А. Н. Журавлева, Е. К. Панасенко, В. Б. Шабанова, А. Л. Сантасова, А. Л. Лукьянович, М. А. Громова, Р. З. Усеева, С. В. Кулаковой и др. Однако имеющийся серьезный массив теоретических знаний по-прежнему не находит должного применения на практике.

Теоретические основы

Изучение научной литературы позволяет выделить различные критерии классификации факторов, влияющих на безопасность осужденных в процессе отбывания наказания. Большинство ученых безопасность осужденных связывают со следующими факторами:

- экономическое состояние не только пенитенциарной системы, но и государства в целом;
- территориально-географическое расположение учреждений, исполняющих наказание;

- природно-климатические и экологические условия среды в местах дислокации учреждений;
- социально-политическое состояние общества;
- показатели преступности и состояние криминальной среды и другие факторы, влияющие на процесс исполнения и отбывания наказания.

При этом некоторые ученые выделяют иные факторы, влияющие на уровень защищенности жизненно важных интересов осужденных. Например, в число таковых включают состояние производственно-хозяйственной деятельности исправительного учреждения и оперативно-режимную обстановку в учреждении. Такого мнения придерживаются Е. В. Мартынова, Д. В. Углицких, А. В. Звягина, А. Н. Журавлев, Е. К. Панасенко.

Так, Е. В. Мартынова помимо основных факторов выделяет условия, влияющие на уровень безопасности осужденных, ранжируя их по силе проявления и размеру возможного вреда:

- наличие в исправительном учреждении запрещенных предметов, в том числе алкогольных напитков и наркотических средств;
- организация и предоставление медицинской помощи;
- материально-бытовое обеспечение осужденных;
- противоправное поведение осужденных, направленное на ущемление прав и свобод личности, связанное с посягательством на жизненно важные интересы [10].

В своем исследовании Д. В. Углицких указал, что на безопасные условия отбывания наказания осужденными оказывают влияние:

- кадровое обеспечение исправительного учреждения;
- эффективное взаимодействие всех структурных подразделений учреждения по обеспечению надзора;
- состояние оперативной обстановки и принятие решений при ее изменении;
- состояние правопорядка и законности в исправительном учреждении, а также материально-техническое обеспечение организации надзора [15].

Одним из важных условий, обеспечивающих безопасность осужденных, по мнению А. В. Звягиной, является трудовая адаптация. Автор выделяет производственные и внепроизводственные факторы. К производственным отнесены факторы, связанные с привлечением трудоспособных осужденных к трудовой деятельности, невостребованностью большинства профессий, осваиваемых осужденными в процессе отбывания наказания, устареванием большей части материально-технической базы производственного сектора. Внепроизводственные факторы включают в себя экономические, организационные, психофизиологические, социально-психологические и культурно-бытовые [4].

А. Н. Журавлев, рассматривая вопросы обеспечения безопасности в процессе исполнения наказания через показатели состояния оперативной обстановки в исправительном учреждении, предлагает следующую классификацию негативных факторов:

- недостатки в сфере организации исполнения наказания, связанные с организацией деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы;
- состояние преступности как внутри, так и вне исправительного учреждения;
- политическая обстановка в стране и связанные с ней акции народного неповиновения;
- негативная реакция осужденных на изменения внешней и внутренней среды обитания;
- чрезвычайные ситуации в исправительном учреждении (пожары, аварии, взрывы, разрушения);
- неустойчивость функционирования исправительного учреждения;
- невыполнение сотрудниками должностных обязанностей, несоблюдение мер безопасности и правил несения службы, а также непрофессиональные действия сотрудников и др. [3].

Е. К. Панасенко разделяет факторы на группы, связанные:

- с организационно-управленческой деятельностью администрации исправительного учреждения;
- трудовым использованием осужденных;
- состоянием надзора за поведением осужденных;
- сферой исполнения и отбывания лишения свободы [11].

А. М. Смирнов, рассматривая вопросы обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений, предложил выделять виктимологическую безопасность, определяемую как состояние защищенности от противоправных (негативных) действий и посягательств. Вероятность стать жертвой противоправного посягательства или преступления, по мнению автора, зависит от следующих факторов:

- личностной характеристики осужденного;
- характера совершенного преступления;
- психологической среды обитания осужденных;
- состояния правопорядка и законности в процессе исполнения наказания;
- социального статуса осужденного [13].

Б. Б. Казак, А. В. Щербаков, Л. В. Ложкина, А. В. Чугунов, А. М. Сысоев, Н. В. Кузьмина, Т. А. Скуб безопасность осужденных связывают с таким фактором, как состояние пенитенциарной преступности в целом.

Б. Б. Казак и А. В. Щербаков пришли к выводу, что безопасность исправительного учреждения также зависит от специфики пенитенциарной преступности, которая включает в себя:

- пенитенциарные отношения;
- субъектный состав преступников;
- специфику психоземotionalной стороны преступных проявлений;
- повышенную латентность.

По масштабу распространенности угроз и опасностей ученые делят факторы на глобальные, региональные и локальные [5].

Л. В. Ложкина и А. В. Чугунов среди прочих факторов безопасность осужденных в исправительном учреждении связывают:

- с состоянием преступности в стране;
- изменением в худшую сторону качественных характеристик осужденных, высоким уровнем совер-

шенных в исправительном учреждении преступлений против личности;

- недостаточной профилактической работой по предотвращению преступлений;
- непростым финансовым положением самой пенитенциарной системы и др. [9].

Изучая вопросы противодействия экстремизму в местах лишения свободы, А. М. Сысоев уровень безопасности личности считает обусловленным следующими особенностями исправительных учреждений:

- социальная изоляция;
- приоритет асоциальных отношений в среде осужденных;
- агрессивное поведение большого количества осужденных;
- высокий процент лиц, страдающих психическими расстройствами;
- «перенаселенность» пенитенциарных учреждений;
- однообразие быта осужденных;
- строго регламентированный процесс исполнения уголовного наказания [14].

Н. В. Кузьмина, Т. А. Скуб справедливо отмечают, что факторами, оказывающими непосредственное влияние на процесс отбывания наказания, могут быть как различные изменения в обществе, так и состояние преступности в стране, а именно:

- организационно-правовые и криминогенные процессы, протекающие в исправительном учреждении;
- социальная среда;
- преступная идеология;
- недостатки в работе самих исправительных учреждений;
- пробелы в законодательстве;
- недостатки, имеющие криминальный, психологический и организационно-управленческий характер [7].

А. В. Щербаков связывает состояние безопасности осужденных с негативными процессами и явлениями социального толка, к которым он относит омоложение преступности и ухудшение криминологических характеристик осужденных, а также трудности организации социально полезной занятости осужденных в исправительном учреждении и принятия мер по их ресоциализации [18].

В. Б. Шабанов, А. Л. Сантасов, А. Л. Лукьянович, рассмотрев состояние внутренних процессов социальной среды при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы, специфику социальной сферы исправительного учреждения, а также недостатки деятельности пенитенциарной системы, пришли к выводу, что безопасность осужденных также зависит:

- от уровня социального контроля над преступностью;
- научных исследований, законодательной инициативы и правоприменительной деятельности в области защиты прав человека;
- специфичности мест лишения свободы;
- наличия преступных норм и традиций психологического контакта;
- состояния общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы;

– эффективности деятельности контролирующих и надзирающих органов [17].

Важнейшей задачей в сфере обеспечения безопасности, по мнению С. В. Кулаковой, является недопущение каких-либо эксцессов с участием осужденных и формирование психологической готовности сотрудников к указанным действиям. Как отмечает автор, все факторы, влияющие на психологическую готовность сотрудников обеспечивать безопасность учреждений уголовно-исполнительной системы, можно разделить на организационные, материально-технические, психологические и криминогенно-ситуативные, включающие в себя:

- организационные вопросы деятельности пенитенциарных учреждений и готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств;
- инженерно-техническое обеспечение служебной деятельности;
- систему личностных и профессиональных характеристик сотрудников [8].

М. А. Громов, разделив все факторы, влияющие на безопасность осужденных, на внешние и внутренние, особое внимание уделяет:

- нравственной характеристике общества, от которой зависит духовная безопасность страны;
- демографическим процессам и структуре населения;
- географическому положению учреждений уголовно-исполнительной системы;
- деятельности международных организаций;
- состоянию криминальной культуры в среде осужденных;
- состоянию производственной и хозяйственной деятельности в исправительном учреждении;
- состоянию исправительного процесса и др. [1].

Р. З. Усеев состояние защищенности жизненно важных интересов осужденных связывает:

- с влиянием на них опасностей природного, экологического, техногенного и социального характера;
- специальным статусом пенитенциарной системы;
- состоянием социальной и правовой защищенности службы в уголовно-исполнительной системе;
- уровнем служебной дисциплины, преступности среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, степенью ее коррумпированности;
- несовершенством уголовно-исполнительного законодательства;
- несоблюдением отечественного и международного законодательства в области пенитенциарного права и др. [16].

Результаты

Рассмотрев классификации, предложенные учеными-пенитенциаристами, можно сделать вывод о том, что основными факторами, влияющими на безопасность осужденных, являются:

- условия отбывания наказания;
- криминальная среда отбывания наказания;
- криминологическая характеристика осужденных;
- кадровое обеспечение исправительных учреждений, социальная защищенность сотрудников уголовно-исполнительной системы;

- эффективный надзор за осужденными;
- состояние оперативной обстановки и принятие решений при ее изменении;
- материально-техническое обеспечение организации надзора;
- трудовая адаптация осужденных;
- морально-психологический климат;
- состояние правопорядка и законности;
- специфика пенитенциарной преступности;
- криминогенная обстановка в стране;
- финансовое положение уголовно-исполнительной системы;
- социальная изоляция, асоциальные отношения в среде осужденных;
- строго регламентированный процесс исполнения уголовного наказания;
- воспитательная работа с осужденными и их ресоциализация;
- государственный, судебный, общественный контроль и надзор за деятельностью исправительных учреждений;
- деятельность международных организаций;
- уровень развития субкультуры осужденных;
- состояние и применение норм отечественного и международного уголовно-исполнительного законодательства.

Рассмотрим влияние вышеперечисленных факторов на состояние защищенности жизненно важных интересов личности, соблюдение прав и законных интересов осужденных, отбывающих наказание в следственном изоляторе.

Согласно УИК РФ следственный изолятор является исправительным учреждением для нескольких категорий осужденных. Самой значительной категорией являются лица, которые были оставлены в учреждении выполнять работы хозяйственного назначения. Осужденные отбывают наказание в следственном изоляторе на условиях, которые установлены в колониях общего режима, но с существенными, на наш взгляд, особенностями, в большинстве случаев положительно влияющими на процесс исполнения наказания.

Учитывая тот факт, что все осужденные, отбывающие наказание в следственном изоляторе, трудоустроены и имеют постоянный заработок не ниже установленного прожиточного минимума, вопросы трудовой адаптации на процесс обеспечения безопасности должного влияния не оказывают. Более того, финансовая безопасность осужденных не зависит от экономической обстановки в регионе дислокации изолятора, хозяйственной и производственной деятельности учреждения, а также и других факторов, связанных с трудовым использованием осужденных. Указанные обстоятельства обеспечивают стопроцентное привлечение к труду осужденных, имеющих иски по уголовным и гражданским делам, что гарантирует принятие должных мер к их погашению.

Работы, выполняемые осужденными в следственном изоляторе, в основном не носят производственного характера, за исключением приготовления пищи и стирки постельного белья. Справедливо будет отметить, что уровень производственного травматизма

среди осужденных указанной категории незначителен. Как правило, травмы носят бытовой характер и не приводят к тяжелым последствиям.

Принимая во внимание тот факт, что в следственном изоляторе отбывают наказание лица, преимущественно положительно характеризующиеся, ранее не отбывавшие наказание в виде лишения свободы, криминальные проявления, угрожающие личной безопасности осужденных, в отряде по хозяйственному обслуживанию выражены слабо. Низкий уровень криминогенности связан также с тем, что отбывать наказание в отряде по хозяйственному обслуживанию остаются те лица, которые не хотят находиться в колонии общего режима. Причин нежелания ехать в колонию может быть несколько: страх перед криминальной средой, присутствующей в колонии общего режима, адаптация осужденных к условиям следственного изолятора и нежелание в будущем вновь переживать стресс, связанный с переводом в другое исправительное учреждение.

Как правило, в среде осужденных, отбывающих наказание в следственном изоляторе, уровень развития криминальной субкультуры крайне низкий, взаимоотношения носят в основном доброжелательный характер, уровень нарушений и преступлений, а также влияние криминогенной среды минимальны.

Рассматривая вопросы виктимологической безопасности осужденных, отбывающих наказание в следственном изоляторе, можно с уверенностью сказать, что вероятность стать жертвой преступления в период отбывания наказания незначительна. Положительные личностные характеристики осужденных, слабо выраженная криминальная субкультура, отсутствие осужденных отрицательной направленности, повышенная толерантность к характеру совершенного преступного деяния, морально-психологический климат в среде осужденных, поддержание на должном уровне законности и правопорядка, статус осужденных «ранее не отбывавшие наказание», отсутствие опыта лишения свободы – все это предельно минимизирует негативные угрозы безопасности осужденных и практически исключает совершение преступлений против личности.

Положительное влияние на безопасность осужденных в следственном изоляторе также оказывают факторы, связанные с процессом исполнения наказания:

- высокая степень надзора за заключенными и его материально-техническое обеспечение;
- высокий уровень применения интегрированных систем безопасности;
- повышенные требования к изоляции различных категорий лиц, содержащихся в следственном изоляторе;
- камерное содержание лиц, способных оказывать негативное влияние на осужденных, и др.

Необходимо также отметить, что отряды по хозяйственному обслуживанию следственного изолятора, как правило, немногочисленные, их количественный состав зависит от фактической наполняемости учреждения. В соответствии с правилами проектирования количество осужденных, выполняющих хозяй-

ственные работы, не может превышать 7 % лимита наполнения следственного изолятора [12]. В таких условиях возможна более эффективная работа по исправлению осужденных, формированию и закреплению у них положительных качеств, уважительного отношения к нормам человеческого общежития, соблюдению прав на личную неприкосновенность, жизнь и здоровье, поддержанию здорового морально-психологического климата. Тем самым снижается зависимость процесса отбывания наказания от социальной изоляции, асоциальных межличностных отношений, быта осужденных, проблем организации их социально полезной занятости и мер по ресоциализации.

Не оказывают существенного негативного влияния на безопасность осужденных территориально-географические условия функционирования учреждения. В основном следственные изоляторы располагаются в крупных населенных пунктах. В местах их дислокации, как правило, расположены другие органы государственной власти, правоохранительные органы, которые осуществляют судебный, общественный и ведомственный контроль деятельности изоляторов, а также постоянный прокурорский надзор. В указанных обстоятельствах вопросы обеспечения прав осужденных, в том числе на личную безопасность, находятся под более пристальным вниманием, чем в исправительных учреждениях, расположенных за пределами крупных территориальных образований.

Однако справедливо будет отметить, что помимо положительных моментов, связанных с отбыванием наказания в следственном изоляторе, существуют и негативные. Реальное воздействие на состояние защищенности жизненно важных интересов осужденных могут оказывать финансово-экономическое положение пенитенциарной системы, а также профессиональная деятельность сотрудников и персонала.

В информационно-аналитической справке по результатам изучения социально-психологической обстановки в среде осужденных, проводившегося по указанию ГУФСИН России по Пермскому краю в 2021 г., выявлены характерные для большинства следственных изоляторов проблемные моменты. К ним осужденные отнесли:

- организацию работы медицинской части;
- нарушения в оплате труда, связанные с отсутствием компенсации за переработку, работу в выходные и праздничные дни;
- обеспечение магазинов при следственном изоляторе продуктами питания и предметами первой необходимости;
- коммунальные и бытовые условия проживания;
- встречи с родными и близкими людьми, защитником по уголовному делу;
- организацию исправительного процесса;
- низкий уровень справедливости во взаимоотношениях с сотрудниками, а также высокий уровень конфликтности [2].

Имеющиеся в процессе отбывания наказания трудности в большинстве случаев носят объективный характер и связаны с особенностями функциониро-

вания следственного изолятора как учреждения, исполняющего приговор суда.

Выделим ряд объективных угроз жизненно важным интересам осужденных, связанных с особым характером деятельности следственного изолятора.

1. Специфика деятельности следственного изолятора.

Рассматриваемые учреждения предназначены в первую очередь для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Для этого устанавливается режим содержания под стражей, направленный в том числе на обеспечение прав и законных интересов заключенных. В этом состоит одна из основных функций изолятора. Следственные изоляторы выполняют две разные по содержанию, но одинаковые по степени ответственности задачи:

- содержание под стражей лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу;

- исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, в том числе входящих в отряд по хозяйственному обслуживанию.

При этом закономерно считается, что выполнение первой задачи образует приоритетное направление деятельности, вследствие чего вопросам обеспечения прав и законных интересов осужденных, как правило, уделяется меньше внимания. Необходимо отметить, что повышенная конфликтность взаимодействия осужденных с сотрудниками учреждения в большинстве случаев не связана с низким уровнем законности в процессе исполнения уголовного наказания и не влечет применения не предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством средств исправления осужденных, а является следствием высоких нагрузок, большого объема выполняемых сотрудниками и персоналом следственных изоляторов задач.

Однако в указанных условиях может возникнуть и другой негативный момент, связанный с наличием неслужебных взаимоотношений сотрудников и персонала с осужденными. В условиях дефицита кадров и большого объема выполняемых служебных задач нередки случаи, когда осужденные могут привлекаться к выполнению несвойственных задач.

2. Особая среда отбывания наказания.

Принято считать, что уголовно-исполнительная система начинается со следственного изолятора. Именно в него первоначально поступают лица, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Подозреваемые и обвиняемые проходят необходимое медицинское освидетельствование, флюорографическое и лабораторные исследования, по результатам которых нередко выявляются инфекционные, социально значимые и опасные заболевания (туберкулез, гепатиты, сифилис, чесотка, ВИЧ-инфекция и др.). Учитывая, что осужденные, отбывающие наказание в следственном изоляторе, непосредственно и постоянно выполняют работы по хозяйственному обслуживанию всех помещений и объектов, находятся в зоне риска, угроза их заражения указанными заболеваниями является высокой.

3. Количественный и качественный состав осужденных.

Отряд по хозяйственному обслуживанию формируется из осужденных, ранее не отбывавших наказание, положительно характеризующихся, не желающих отбывать наказание в исправительной колонии общего режима, а также обратившихся к начальнику следственного изолятора с соответствующей просьбой.

По мнению К. В. Корсакова и И. А. Жилко, осужденные указанной категории всегда характеризовались отсутствием ярко выраженной антиобщественной установки и значительно меньшей по сравнению с другими категориями осужденных подверженностью действию различного рода криминогенных факторов [6].

Нередко инициаторами оставления осужденных в отряде по хозяйственному обслуживанию являются родственники осужденных, так как у них отсутствует возможность посещать родственников в исправительном учреждении в силу его удаленности и наличия иных личных обстоятельств. Учитывая, что лимит наполнения отряда по хозяйственному обслуживанию зависит от наполняемости следственного изолятора, фактическая численность осужденных не может быть увеличена без каких-либо серьезных оснований. Недостаточность количества осужденных, выполняющих работы по хозяйственному обслуживанию, приводит к нарушению в процессе отбывания наказания осужденными таких требований трудового законодательства, как:

- предоставление должного количества выходных дней;
- соблюдение 40-часовой рабочей недели;
- оплата сверхурочных часов, а также работы в выходные и праздничные дни;
- предоставление и проведение ежегодных отпусков и т. д.

Администрация следственного изолятора в большинстве случаев поддерживает осужденных при подаче ими ходатайств об изменении вида исправительного учреждения, замене неотбытой части наказания более мягким видом, а также условно-досрочном освобождении.

В силу того, что в следственном изоляторе не регламентирован порядок отбывания наказания осужденными на строгих условиях, предусмотренных УИК РФ, осужденные, допустившие злостные нарушения, а также не желающие отбывать наказание в условиях изолятора, переводятся в колонии общего режима.

Считаем, что в указанных обстоятельствах осужденные вынуждены принимать соответствующие условия отбывания наказания в следственном изоляторе, претерпевать ограничения прав и законных интересов в надежде на скорейшее освобождение от отбывания наказания.

4. Состояние финансового и хозяйственного обеспечения.

Следственные изоляторы, выполняя функции исправительных учреждений, не ведут никакой произ-

водственно-хозяйственной деятельности. В большинстве случаев у них отсутствует возможность осуществлять внебюджетную деятельность, что приводит на практике к отсутствию дополнительных средств.

Заключение

Справедливо будет отметить, что, несмотря на имеющиеся негативные факторы, влияющие на процесс исполнения и отбывания наказания в следственном изоляторе, по сравнению с состоянием защищенности жизненно важных интересов осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении, условия пребывания в изоляторе являются более безопасными. В отрядах по хозяйственному обслуживанию практически не совершаются преступления, а уровень правонарушений является минимальным.

Несмотря на то, что в следственном изоляторе обеспечиваются положительный морально-психологический климат и более безопасные условия отбывания наказания, с целью снижения негативного влияния процесса отбывания наказания на состояние жизненно важных интересов осужденных предлагаем:

- держать на постоянном контроле вопросы обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы. Разработать концепцию безопасности уголовно-исполнительной системы, в которой предусмотреть меры, направленные на обеспечение безопасности подозреваемых, обвиняемых и осужденных в местах лишения свободы;
- усилить роль общественных организаций, в том числе правозащитных, в обеспечении защиты прав осужденных, что повысит уровень доверия общества к деятельности пенитенциарного ведомства. Расширить возможности привлечения гражданских общественных организаций (учреждений, объединений) к решению вопросов, связанных с оказанием медицинской, социальной, психологической и иной помощи лицам, отбывающим наказание;
- продолжить научные исследования в области уголовно-исполнительного права и своевременно внедрять научные достижения в практическую деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Закрепить в УИК РФ и Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» понятие «безопасность осужденных и лиц, заключенных под стражу», определить критерии, пределы, силы и средства ее обеспечения.

Соглашаясь с мнением зарубежных ученых, отметим, что лишение свободы оказывает долгосрочное влияние на позитивную жизнь правонарушителей, в связи с чем рекомендуется предпринимать согласованные усилия по реинтеграции бывших осужденных, прилагать все усилия к тому, чтобы они могли получить оплачиваемую работу после возвращения на свободу и не совершили больше преступлений [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громов, М. А. Организация безопасности в исправительных учреждениях : учебное пособие / М. А. Громов. – Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2004. – 252 с.
2. Голубцова, А. И. Особенности социально-психологического климата в среде осужденных, отбывающих наказание в отряде по хозяйственному обслуживанию в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы России (на примере следственных изоляторов ГУФСИН России по Пермскому краю) / А. И. Голубцова // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2022. – № 1 (44). – С. 30–42.
3. Журавлев, А. Н. Классификация факторов, осложняющих оперативную обстановку в исправительном учреждении / А. Н. Журавлев // Уголовно-исполнительное право. – 2006. – № 1. – С. 88–89.
4. Звягина, А. В. Трудовая адаптация осужденных как один из факторов обеспечения экономической безопасности уголовно-исполнительной системы / А. В. Звягина // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников : в 10 томах. Том 9. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – С. 80–83. – ISBN 978-5-7743-0937-5.
5. Казак, Б. Б. Отдельные угрозы и факторы, оказывающие влияние на безопасность уголовно-исполнительной системы / Б. Б. Казак, А. В. Щербаков // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников : в 10 томах. Том 9. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – С. 295–300. – ISBN 978-5-7743-0937-5.
6. Корсаков, К. В. Криминологическая характеристика осужденных, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию / К. В. Корсаков, И. А. Жилко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 3. – С. 72–79.
7. Кузьмина, Н. В. Факторы, обуславливающие обеспечение безопасности в местах лишения свободы / Н. В. Кузьмина, Т. А. Скуб // Модернизация российского законодательства в условиях конституционной реформы : сборник трудов XVII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (9–10 декабря 2020 г., г. Кострома) / ответственные редакторы Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2021. – С. 322–325. – ISBN 978-5-8285-1141-9.
8. Кулакова, С. В. Факторы и механизмы формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к обеспечению безопасности в пенитенциарных учреждениях / С. В. Кулакова // Глобальный научный потенциал: психология и педагогика. – 2018. – № 10 (91). – С. 27–28.
9. Ложкина, Л. В. Безопасность в исправительных учреждениях и факторы, негативно влияющие на ее состояние / Л. В. Ложкина, А. В. Чугунов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2013. – Выпуск 3. – С. 161–167.
10. Мартынова, Е. В. Факторы, влияющие на состояние личной безопасности осужденных к лишению свободы, в процессе оперативно-розыскной деятельности / Е. В. Мартынова // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 4. – С. 104–109.
11. Панасенко, Е. К. Криминологическая безопасность осужденных в местах лишения свободы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Панасенко Екатерина Константиновна. – Рязань : Академия ФСИН России, 2007. – 29 с.
12. Свод правил СП 247.1325800.2016 «Следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200137143?ysclid=I7ivlXosd806058710> (дата обращения: 25.05.2022).
13. Смирнов, А. М. Виктимологическая безопасность осужденных к лишению свободы: концептуальные аспекты / А. М. Смирнов // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Том 14, № 2. – С. 277–289.
14. Сысоев, А. М. Оперативно-режимное сопровождение организации противодействия радикализации осужденных к лишению свободы / А. М. Сысоев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 4. – С. 11–21.
15. Углицких, Д. В. Факторы, влияющие на безопасность, и средства ее обеспечения в исправительных учреждениях, исполняющих пожизненное лишение свободы / Д. В. Углицких // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». – 2007. – № 1-2. – С. 108–109.
16. Усеев, Р. З. Обеспечение безопасности исправительных учреждений : учебное пособие / Р. З. Усеев. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. – 135 с. – ISBN 978-5-91612-100-1.
17. Шабанов, В. Б. Факторы, обуславливающие обеспечение безопасности осужденных в местах лишения свободы / В. Б. Шабанов, А. Л. Сантасов, А. Л. Лукьянович // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017. – № 2 (27). – С. 55–60.
18. Щербаков, А. В. Теоретические и правовые аспекты обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы / А. В. Щербаков // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Том 26, № 2. – С. 187–192.
19. Amali, S. E. Incarceration for Reformation or Deformation? / Sadiq Ewa moda Ameli, Ephraim Kevin Sibanyoni, Thompo Tshivhase // International Journal of Criminology and Sociology. – 2021. – Volume 10. – Pp. 562–571.

REFERENCES

1. Gromov M.A. *Organizatsiya bezopasnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: uchebnoe posobie* [Organization of security in correctional institutions: textbook]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii, 2004. 252 p.
2. Golubtsova A.I. Features of the socio-psychological climate among convicts serving sentences in the maintenance units in the pre-trial detention centers of the Russian penitentiary system (on the example of pre-trial detention centers of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Perm Region). *Vestnik Permskogo instituta Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazaniy=Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2022, no. 1 (44), pp. 30–42. (In Russ.).
3. Zhuravlev A.N. Classification of factors complicating the operational situation in a correctional institution. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2006, no. 1, pp. 88–89. (In Russ.).

4. Zvyagina A.V. Labor adaptation of convicts as one of the factors of ensuring economic security of the penitentiary system. In: *IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov: v 10 tomakh. Tom 9* [IV International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants: in 10 volumes. Volume 9]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 80–83. (In Russ.). ISBN 978-5-7743-0937-5.
5. Kazak B.B., Shcherbakov A.V. Certain threats and factors influencing the security of the penal enforcement system. In: *IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov: v 10 tomakh. Tom 9* [IV International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants: in 10 volumes. Volume 9]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 295–300. (In Russ.). ISBN 978-5-7743-0937-5.
6. Korsakov K.V., Zhilko I.A. Criminological characteristics of the convicted who work detention facilities upkeep service. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava=Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 3, pp. 72–79. (In Russ.).
7. Kuz'mina N.V., Skub T.A. Factors determining security in places of deprivation of liberty. In: Bril' G.G., Gruzdev V.V. (Eds.). *Modernizatsiya rossiiskogo zakonodatel'stva v usloviyakh konstitutsionnoi reformy: sbornik trudov 17 Vserossiiskikh dekabr'skikh yuridicheskikh chtenii v Kostrome. Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (9–10 dekabrya 2020 g., g. Kostroma)* [Modernization of Russian legislation in the context of the constitutional reform: proceedings of the 17th All-Russian December legal readings in Kostroma. All-Russian Scientific and Practical Conference (December 9–10, 2020, Kostroma)]. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2021, pp. 322–325. (In Russ.). ISBN 978-5-8285-1141-9.
8. Kulakova S.V. Factors and mechanisms to develop the personnel readiness to ensure security in penitentiary institutions. *Global'nyi nauchnyi potentsial: psikhologiya i pedagogika=Global Scientific Potential: Psychology and Pedagogy*, 2018, no. 10 (91), pp. 27–28. (In Russ.).
9. Lozhkina L.V., Chugunov A.V. Safety in penitentiary institutions and factors which have a negatively effect on safety. *Vestnik Udmurtskogo universiteta, seriya Ekonomika i pravo=Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2013, no. 3, pp. 161–167. (In Russ.).
10. Martynova E.V. The factors influencing the state of personal security of prisoners in the course of detective activities. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2016, no. 4, pp. 104–109. (In Russ.).
11. Panasenko E.K. *Kriminologicheskaya bezopasnost' osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminological safety of convicts in places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2007. 29 p.
12. The Code of rules SP 247.1325800.2016 "Pre-trial detention facilities of the penal system. Design rules". *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov: sait* [Electronic fund of legal and regulatory documents: website]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200137143?ysclid=I7ivlxosd806058710> (accessed May 25, 2022).
13. Smirnov A.M. Victimological safety of persons sentenced to imprisonment: conceptual aspects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=All-Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 277–289. (In Russ.).
14. Sysoev A.M. Operational-regime support of the organization of counteraction to radicalization of persons sentenced to imprisonment. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penitentiary System*, 2012, no. 4, pp. 11–21. (In Russ.).
15. Uglitskikh D.V. Factors affecting safety and means of ensuring it in correctional institutions executing life imprisonment. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: yurisprudentsiya=Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2007, no. 1–2, pp. 108–109. (In Russ.).
16. Useev R.Z. *Obespechenie bezopasnosti ispravitel'nykh uchrezhdenii: uchebnoe posobie* [Ensuring safety of correctional institutions: textbook]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2015. 135 p. ISBN 978-5-91612-100-1.
17. Shabanov V.B., Santashov A.L., Luk'yanovich A.L. Factors determining the security of convicts in detention facilities. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2017, no. 2 (27), pp. 55–60. (In Russ.).
18. Shcherbakov A.V. Theoretical and legal aspects of safety precautions of the penal system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2018, vol. 26, no. 2, pp. 187–192. (In Russ.).
19. Amali S.E., Sibanyoni E.K., Tshivhase T. Incarceration for reformation or deformation? *International Journal of Criminology and Sociology*, 2021, vol. 10, pp. 562–571.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АННА ИГОРЕВНА ГОЛУБЦОВА – аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия, GolubcovVA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2013-3102>

ANNA I. GOLUBTSOVA – Postgraduate Student of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, GolubcovVA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2013-3102>

Статья поступила 18.04.2022

Уголовно-правовое воздействие: особенности, формы, вопросы реализации

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА БАРХАТОВА

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,
ekaterinabarhatova1997@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

Реферат

Введение: в статье раскрывается сущность уголовно-правового воздействия, анализируются его формы, исследуются механизмы реализации отдельных из них. Акцентировано внимание на особенностях регламентации механизма реализации уголовно-правовых мер в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Затронуты проблемы научного и законодательного определения отдельных форм уголовно-правового воздействия, а также уголовной ответственности. Обоснован вывод о необходимости совершенствования законодательного регулирования отдельных форм уголовно-правового воздействия и механизма их реализации, а также корректировки самих форм уголовно-правового воздействия. *Цель:* разрешение отдельных вопросов регламентации механизма реализации различных форм уголовно-правового воздействия. *Методы:* в статье использовались общенаучный диалектический метод познания, позволивший уяснить суть явлений; метод анализа для выявления основных проблем, возникающих при законодательном регулировании уголовно-правового воздействия; метод синтеза, способствовавший формированию авторской позиции по поводу выявленных проблем и выработке механизма их возможного решения. *Результаты:* современные формы уголовно-правового воздействия, закрепленные в уголовном законе, и сами подходы к пониманию уголовно-правового воздействия и его реализации вызывают вопросы, обусловленные общепризнанной в науке уголовно-правовой точкой зрения относительно момента начала и окончания уголовной ответственности и подходом к пониманию уголовной ответственности. Отдельные формы уголовно-правового воздействия представляются малоэффективными и требуют корректировки. Законодательное регулирование механизма реализации уголовно-правового воздействия нуждается в пересмотре ввиду несоответствия своего современного состояния требованиям, предъявляемым к кодификации норм одной отрасли права. *Выводы:* представляется необходимым скорректировать определенные в уголовном законе формы уголовно-правового воздействия, определив, что следует отнести к таковому, руководствуясь преследуемыми им целями и задачами. Кроме того, целесообразен пересмотр системы уголовно-исполнительного законодательства, не удовлетворяющей требованиям кодификации и не отражающей в полном объеме специфику уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие; уголовная ответственность; уголовно-исполнительное право; воспитательное воздействие; судебный штраф; наказание; постпенитенциарное воздействие.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Бархатова Е. Н. Уголовно-правовое воздействие: особенности, формы, вопросы реализации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 3 (59). С. 254–262. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.003.

Original article

Criminal Legal Impact: Features, Forms, and Issues of Implementation

EKATERINA N. BARKHATOVA

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
ekaterinabarhatova1997@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

Abstract

Introduction: the article reveals the essence of the criminal legal impact, analyzes its forms, and examines mechanisms for implementing certain forms of the criminal legal impact. Attention is focused on the specifics of regulating the mechanism to implement criminal law measures in the Penal Law Code of the Russian Federation. Problems of scientific and legislative definition of certain forms of the criminal legal impact, as well as criminal liability are touched upon. The author comes to the conclusion about the need to improve the legislative regulation of certain forms of the criminal legal impact and the mechanism for their realization, as well as the necessity to adjust forms of the criminal legal impact. *Purpose:* resolution of certain issues to regulate the mechanism for implementing various forms of the criminal legal impact. *Methods:* the author uses a general scientific dialectical method of cognition to consider the essence of phenomena, an analysis method to identify key problems arising in the legislative regulation of the criminal legal impact, a synthesis method to form the author's position on the identified problems and work out a mechanism for their possible solution. *Results:* modern forms of the criminal legal impact, enshrined in the criminal law, and approaches to understanding the criminal legal impact and its implementation raise questions due to the generally recognized point of view in the science of criminal law regarding the beginning and end of criminal liability and the approach to its understanding. Some forms of the criminal legal influence seem ineffective and require adjustments. The legislative regulation of the mechanism for implementing the criminal legal impact needs to be revised due to the inconsistency of its current state with the requirements for codifying norms of one branch of law. *Conclusions:* it seems necessary to correct forms of criminal legal influence defined in the criminal law, determining what should be attributed to such, guided by the goals and objectives pursued by it. In addition, it is advisable to revise the penal legislation system that does not meet codification requirements and does not fully reflect the specifics of penal law.

Key words: criminal legal impact; criminal liability; penal law; educational impact; judicial fine; punishment; post-penitentiary impact.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Barkhatova E. N. Criminal legal impact: features, forms, issues of implementation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 254–262. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.003.

Введение

Уголовно-правовое воздействие как категория уголовного права вызывает ряд вопросов, связанных с трактовкой его понятия, обусловленной специфическими целями и относительно определенным содержанием; выявлением целей такого воздействия, различающихся в каждой из его форм; определением форм воздействия и их отнесением к тому или иному институту уголовного права; механизмом реализации различных форм уголовно-правового воздействия; указанием моментов начала и окончания уголовно-правового воздействия. Центральное место при этом занимают проблемы установления в законе видов наказания, его назначения и исполнения.

Методы

Для исследования обозначенных проблемных вопросов использовался общенаучный диалектический метод познания, позволяющий уяснить суть явлений. С помощью метода анализа выявлены основные проблемы законодательного регулирования уголовно-правового воздействия. Метод синтеза позволил сформировать авторскую позицию по поводу выявленных проблем и предложить механизм их возможного решения.

Результаты

Отдельные меры уголовно-правового воздействия на сегодняшний день представляются малоэффективными, а механизм их реализации урегулирован не в полном объеме и демонстрирует организационные несовершенства, в связи с чем требуется пересмотр ряда положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Обсуждение

Уголовно-правовое воздействие на человека призвано обеспечить установленный в обществе порядок. Во избежание последующего нарушения правил, введенных в целях поддержания функционирования государства, выполняющих жизнеобеспечивающую функцию, необходима соответствующая реакция на уже допущенные нарушения порядка. Таким образом, целью уголовно-правового воздействия является предупреждение совершения новых преступлений.

Для уяснения сущности уголовно-правового воздействия уместно его сравнение с уголовной ответственностью. Подходы к пониманию уголовной ответственности достаточно разнообразны. Она воспринимается и как обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть определенные негативные последствия, и как морально-нравственное качество законопослушного гражданина соблюдать установленные государством запреты, и как собственно установленная государством санкция за нарушение запрета. Однако, исходя из анализа норм уголовного закона в их взаимосвязи, более верным с нормативной точки зрения представляется определение уголовной ответственности как обязанности преступника ответить за содеянное перед государством и обществом.

Уголовно-правовое воздействие представляет собой инструмент для реализации уголовной ответственности – те способы, которыми государство может отреагировать на нарушение установленного им запрета. Таким образом, уголовная ответственность – обязанность преступника, уголовно-право-

вое воздействие – обязанность государства. Вместе с тем данным юридическим явлениям присуща одна общая, на наш взгляд, характеристика.

В доктрине уголовного права существует подход к классификации уголовной ответственности, позволяющий разделять ее на позитивную и негативную [6, с. 37; 8, с. 266]. Позитивная ответственность предполагает ответственность всех лиц перед государством за соблюдение запретов, установленных уголовным законом. Это, скорее, профилактическая составляющая уголовной ответственности. Негативная же уголовная ответственность наступает по факту нарушения запрета.

Данные положения об уголовной ответственности применимы и к уголовно-правовому воздействию. Так, государство проводит профилактику нарушений путем установления запрета под угрозой уголовно-правового воздействия на человека, а в случае, когда факт нарушения состоялся, осуществляет уголовно-правовое воздействие в доступной форме, предусмотренной законом. Для такого воздействия могут быть использованы различные ресурсы. Наиболее суровой формой уголовно-правового воздействия является наказание. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит 13 видов наказания, расположенных в определенной иерархии, введенных с целью обеспечения индивидуального подхода к каждому лицу, совершившему преступление, при условии соблюдения принципов справедливости и равенства всех перед законом. Законодатель очень ответственно подходит к соблюдению принципа справедливости и старается предложить правоприменителю широкий спектр соответствующих возможностей [15; 16; 18, с. 1482; 19, с. 63; 20]. Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ целями наказания выступают восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Исходя из той последовательности, в которой указанные цели перечислены в статье, можно предположить, что восстановление социальной справедливости является приоритетом, хотя в обществе и господствует мнение о равнозначности целей наказания. Цели наказания отражают его суть и не совпадают с целями других видов уголовно-правового воздействия. М. В. Басун верно отмечает: «Наличие общих целей уголовно-правового противодействия преступности не исключает необходимости формулирования самостоятельных целей для каждой группы средств воздействия, отличающихся присущим только им предполагаемым результатом реализации» [1, с. 14].

Вместе с тем, если сопоставить цели наказания с целями уголовно-правового воздействия, можно прийти к выводу о совпадении одной из них – предупреждение преступлений. Эта цель преследуется и при реализации других форм уголовно-правового воздействия, к которым наряду с наказанием следует отнести условное осуждение, иные меры уголовно-правового характера, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, освобождение от уголовной ответственности и наказания. Этой позиции придерживается, например, Ю. В. Трунцевский, ука-

зывающий, что целью применения мер уголовно-правового воздействия является противодействие преступности посредством профилактики, борьбы с преступлениями, минимизации и (или) ликвидации последствий их совершения [11, с. 30]. Профилактика преступлений рассматривается в качестве доминирующей цели наказания и в уголовном праве мусульманских государств [14, с. 4]. Вопреки господствующему взгляду на уголовно-правовое воздействие мы придерживаемся точки зрения о необходимости включения освобождения лица от уголовной ответственности и наказания в состав ресурсов такого воздействия. Существует потребность обеспечить надлежащее поведение лица, совершившего преступление, любым законным способом. Принципы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания предполагают воздействие на преступника, исходя не только из юридических фактов, но и отталкиваясь от его личности, осознания им противоправности и общественной опасности своих действий, стремления исправиться. В связи с этим уголовно-правовое воздействие должно предусматривать своего рода меры поощрения и взыскания. Освобождение от уголовной ответственности и наказания относится к мерам поощрения. В эту же категорию попадают условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия и помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, судебный штраф. Считаем необходимым упомянуть эти меры наряду с условным осуждением, поскольку они, хотя и относятся к видам освобождения от уголовной ответственности, но являются еще и иными мерами уголовно-правового характера, то есть имеют двойственную правовую природу. Рассматривать в качестве уголовно-правового поощрения все иные меры уголовно-правового характера мы не можем ввиду включения в данный раздел положений о конфискации имущества (носит характер взыскания) и принудительных мерах медицинского характера (здесь следует выделить еще одну категорию уголовно-правового воздействия – оказание помощи).

Необходимо также пояснить, в связи с чем помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа представляет, на наш взгляд, самостоятельную форму уголовно-правового воздействия. Так, ч. 2 ст. 90 УК РФ в числе принудительных мер воспитательного воздействия не называет помещение в спецучреждение. Таким образом, исходя из буквального толкования уголовного закона, такое помещение не входит в систему рассматриваемых мер. Более того, ч. 4 ст. 90 УК РФ содержит указание на помещение несовершеннолетнего в спецучреждение в случае систематического нарушения им назначенных судом принудительных мер воспитательного воздействия. Часть 2 ст. 92 УК РФ устанавливает, что помещение в спецучреждение применяется как принудительная мера воспитательного воздействия. И снова, исходя из буквального толкования закона, можно сделать вывод, что данная мера применяется как мера воспитательного воздействия, по сути таковой не яв-

ляясь. Поскольку ст. 92 УК РФ посвящена вопросам освобождения несовершеннолетнего от наказания, то следовало бы включить ее в группу видов освобождения от наказания, не выделяя самостоятельно, но буквальное толкование закона и особенности юридической техники не позволяют это сделать. Так, все виды освобождения от наказания и уголовной ответственности, предполагающие какую-либо активную деятельность со стороны освобождаемого или государства, сформулированы с использованием предлога «с»: «с назначением судебного штрафа» (ст. 76² УК РФ), «с деятельным раскаянием» (ст. 75 УК РФ), «с возмещением ущерба» (ст. 76¹ УК РФ), «с применением принудительных мер воспитательного воздействия» (ч. 1 ст. 92 УК РФ).

Возвращаясь к вопросу о целях уголовно-правового воздействия, необходимо обратиться к целям различных его форм, представленным в таблице.

Таблица

*Цели различных форм
уголовно-правового воздействия*

Форма уголовно-правового воздействия	Цели
Наказание	1. Восстановление социальной справедливости. 2. Исправление осужденного. 3. Предупреждение преступлений
Принудительные меры воспитательного воздействия, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа	1. Восстановление социальной справедливости. 2. Исправление осужденного. 3. Предупреждение преступлений
Принудительные меры медицинского характера	1. Предупреждение преступлений и общественно опасных запрещенных уголовным законом деяний невменяемых лиц. 2. Оказание помощи лицу, страдающему заболеванием
Конфискация имущества	1. Восстановление социальной справедливости. 2. Предупреждение преступлений
Освобождение от уголовной ответственности (включая судебный штраф)	1. Предупреждение преступлений. 2. Исправление
Освобождение от наказания	1. Предупреждение преступлений. 2. Исправление осужденного

Каждая из форм уголовно-правового воздействия преследует наряду с другими цель предупреждения преступлений, в том числе и путем реагирования на

уже совершенные преступления. Уже из этого можно заключить, что предупреждение преступлений является общей целью уголовно-правового воздействия. Это вытекает из сущности последнего. Указанная цель обуславливает ряд задач, которые стоят перед государством в рамках уголовно-правового воздействия. Они сформулированы в ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации». Следует отметить, что УК РФ выступает лишь документальным отображением уголовно-правового воздействия. Сам по себе кодекс не может иметь никаких задач. Подобный подход, на наш взгляд, близок к нормативистской теории объекта преступления и гласит, что в качестве последнего выступает норма права. Но, как справедливо отмечают ряд авторов, норма – это только текст на бумаге и факт нарушения установленного в норме запрета на данном тексте не отразится никак, чего нельзя сказать об общественных отношениях, в рамках которых указанный запрет будет нарушен [7, с. 102; 9, с. 94; 10, с. 21].

В связи с изложенным представляется необходимым поставить вопрос об изменении названия ст. 2 УК РФ на «Задачи уголовно-правового воздействия». В случае внесения подобных коррективов в уголовный закон будет соблюдена логика, в соответствии с которой решение всех перечисленных в ст. 2 УК РФ задач должно быть достигнуто в ходе уголовно-правового воздействия, регламентированного уголовным законом.

Развивая данную идею, необходимо закрепить понятие самого уголовно-правового воздействия, а также обозначить его виды. Так, ст. 1 УК РФ могла бы быть дополнена ч. 3, устанавливающей, что предметом регулирования уголовного законодательства выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу совершения преступления, а также в рамках уголовно-правового воздействия, представляющего собой применение мер, определенных уголовным законом, к лицу, совершившему преступление, с целью предупреждения нарушения уголовно-правовых запретов и поддержания правопорядка.

Также следует ввести в ст. 1 УК РФ ч. 4, в которой должны быть определены формы уголовно-правового воздействия: наказание, реализуемое с помощью средств исправительного воздействия (режима, труда, обучения, воспитательной работы); условное осуждение с последующим контролем; принудительные меры медицинского характера; конфискация имущества; освобождение от уголовной ответственности, в том числе при условии последующего применения отдельных мер (судебного штрафа); освобождение от наказания с последующим контролем либо применением принудительных мер воспитательного воздействия; судимость.

Представленные в таблице цели различных форм уголовно-правового воздействия могут вызвать вопросы, в связи с чем считаем необходимым прокомментировать отдельные из них.

Как видно, принудительные меры воспитательного воздействия и помещение несовершеннолетнего в спецучреждение преследуют те же цели, что и наказание. Данное положение лишь подчеркивает мне-

ние законодателя о том, что несовершеннолетний, который осознает общественную опасность своего деяния и в поведении которого прослеживается тенденция к исправлению, может быть освобожден от ответственности в связи с применением указанных мер или от наказания в связи с помещением в спецучреждение. Речь идет не о состоявшемся факте исправления, а лишь о тенденции к таковому, поэтому выделение цели исправления в данном случае представляется уместным и необходимым. Восстановление социальной справедливости также следует отнести к целям принудительных мер воспитательного воздействия и помещения в спецучреждение по той причине, что несовершеннолетний все же претерпевает негативные последствия своего противоправного деяния, хотя освобожден от уголовной ответственности, и тем самым восстанавливается баланс общественных отношений.

Принудительные меры медицинского характера наряду с оказанием помощи лицу, страдающему заболеванием, имеют целью предупреждение преступлений. Возможно, в данном случае употребление слова «преступление» не совсем корректно ввиду того, что часть лиц, которые совершают противоправные деяния, находятся в состоянии невменяемости, что исключает признание содеянного ими преступлением. Вместе с тем меры рассматриваемой категории могут быть применены и к лицам, нарушившим закон во вменяемом или ограниченно вменяемом состоянии, поэтому формулировка может быть расширена: «предупреждение преступлений и общественно опасных запрещенных уголовным законом деяний невменяемых лиц».

В разъяснении нуждаются и выделенные нами цели конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера. Полагаем, в данном случае следует отталкиваться от категории конфискуемого имущества. В зависимости от этого будут отсутствовать одна из целей либо будут актуальны обе. Цель восстановления социальной справедливости выражается в возмещении потерпевшему ущерба за счет конфискованного имущества. Цель предупреждения преступлений реализуется через возможность изъятия у преступника орудия преступления или средства его совершения, что в некоторой степени выступает в качестве профилактической меры.

Освобождение от уголовной ответственности как форма уголовно-правового воздействия преследует две цели. Первая – предупреждение преступлений – реализуется через кредит доверия государства лицу, совершившему преступление. Государство, проявляя благосклонность к гражданину, рассчитывает на его законопослушное поведение в дальнейшем. Гражданин, которому было оказано доверие, в будущем не станет совершать преступления, чувствуя свою ответственность перед государством. Относительно исправления следует отметить, что исправление в результате освобождения лица от уголовной ответственности достигается за счет осознания недопустимости совершения преступлений впредь ввиду оказанного ему доверия. В статьях об освобождении от уголовной ответственности отсутствует указание

на утрату лицом общественной опасности в связи с осознанием противоправности своих действий и убежденностью в недопустимости совершения преступлений в будущем. Подобная формулировка присутствует только в ст. 75 УК РФ: «вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Это позволяет сделать вывод о том, что возможно освобождение от уголовной ответственности лица, не в полной мере достигшего исправления. Утверждение о том, что человек, возместивший ущерб или примирившийся с потерпевшим через выражение извинения, перестал быть общественно опасным, представляется несостоятельным, поскольку игнорирует субъективную составляющую. Особое беспокойство в этом отношении вызывает освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, не предполагающее исправление как таковое, а лишь констатирующее наличие возможности заплатить указанный штраф. Кроме того, факт возможности освобождения от уголовной ответственности неисправившегося лица подтверждается ст. 90 УК РФ о принудительных мерах воспитательного воздействия, рассматриваемых в качестве вида освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних. Применение к освобожденным от ответственности несовершеннолетним подобных мер доказывает неуверенность как законодателя, так и правоприменителя в их исправлении. Избранный нами подход к определению целей освобождения от уголовной ответственности как формы уголовно-правового воздействия может быть подвергнут критике в части утверждения о необходимости исправления освобождаемого лица. Можно возразить, что вопрос об освобождении от уголовной ответственности лиц, которые нуждаются в исправлении, неуместно даже ставить. Вместе с тем вышеизложенные соображения относительно выполнения лицом объективных условий, необходимых для освобождения от ответственности, при отсутствии реального осознания, принятия своей вины и исправления свидетельствуют о рациональности нашей точки зрения.

Исправление осужденного как цель освобождения от наказания находит свое отражение в предоставлении ему возможности сделать соответствующие выводы о своем поведении без применения карательного элемента. Это относится как к лицам, которые не могли быть освобождены от уголовной ответственности по формальным основаниям, так и к лицам, которые изначально нуждались в отбывании реального наказания, но в его процессе продемонстрировали стремление исправиться. Исправление осужденного нельзя назвать целью, присущей всем видам освобождения от наказания. Так, освобождение в связи с болезнью, изменением обстановки, истечением срока давности, отсрочка являются объективно обусловленной необходимостью. Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом носят иной характер, что позволяет рассуждать о цели исправления осужденного.

Предупреждение преступлений в случае освобождения от наказания реализуется в возможности

для осужденного не подвергаться деструктивному влиянию криминальной среды в исправительном учреждении, не испытывать риски десоциализации (если речь идет о лишении свободы), не претерпевать различные ограничения, препятствующие реализации творческого и профессионального потенциала в полном объеме (относительно видов наказания, не связанных с изоляцией осужденного от общества).

Таким образом, перечисленные в таблице цели, на наш взгляд, в полной мере соотносятся с формами уголовно-правового воздействия.

В некоторых случаях интерес вызывает вопрос о моментах начала и окончания уголовно-правового воздействия. Как в данном контексте соотносятся уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность? В этом отношении интересно обсудить такие формы уголовно-правового воздействия, как принудительные меры воспитательного воздействия и освобождение от уголовной ответственности. Точки зрения на момент возникновения уголовной ответственности разнообразны. К примеру, сторонники позитивной уголовной ответственности называют моментом возникновения таковой вступление в силу уголовного закона [3; 6; 8; 13]. Другие авторы придерживаются позиции о возникновении уголовной ответственности в момент совершения преступления, когда у лица появляется обязанность ответить перед государством за содеянное [4; 5]. Доминирующим на сегодняшний день является убеждение, что уголовная ответственность возникает с момента привлечения лица в качестве обвиняемого [9; 19]. Этот подход основан на юридических фактах, необходимости подтверждения основания уголовной ответственности. Исходя из сути уголовной ответственности, можно не согласиться с таким взглядом, поскольку обязанность определенного рода возникла у лица перед государством именно по поводу и в момент совершения преступления, нарушения закона. Однако оправдана необходимость следовать букве закона, который гласит, что лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, а это значит, что в современной теории уголовного права моменты возникновения и окончания уголовной ответственности фактически определяет правоприменитель.

Момент окончания уголовной ответственности также обращает на себя внимание. Уголовная ответственность, согласно закону, не заканчивается при отбытии лицом наказания. Она распространяется дальше – на период наличия у лица судимости. Учитывая, что при соблюдении ряда условий судимости может быть снята досрочно либо лицо, совершившее преступление, может быть в принципе освобождено от уголовной ответственности, следует сделать акцент на полномочиях правоприменителя по установлению момента окончания уголовной ответственности.

Момент возникновения уголовно-правового воздействия относится к более позднему этапу развития уголовно-правовых отношений, нежели момент возникновения уголовной ответственности. Как правило, это вынесение приговора суда о признании лица

виновным и назначении ему наказания, применении принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия, конфискации имущества, назначении судебного штрафа. Второй вариант начала уголовно-правового воздействия – вынесение следователем, дознавателем или прокурором постановления об освобождении от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным уголовным законом и не требующим судебного решения. Вместе с тем в данном случае фактически уголовно-правовое воздействие начинается ранее – при возмещении ущерба и ином заглаживании вреда. Однако однозначно назвать такие действия лица уголовно-правовым воздействием нельзя, поскольку, как правило, лицо должно осуществить эти действия добровольно, а не по указанию – это послужит признанием им своей вины, подтверждением раскаяния и исправления.

Одной из форм уголовно-правового воздействия следует считать судимость, поэтому окончанием такого воздействия при условии реального отбывания наказания станет момент погашения или снятия судимости.

Отдельного внимания в аспекте обсуждения момента окончания уголовно-правового воздействия заслуживают принудительные меры воспитательного воздействия. Законодателем они позиционируются как освобождение от уголовной ответственности. Вместе с тем, если лицо освобождено от уголовной ответственности, государством фактически признано, что в дальнейшем воздействии такое лицо не нуждается и никакие меры по поводу совершенного им преступления к нему больше не будут применяться. С этой позиции довольно странным выглядит освобождение от ответственности с последующим уголовно-правовым воздействием. То же самое можно сказать о судебном штрафе. В связи с этим представляется неоправданным исключение принудительных мер воспитательного воздействия из числа форм реализации уголовной ответственности. На наш взгляд, подобная мера реагирования государства на преступление, совершенное несовершеннолетним, должна рассматриваться как освобождение от наказания, но не от уголовной ответственности. При этом помещение в спецучреждение вписывается в предложенный нами алгоритм в отличие от собственно принудительных мер воспитательного воздействия. Такой подход можно аргументировать еще и тем, что принудительные меры воспитательного воздействия входят в раздел «Иные меры уголовно-правового характера», уже по названию которого можно заключить, что соответствующие меры являются частью уголовно-правового воздействия.

Судебный штраф предполагает вынесение судебного решения об освобождении от уголовной ответственности с последующей уплатой штрафа, то есть фактически переносит уголовно-правовое воздействие на более позднюю стадию, на которой его уже не должно быть. Более того, предполагается, что в случае неуплаты судебного штрафа решение об освобождении от уголовной ответственности подлежит отмене, а лицо – привлечению к ответственности,

осуждению и наказанию. Учитывая, что изначально освобождение от уголовной ответственности представлялось мерой поощрения, носящей необратимый характер, то нормы о судебном штрафе не соответствуют положениям доктрины уголовного права, а также правилам юридической техники.

Понятие уголовно-правового воздействия с точки зрения буквы уголовного закона шире, чем понятие уголовной ответственности, поскольку может реализовываться за пределами последней. Полагаем, что уголовно-правовое воздействие в виде иных мер уголовно-правового характера должно рассматриваться как мера профилактики, а не ответственности. Профилактика же распространяется на всех граждан, в том числе законопослушных.

Далее обратимся к анализу механизма реализации предусмотренных законом мер уголовно-правового воздействия. Данному вопросу посвящен ряд нормативных правовых актов разного уровня, объединенных в рамках отрасли уголовно-исполнительного права, однако выходящих за пределы Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Разрозненность положений о механизме реализации отдельных видов уголовно-правового воздействия не всегда положительно отражается на практике применения данных норм, более того, УИК РФ теряет свой смысл как кодекс ввиду того, что регулирует лишь одно направление большой отрасли. Как можно увидеть из анализа УИК РФ, его нормы посвящены только исполнению наказания и применению отдельных мер постпенитенциарного воздействия, которые в систему уголовно-правового воздействия не входят. Не совсем понятен критерий, по которому составлялся кодекс. Выясняя таковой, пойдем от обратного:

1) УИК РФ объединяет нормы об исполнении различных видов наказания. Позиция некорректна ввиду наличия в кодексе положений о постпенитенциарных мерах воздействия;

2) в кодексе нашли отражение нормы, связанные с подведомственностью Федеральной службе исполнения наказаний. Позиция, приближенная к действительности, однако из указанной схемы выпадает наказание в виде штрафа, которое исполняется Федеральной службой судебных приставов;

3) смешанный критерий, совмещающий в себе первый и второй признаки. Наиболее объективный критерий, вместе с тем отчасти опровергающийся тем фактом, что в УИК РФ включены нормы, регламентирующие порядок применения принудительных мер медицинского характера к осужденным. Таким образом, частично УИК РФ посвящен еще и вопросам реализации иных мер уголовно-правового характера.

С позиции кодификации норм конкретной отрасли права такое положение представляется недопустимым. Согласимся с тем, что все нюансы уголовно-правового воздействия не могут быть отражены в кодексе ввиду их многочисленности и отнесенности к ведению различных субъектов правоприменения. Вместе с тем в УИК РФ могли бы получить закрепление обобщенные положения в виде норм бланкетного характера, но касающиеся всех форм уголовно-правового воздействия. К этому обязывает и принятое в

научной сфере отношение к уголовно-исполнительному праву как «живому» уголовному праву.

Особенности применения постпенитенциарных мер воздействия, на наш взгляд, могли бы быть раскрыты в специальных нормативных правовых актах.

Вызывает вопросы разобщенность норм уголовного и уголовно-исполнительного права в части соблюдения иерархии в системе наказания. Так, в УИК РФ эта иерархия не выдерживается (нормы об исполнении наказания в виде обязательных работ предшествуют нормам об исполнении наказания в виде штрафа).

На наш взгляд, при составлении УИК РФ неверно ориентироваться на обязанности конкретного органа или учреждения, необходимо исходить из положений уголовного закона, лишь прописывая процедуру их реализации.

Анализ норм УИК РФ позволяет увидеть, что фактически уголовно-правовое воздействие не ограничивается теми формально определенными действиями, которые регламентированы уголовным законом: оно также представлено воспитательной работой, общественным воздействием, трудом и обучением.

Интересен взгляд на уголовно-правовое воздействие с позиции международного уголовного права, которое, как и национальное, предусматривает наряду с наказанием применение иных мер уголовно-правового воздействия, но не конкретизирует их. Такой подход к регулированию уголовно-правовых отношений вызывает определенные сомнения относительно тех пределов, в которых может действовать международное законодательство. Справедливо утверждение С. А. Корнеева о том, что компетенция международных судебных органов должна ограничиваться признанием лица виновным в совершении преступления против мира и безопасности человечества с последующим назначением уголовного наказания и, возможно, контролем за его исполнением. Определение же видов других мер уголовно-правового воздействия следует признать предметом исключительной компетенции органов национального правосудия в целях недопущения нарушения государственного суверенитета и вмешательства во внутренние дела соответствующей страны [17].

Во внутреннем же законодательстве необходима детальная регламентация форм уголовно-правового воздействия, не позволяющая правоприменителю необоснованно выходить за рамки дозволенного.

Заключение

В уголовном законе требуется определенная систематизация форм уголовно-правового воздействия. Прежде всего, должно быть закреплено, что уголовно-правовое воздействие представляет собой применение мер, определенных уголовным законом, к лицу, совершившему преступление, в целях предупреждения нарушения уголовно-правовых запретов и поддержания правопорядка. Также должны быть приведены формы уголовно-правового воздействия:

1) наказание, реализуемое с помощью средств исправительного воздействия (режима, труда, обучения, воспитательной работы);

2) условное осуждение с последующим контролем;

- 3) принудительные меры медицинского характера;
- 4) конфискация имущества;
- 5) освобождение от уголовной ответственности, в том числе при условии последующего применения отдельных мер (судебного штрафа);
- 6) освобождение от наказания с последующим контролем либо применением принудительных мер воспитательного воздействия;
- 7) судимость.

Следует обратить внимание на отсутствие в предложенном перечне помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение

закрытого типа по причине включения его в состав принудительных мер воспитательного воздействия.

Данные изменения требуют дальнейшей проработки и аргументации, а также предполагают пересмотр других положений Общей части УК РФ.

Проведенное исследование представляет интерес с теоретической и практической точек зрения ввиду предпринятой нами попытки систематизировать разрозненные знания об уголовно-правовом воздействии, приведшей к формированию примерного плана мероприятий по совершенствованию данного направления государственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавсун, М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Бавсун Максим Викторович. – Омск, 2013. – 40 с.
2. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – Москва : Госюриздат, 1963. – 275 с.
3. Волков, Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения / Б. С. Волков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1975. – 110 с.
4. Игнатов, А. Н. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. Лекция 4: Уголовная ответственность и состав преступления / А. Н. Игнатов, Т. А. Костарева ; ответственные редакторы А. Н. Игнатов и Ю. А. Красиков. – Москва : Норма : Инфра-М, 1996. – 63 с.
5. Коробов, П. В. Момент возникновения уголовной ответственности / П. В. Коробов // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 147–163.
6. Липинский, Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции / Д. А. Липинский // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 37–51.
7. Пионтковский, А. А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. – Москва : Гос. изд-во, 1925. – 219 с.
8. Попов, К. И. Позитивная уголовная ответственность и правомерное причинение вреда / К. И. Попов // Военное право. – 2018. – № 6. – С. 266–269.
9. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая : лекции. В 2 томах. Том 1 / Н. С. Таганцев. – Москва : Наука, 1994. – 380 с.
10. Тер-Акопов, А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения / А. А. Тер-Акопов. – Москва : Юрид. лит., 1995. – 176 с.
11. Трунцевский, Ю. В. Меры уголовно-правового воздействия: понятие и виды / Ю. В. Трунцевский // Российская юстиция. – 2015. – № 5. – С. 29–32.
12. Чистяков, А. А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания : монография / А. А. Чистяков. – Москва : Закон и право : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 275 с.
13. Южанин, В. Е. О позитивной уголовной ответственности / В. Е. Южанин // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Том 28, № 2. – С. 200–206.
14. Bahnasi, A. F. al-Uqbahfi al-fiqhal-Islami / Ahmad Fathi Bahnasi. – Cairo : Daral-Shuruq, 1983. – 210 с.
15. Dancig-Rosenberg, H. Retributarianism: A New Individualization of Punishment / Hadar Dancig-Rosenberg, Netanel Dagan // Criminal Law and Philosophy. – 2019. – Volume 13. – Pp. 129–147.
16. Feinberg, J. Doing & Deserving: Essays in the Theory of Responsibility / Joel Feinberg. – Princeton : Princeton University Press, 1970. – 299 p.
17. Lapshin, V. F. The use of artificial intelligence in criminal law and criminal procedure systems / V. F. Lapshin, S. A. Korneev, R. V. Kilimbaev // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2020. – Volume 1001. – Article number 012144. – URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/1001/1/012144> (дата обращения: 08.06.2022).
18. Voronin, V. Justice In Russian Criminal Law / Viacheslav Voronin // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Volume 108: Man. Society. Communication. – Pp. 1482–1489. – URL: <https://www.europeanproceedings.com/book-series/EpSBS/books/vol108-msc-2020/> (дата обращения: 08.06.2022).
19. Voronin, V. N. Justice of Punishment as Social Compromise / V. N. Voronin // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2020. – Volume 420: XVII International Research-to-Practice Conference dedicated to the memory of M. I. Kovalyov (ICK 2020). – Pp. 62–66. – URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ick-20/125937326> (дата обращения: 08.06.2022).
20. Voronin, V. Role of sociological methodology in determining criteria evaluating justice of punishment in criminal law / Viacheslav Voronin // SHS Web of Conferences. – 2022. – Volume 134: 14th Session of Euro-Asian Law Congress «The value of law» 2021. – Article number 00084. – URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2022/04/shsconf_eac-law2021_00084/shsconf_eac-law2021_00084.html (дата обращения: 08.06.2022).

REFERENCES

1. Bavsun M.V. *Ugolovno-pravovoe vozdeistvie: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [The criminal legal impact: ideology, goals and means of implementation: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2013. 40 p.

2. Brainin Ya. M. *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugolovnom prave* [Criminal liability and its foundation in Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat, 1963. 275 p.
3. Volkov B.S. *Deterministicheskaya priroda prestupnogo povedeniya* [Deterministic nature of criminal behavior]. Kazan: Izd-vo Kazan.un-ta, 1975. 110 p.
4. Ignatov A.N., Kostareva, T.A. *Ugolovnoe pravo: Obshchaya chast': kurs lektsii. Lektsiya 4: Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya* [Criminal law: general part: course of lectures. Lecture 4: Criminal responsibility and the corpus delicti]. Ed. by Ignatov A.N., Krasikov Yu.A. Moscow: Norma, Infra-M, 1996. 63 p.
5. Korobov P.V. The moment of criminal liability. *Pravovedenie=Jurisprudence*, 2001, no. 2, pp. 147–163. (In Russ.).
6. Lipinskii D.A. Concepts of positive legal responsibility in the Russian jurisprudence. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2014, no. 6, pp. 37–51. (In Russ.).
7. Piontkovskii A.A. *Ugolovnoe pravo RSFSR. Chast' Obshchaya* [Criminal law of the RSFSR. General part]. Moscow: Gos. izdat-vo, 1925. 219 p.
8. Popov K.I. Positive criminal responsibility and lawful harm. *Voennoe parvo=Military Law*, 2018, no. 6, pp. 266–269. (In Russ.).
9. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe parvo. Chast' Obshchaya: lektsii. V 2 tomakh. Tom 1.* [Russian criminal law. General part: lectures. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow: Nauka, 1994. 380 p.
10. Ter-Akopov A.A. *Otvetstvennost' za narushenie spetsial'nykh pravil povedeniya* [Responsibility for violation of special rules of conduct]. Moscow: Yurid. lit., 1995. 176 p.
11. Truntsevskii Yu.V. Measures of criminal-legal influence: concept and types. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2015, no. 5, pp. 29–32. (In Russ.).
12. Chistyakov A.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' i mekhanizm formirovaniya ee osnovaniya: monografiya* [Criminal liability and the mechanism of its foundation formation: monograph]. Moscow: Zakon i pravo, YuNITI-DANA, 2002. 275 p.
13. Yuzhanin V.E. On positive criminal liability. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2020, vol. 28 (1-4), no. 2, pp. 200–206. (In Russ.). doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.200-206.
14. Bahnasi A.F. *al-Uqubahfial-fiqhal-Islami*. Cairo: Daral-Shuruq, 1983. 210 p.
15. Dancig-Rosenberg H., Dagan N. Retributarianism: a new individualization of punishment. *Criminal Law and Philosophy*, 2019, vol. 13, pp. 129–147.
16. Feinberg J. *Doing & deserving: essays in the theory of responsibility*. Princeton: Princeton University Press, 1970. 299 p.
17. Lapshin V.F., Korneev S.A., Kilimbaev R.V. The use of artificial intelligence in criminal law and criminal procedure systems. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, vol. 1001. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/1001/1/012144> (accessed June 8, 2022).
18. Voronin V. Justice in Russian criminal law. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 108: Man. Society. Communication*. 2021. Pp. 1482–1489. Available at: <https://www.europeanproceedings.com/book-series/EpSBS/books/vol108-msc-2020/> (accessed June 8, 2022).
19. Voronin V.N. Justice of punishment as social compromise. In: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Volume 420: 17th International Research-to-Practice Conference dedicated to the memory of M.I. Kovalyov (ICK 2020)*. 2020. Pp. 62–66. Available at: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ick-20/125937326> (accessed June 8, 2022).
20. Voronin V. Role of sociological methodology in determining criteria evaluating justice of punishment in criminal law. In: *SHS Web of Conferences. Volume 134: 14th Session of Euro-Asian Law Congress "The value of law"*. 2022. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2022/04/shsconf_eac-law2021_00084/shsconf_eac-law2021_00084.html (accessed June 8, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА БАРХАТОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия, ekaterinabarhatova1997@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

EKATERINA N. BARKHATOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, ekaterinabarhatova1997@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

Статья поступила 10.06.2022

Научная статья

УДК 343.01

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.004

Изменение судом категории преступления как средство индивидуализации назначения уголовного наказания

ЭЛИНА АРТУРОВНА БАБАЯНЦМосковский городской суд, Москва, Россия, eli.fart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5126-2014>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются порядок и основания изменения судом категории преступления на менее тяжкую в условиях, когда имеются причины для применения указанного средства индивидуализации наказания. Норма ч. 6 ст. 15 УК РФ нередко подвергается критике и является предметом обсуждения специалистов. *Цель:* на основе анализа научной литературы и судебной практики показать возможности дальнейшего расширения индивидуализации назначения наказания путем применения снижения категории преступления в соответствии с положениями ч. 6 ст. 15 УК РФ. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, статистический, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* анализ показал, что в научной литературе существует мнение об избыточности нормы, регулирующей изменение категории преступления. Тем не менее следует признать ее необходимой, так как суд, руководствуясь ею, имеет возможность принять верное решение в нестандартных ситуациях. Необходимо рассматривать возможность применения исследуемой нормы в случае принятия судами решений по делам об организованных преступных сообществах, так как здесь появляется перспектива добиться индивидуализации наказания для членов сообщества в зависимости от степени их вовлеченности в преступную деятельность и общественной опасности содеянного каждым из них. *Выводы:* для достижения цели индивидуализации наказаний в отечественном уголовном праве следует расширить возможности применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, дополнив постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации соответствующим пунктом, предусматривающим использование указанной нормы при рассмотрении дел в особом порядке в связи с заключением с подсудимым досудебного соглашения о сотрудничестве.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовное законодательство; изменение категории преступления; категории преступлений; индивидуализация назначения наказания; общественная опасность преступления.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бабаянц Э. А. Изменение судом категории преступления как средство индивидуализации назначения уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 263–273. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.004.

Original article

Changing the Category of Crime by the Court as a Means to Individualize Imposition of Criminal Punishment

ELINA A. BABAYANTS Moscow City Court, Moscow, Russia, eli.fart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5126-2014>

Abstract

Introduction: the article discusses the procedure and grounds for changing the category of crime by the court to a less serious one in conditions where there are reasons for applying the specified norm to individualize punishment. The norm of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation is often criticized in literature and is the subject of specialists' discussion. *Purpose:* based on the analysis of scientific literature and judicial practice, to show the possibilities of punishment

individualization by recognizing a crime less grave in accordance with the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Methods*: historical, comparative legal, statistical, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. The following private scientific methods were used: the legal-dogmatic and the method of interpretation of legal norms. *Results*: the work conducted reveals researchers' opinions about redundancy of the norm regulating the change in the category of crime. Nevertheless, this rule should be recognized as necessary, as it entitles the court to make the right decision in non-standard situations. The rule under study may be used to individualize punishment for members of organized criminal groups, depending on their degree of involvement in criminal activity and the public danger of their actions. *Conclusions*: to promote individualization of punishments in the domestic criminal law, it is necessary to expand the possibilities of applying Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, having supplemented the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation with an appropriate paragraph providing for the application of this norm when considering cases in a special order in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with the defendant.

Key words: criminal legislation; changing the category of crime; categories of crimes; punishment individualization; public danger of crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Babayants E. A. Changing the category of crime by the court as a means to individualize imposition of criminal punishment. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 263–273. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.004.

Эффективность применения норм действующего уголовного закона является необходимым условием защищенности прав и свобод человека, охраняемых законом интересов как личности, так и общества в целом. Современная уголовная политика в качестве основного направления своего развития определила гуманизацию уголовного законодательства, понимаемую как прямое следствие реализации таких важнейших принципов уголовного закона, как законность, справедливость и гуманизм. Именно соблюдение принципа гуманизма в уголовном праве означает постановку в качестве целей уголовного наказания исправления осужденного, восстановления справедливости в общественных отношениях, предотвращения новых правонарушений, но никоим образом не мести или карательного акта. Среди правовых инструментов, служащих гуманизации уголовного закона, можно назвать обратную силу смягчающих наказание норм, амнистию, установление более мягких наказаний при соблюдении указанных в законе условий.

К числу мер, служащих гуманизации уголовного законодательства, относится введенная в 2011 г. ч. 6 ст. 15 УК РФ. Положения данной статьи дают суду право замены в некоторых указанных в законе случаях категории преступления на менее тяжкую.

Предусмотренные ст. 15 УК РФ категории преступлений, предопределяя формально допустимые границы оценки деяний соответствующей группы, в то же время побуждают органы суда к вынесению вариативных уголовно-правовых решений. Наглядным примером в этом смысле стало предоставленное суду право снижать категорию преступления, что значительно влияет на объем уголовной ответственности виновного лица.

Рассматриваемые положения ч. 6 ст. 15 УК РФ предоставляют суду право изменить категорию преступления средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого, установив на одну категорию «легче» в том случае,

когда подсудимому назначено наказание не более трех, пяти или семи лет лишения свободы соответственно или более мягкое наказание. Следует отметить, что суды используют данную норму довольно редко – примерно в 0,5 % случаев осуждения за преступления средней, тяжкой или особо тяжкой категорий [9].

Подробно механизмы применения вышеуказанной нормы разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», п. 2 которого, в частности, гласит: «Разрешая данный вопрос, суд принимает во внимание способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Вывод о наличии оснований для применения положений части 6 статьи 15 УК РФ может быть сделан судом, если фактические обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о меньшей степени его общественной опасности».

Понятие общественной опасности сложно трактовать однозначно. По своей сущности оно предназначается именно для оценки различных правовых ситуаций, которые могут быть нетипичными. Соответственно, их сложно оценить исходя из стандартизированных жестких норм. Ю. Е. Пудовочкин определял общественную опасность следующим образом: «Будучи внутренним свойством деяния, общественная опасность, вместе с тем, является оценочным признаком. Оценка деяния как опасного происходит на двух уровнях: на уровне законодателя при принятии решения о криминализации того или иного деяния и на уровне правоприменителя при решении вопроса о

выборе оптимальной формы реализации ответственности субъекта» [19, с. 155]. Споры о степени общественной опасности тех или иных совершаемых деяний и мере наказания за их совершение не утихают как в нашей стране, так и за рубежом (например, в США активно ведется дискуссия о частоте назначения наказания в виде пожизненного заключения за насильственные преступления). В своей публикации М. Багарич и Д. Свилар обосновывают соразмерность назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы за убийство первой степени. В то же время авторы указывают, что за иные преступления, не влекущие столь опасных последствий, такая мера наказания избыточна, и предлагают рассмотреть возможность отмены практики назначения данного вида наказания за менее тяжкие, чем убийство первой степени, преступления [26].

Формально почти в каждом приговоре рассматривается сама возможность применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ. Тем не менее среди массы судебных решений по уголовным делам можно обнаружить лишь единицы, где судом снижена категория преступления в соответствии с указанной статьей [20, с. 66]. По данным выборочных исследований, применение ч. 6 ст. 15 УК РФ встречается всего в 1,7 % приговоров, или в 5 случаях из 300 рассмотренных. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2021 г. в приговорах судов общей юрисдикции применение ч. 6 ст. 15 УК РФ встречается всего в 6987 приговорах из 769 948 оконченных дел, то есть в 0,91 % случаев. В 2020 г. эта статья применялась судами еще реже – в 0,59 % случаев [22].

Необходимо отметить, что в системе норм УК РФ положения ч. 6 ст. 15 УК РФ занимают особое место, могут применяться только в исключительных ситуациях, не являются широко употребляемыми [18]. Таким образом, для их применения уголовное дело должно обладать определенными особенностями и обстоятельствами (фактами).

Д. С. Дядькин выделяет следующие основания применения правила ч. 6 ст. 15 УК РФ: «1) исключительные фактические обстоятельства преступления; 2) исключительная степень общественной опасности деяния. Фактические обстоятельства преступления следует понимать шире, нежели только как совокупность фактов, установленных по делу, одновременно свидетельствующих как о самом деянии, так и о его преступности. К ним необходимо относить любые обстоятельства, связанные с определением жизненных фактов, явлений действительности, образующих в данном конкретном случае фактическую основу применения обсуждаемой нормы» [6, с. 23].

Следует заметить, что дискуссия о необходимости дальнейшей индивидуализации назначения наказания ведется не только в российских научных кругах. Западные исследователи также обращают внимание на потребность в дополнительном изучении всех доказательств с целью выявления смягчающих обстоятельств, что позволит более взвешенно подходить как к обвинению, так и к защите подсудимого. С точки

зрения Дж. Б. Мейкснера – младшего, процесс вынесения приговоров в американских судах должен быть реформирован в сторону большей индивидуализации назначения наказания. Автор предлагает достичь этого с помощью более глубокого изучения всех фактов и доказательств, а также смягчающих обстоятельств, чтобы они представляли собой эффективную помощь защитнику в судебном процессе [28]. При этом другими исследователями обращается внимание на тот факт, что введение, к примеру, в США обязательного минимального наказания заставляет судей назначать минимальные тюремные сроки исключительно на основании обвинений, выдвинутых против обвиняемого прокурорами, лишает их возможности проявлять осмотрительность и выносить индивидуальные судебные решения в каждом конкретном случае. С момента введения обязательного минимального наказания было вынесено множество неоправданно суровых приговоров, в том числе по ненасильственным преступлениям, а также в отношении ранее не судимых преступников [29]. Безусловно, такой практики, которая предусматривает одинаковый подход ко всем без учета всех обстоятельств дела, следует избегать в отечественном правосудии.

Принимая во внимание особые обстоятельства ситуации изменения категории, следует рассмотреть вопрос о соотношении ч. 6 ст. 15 УК РФ и ст. 64 УК РФ, в которой непосредственно упоминается наличие в деле «исключительных смягчающих обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления». Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 10 от 15.05.2018 указал: «Применение судом статьи 64 УК РФ само по себе не препятствует изменению категории преступления в соответствии с частью 6 статьи 15 УК РФ, указанные нормы применяются самостоятельно, поскольку законом предусмотрены различные для этого основания».

Исходя из складывающейся практики правоприменения, можно отметить, что положения ч. 6 ст. 15 УК РФ уверенно применяются судами, хотя этот процесс не носит массового характера в силу исключительного их свойства. Они полноправно занимают определенное место в системе средств индивидуализации уголовной ответственности подсудимых. Основной рассмотренной проблемой практики применения ч. 6 ст. 15 УК РФ является признание того факта, что при всей сложности и дискуссионности действующих норм уголовного закона, касающихся категоризации преступлений, эти предписания как таковые не следует трактовать в качестве нарушающих конституционные права и свободы граждан. Конституционный Суд Российской Федерации несколько раз рассматривал обращения граждан относительно соответствия ст. 15 УК РФ Основному закону. Однако ни в одном из случаев признаки противоречия Конституции Российской Федерации в рассматриваемых уголовных нормах не были найдены. В то же время судом был сформулирован базовый тезис: «В Уголовном кодексе в качестве критерия категоризации преступле-

ний используются вид и размер предусмотренного за них наказания, которые служат внешними формализованными показателями, отражающими характер и степень их общественной опасности» [12]. Неоднократно Конституционным Судом Российской Федерации указывалось на тот факт, что в данном случае имеется в виду размер максимального наказания, установленный в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, а не размер наказания, фактически назначенный подсудимому.

Именно поэтому вызывает сомнения неоднократно высказанное в научной литературе мнение о том, что норма ч. 6 ст. 15 УК РФ противоречит принципу законности. Л. О. Кулева разделяет данную точку зрения, мотивируя это тем, что «именно законодатель конструирует санкцию статьи, только он устанавливает содержание той или иной категории, а также уголовно-правовые последствия. В случае изменения категории преступления суд ставит под сомнение санкцию статьи, устанавливая иную категорию» [8, с. 56].

Однако речь здесь все же идет не о рутинном и ежедневном изменении категории преступления, а именно об исключительных случаях, когда использование нормы ч. 6 ст. 15 УК РФ не имеет целью отменить санкцию применяемой статьи Особенной части УК РФ, а только в необходимой степени индивидуализирует наказание для осужденного [6, с. 25; 19, с. 80].

Как указано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, когда категория преступления будет заменена на менее тяжкую, наступающие для осужденного правовые последствия будут устанавливаться уже с учетом сниженной категории преступления. Эта рекомендация, которая адресована нижестоящим судам, подчеркивает большое значение роли судебных органов в определении общественной опасности содеянного. По мнению А. М. Герасимова, положения ч. 6 ст. 15 УК РФ предоставили суду дополнительные возможности давать уголовным деяниям максимально объективные оценки, минимизирующие вынесение стандартных, клишированных решений [5, с. 56].

Также обращает на себя внимание мнение Л. О. Кулевой о дублировании нормой ч. 6 ст. 15 УК РФ других статей этого же кодекса, в частности ст. 64 УК РФ об обстоятельствах, снижающих степень общественной опасности [8, с. 85]. Однако в соответствии с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 15.05.2018, для применения этих статей предусматриваются различные основания, следовательно, они могут применяться одновременно.

Если основываться на сравнительном анализе упомянутых норм, можно прийти к выводу, что, хотя основания их применения имеют некоторые общие черты, однако можно выявить следующие различия:

– ст. 64 УК РФ может быть применена к преступлениям небольшой тяжести, тогда как ч. 6 ст. 15 УК РФ – нет;

– ст. 64 УК РФ не может быть применена к отдельным преступлениям, указанным в ч. 3 ст. 64 УК РФ, тогда как ч. 6 ст. 15 УК РФ применима к этим преступлениям;

– ст. 64 УК РФ применяется при наличии отягчающих наказание обстоятельств, тогда как ч. 6 ст. 15 УК РФ – нет;

– ст. 64 УК РФ применяется при таком самостоятельном основании, как активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления, тогда как положения ч. 6 ст. 15 УК РФ этого не закрепляют;

– ст. 64 УК РФ предполагает смягчение наказания ниже низшего предела санкции, или назначение наказания более мягкого, чем указано в санкции, или неназначение дополнительного наказания, предусмотренного в качестве обязательного, в то время как ч. 6 ст. 15 УК РФ может применяться при назначении наказания в пределах, установленных санкцией применяемой статьи Особенной части УК РФ, с учетом указанного в самой статье максимального размера наказания.

В случае когда обстоятельства дела предполагают наличие оснований для применения той и другой нормы, а также не усматриваются законодательно определенные препятствия для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, следует полагать, что суд имеет право назначить более мягкое наказание, чем установлено за это преступление, и в то же время изменить категорию на менее тяжкую.

Исходя из той предпосылки, что нормы ст. 64 и ч. 6 ст. 15 УК РФ предназначены в уголовном праве для решения разных задач и не конкурируют между собой, для их применения вполне могут учитываться одни и те же факты и обстоятельства уголовного дела.

В целом же следует отметить, что, хотя суды, как правило, не готовы применять ч. 6 ст. 15 УК РФ, в то же время такая возможность многое меняет для подсудимого – от назначения вида исправительной колонии до шанса освободиться досрочно. Следует использовать эту норму хотя бы эпизодически, опираясь не просто на смягчающие обстоятельства дела, а на исключительные, носящие единичный характер. Это позволит приблизиться к решению проблемы индивидуализации назначения уголовного наказания.

В этом смысле интересным будет провести сравнение с уголовным законодательством Республики Казахстан. Оно является ярким примером того, что законодатель пошел другим путем в части индивидуализации назначения наказания. В данном случае акцент делается не на самой категории преступления, то есть не на степени его общественной опасности, а на наличии или отсутствии смягчающих обстоятельств. В ст. 55 Уголовного кодекса Республики Казахстан [24] исчерпывающе и конкретно указано, в каких именно обстоятельствах и в каком размере наказание должно быть снижено. Так, предусмотрено, что наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств является основанием для снижения наказания за уголовный проступок, преступления не-

большой или средней тяжести как минимум наполовину, за тяжкое преступление – в размере не более $\frac{2}{3}$, а за особо тяжкое деяние – не более $\frac{3}{4}$ от установленной соответствующей статьей Особенной части наказания.

Положения Уголовного кодекса Республики Казахстан дополнены нормативным постановлением Верховного суда Республики Казахстан от 25.06.2015 № 4, которое указывает судам на необходимость учитывать не только установленную в ст. 11 УК РК степень тяжести совершенного преступления, но также всю совокупность сопутствующих его совершению обстоятельств, таких как мотивы, цели, способ совершения, форма вины преступника, стадия преступления, общественная опасность последствий, которые оно повлекло, и т. д. Также рассматриваемое постановление обращает внимание судов на то, что нормы о назначении более мягкого наказания могут применяться только при наличии исключительных смягчающих вину обстоятельств, которые, во-первых, снижают степень общественной опасности преступного деяния, а во-вторых, свидетельствуют о положительных характеристиках подсудимого с социально-нравственной точки зрения. Последнее условие, касающееся морально-нравственного облика преступника, представляет собой существенное отличие от аналогичных российских норм и их толкований, в которых отсутствует отсылка к характеристикам личности преступника как таковым.

Такой подход, безусловно, имеет как положительные, так и отрицательные черты. В частности, в исследованиях казахских правоведов встречается мнение, что данный вопрос отрицательно сказывается на решениях по делам о некоторых преступлениях. Например, складываются ситуации, когда практически одно и то же наказание назначается участникам преступной группы, выполнявшим в ней совершенно различные по значимости и общественной опасности роли (например, организатор и второстепенный соучастник исполнения), или за сбыт наркотических веществ одним преступником в размере одного грамма, а другим – нескольких килограммов [3].

В отличие от Уголовного кодекса Республики Казахстан, в Уголовном кодексе Республики Кыргызстан [23] прямо установлены основные принципы уголовного закона, и в том числе принцип индивидуализации ответственности и наказания. В то же время реформа 2021 г., проведенная в Кыргызстане в отношении уголовного законодательства, по сути удалила многие средства дифференциации и индивидуализации, которые были введены ранее. Так, был отменен Кодекс об уголовных проступках, принятый в 2017 г. Деяния, считавшиеся проступками, были переведены в категорию менее тяжких преступлений. Всего же кыргызским уголовным законом предусмотрены в ст. 19 четыре категории преступлений: небольшой тяжести, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. За основу классификации традиционно взяты назначаемые по этим категориям сроки лишения свободы.

Кроме того, в 2021 г. в Кыргызстане был отменен институт соглашения о сотрудничестве, так как,

по мнению законодателя, его наличие приводило к существенному снижению качества следственных действий [1]. Таким образом, представляется, что данные положения уголовного законодательства умаляют значение и роль принципа индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Представляется, что расширение использования ч. 6 ст. 15 УК РФ возможно, в частности, в сфере назначения наказания лицам, принимавшим участие в организованных группах или преступных сообществах. Рассмотрение дел о преступлениях, совершенных группой лиц либо организованной группой, как и преступным сообществом, всегда имеет повышенную сложность. Это связано с дополнительным анализом фактов, относящихся к определению, какая именно форма соучастия имеет место, установлению роли каждого из членов преступной группы в совершении преступлений, формы и степени их вины.

В научной литературе принято говорить об организованных формах преступности как явлениях, имеющих повышенную общественную опасность. По утверждению Д. А. Янковского, это объясняется в основном тем фактом, что в преступных объединениях образуются и действуют намного более устойчивые антиобщественные связи преступного характера между отдельными криминальными элементами и таким способом появляется особый (коллективный) субъект преступной деятельности [25, с. 117].

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации уже отражено положение о том, что для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ необходимо в числе прочих факторов учитывать роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии. Однако нам видится, что данная формулировка недостаточна для формирования правоприменительной практики в этой области.

Преступные организации и сообщества отличаются тем, что в них, как правило, существует некое распределение ролей и функций между участниками согласно установленной неписаной иерархии и степени (давности) вовлеченности в преступную деятельность. Соответственно, разделение доходов от незаконной деятельности происходит между ними также в соответствии с этой иерархией. В признак «организованность», касающийся как преступного сообщества, так и организованной группы, входят обязательные составляющие: обозначение и определение целей совместной деятельности, детальное взвешивание, обдумывание и планирование преступных действий. Также наблюдается иерархическая структура и ведется распределение ролей среди соучастников преступного сообщества (преступной организации), в системе управления имеется жесткая дисциплина с безоговорочным подчинением низшего высшему, организаторами осуществляется активная деятельность, направленная на создание системы противодействия различным уровням контроля [7, с. 78].

Из описанных признаков логически вытекает, что при ведении дел, касающихся преступлений, совершенных организованными группами преступников, суду приходится рассматривать и устанавливать в

числе прочего положение в иерархии сообщества и степень соучастия каждого из обвиняемых. Это обстоятельство само по себе в достаточной степени усложняет процесс вынесения решения. В ходе предварительного следствия в таких случаях необходимо установить степень вины, фактического участия каждого из обвиняемых по делу в совершении преступления. В то же время нередко складываются ситуации, при которых лицо было вовлечено в преступную деятельность случайно, помимо собственной воли путем угроз, обмана, шантажа, под влиянием заблуждения либо не до конца осознавая последствия своих действий. Соответственно, личная ответственность каждого подсудимого должна быть определена с учетом всех изложенных обстоятельств.

Для противодействия именно групповым формам преступности, в том числе и латентному общественно опасному криминальному явлению, был создан институт досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 61 ст. 5 УПК РФ). Его эффективность обусловлена стимулированием положительных посткриминальных поступков обвиняемого, в результате которых для него наступают установленные в соглашении благоприятные уголовно-правовые последствия [2, с. 56]. По эффективности и частоте применения его можно сравнить с институтом признания вины в уголовном праве США [27; 30].

Можно сказать, что применение особого порядка рассмотрения дела при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве – это компромиссный способ как рассмотрения судом, так и предварительного расследования уголовного дела. При этом содействие подозреваемого или обвиняемого органам предварительного расследования, как отмечает Б. Т. Безлепкин, должно характеризоваться такими признаками, как активность, заинтересованность и добросовестность. Именно в этом, по справедливому мнению исследователя, заключается законная цель данного соглашения [4, с. 233].

Также полагаем, что основная цель введения института досудебного соглашения о сотрудничестве состояла в необходимости установления механизма эффективной борьбы с организованной преступностью. Предполагалось, что данный механизм послужит цели пресечения незаконной деятельности преступных групп и сообществ, так как их участники зачастую под страхом мести утаивают информацию об организаторах преступной деятельности и соучастниках. Нормы о досудебном соглашении о сотрудничестве дают возможность следственным органам на законных основаниях использовать меры государственной защиты и смягчения наказания в отношении участников организованных преступных групп и преступных сообществ в обмен на предоставление информации о соучастниках, планируемых преступлениях, преступных связях и контактах в группе (сообществе).

По мнению Э. З. Сакаевой и Э. Э. Мусиной, суть досудебного соглашения о сотрудничестве сводится к особому способу расследования и раскрытия

наиболее опасных и тяжких преступлений (заказных убийств, бандитизма, незаконного оборота наркотических средств, оружия, преступлений коррупционного характера и др.) с помощью побуждения обвиняемого к деятельному сотрудничеству со следственными органами [21, с. 87].

В рамках настоящего исследования было рассмотрено порядка 90 приговоров, вынесенных в особом порядке рассмотрения дела с применением гл. 40.1 УПК РФ о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Среди них сравнительно невелика доля приговоров, при вынесении которых суд нашел уместным применить ч. 6 ст. 15 УК РФ и снизить категорию преступления. Основания для применения указанной статьи уголовного закона были предусмотрены в следующих решениях:

– подсудимая признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 5 ст. 290, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ. Категория преступления по п. «а» ч. 5 ст. 290 изменена с особо тяжкой на тяжкую, назначено наказание в виде лишения свободы на срок три года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима с лишением права занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления с организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями сроком на четыре года и штрафа в доход государства в размере семидесяти тысяч рублей [14];

– подсудимый признан виновным в даче взятки за оформление документов, подтверждающих ветеринарную безопасность сельскохозяйственных животных, по ч. 5 ст. 291 УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере трех миллионов рублей. Суд на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ счел возможным изменить категорию совершенного преступления с особо тяжкого на тяжкое [17];

– подсудимый признан виновным в незаконном лишении свободы, нарушении неприкосновенности жилища, вымогательстве. Суд счел необходимым изменить категорию данного преступления с особо тяжкого на тяжкое на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ. Окончательное наказание назначено в виде лишения свободы сроком на четыре года без штрафа и ограничения свободы [16];

– подсудимый был признан виновным в совершении четырех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ. Суд, руководствуясь ч. 6 ст. 15 УК РФ, счел возможным изменить категорию совершенных преступлений на менее тяжкую (с тяжкого на категорию средней тяжести). Окончательное наказание подсудимому было назначено по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы на срок три года. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное подсудимому наказание в виде лишения свободы постановлено считать условным с установлением осужденному испытательного срока в течение двух лет [15].

Необходимо отметить, что большая часть данных приговоров судов относится к делам о коррупционных и экономических преступлениях, таких как дача

взятки либо посредничество, мошенничество, вымогательство.

Наиболее суровое наказание в виде реального лишения свободы было назначено по результатам рассмотрения уголовного дела по обвинению в ряде эпизодов преступной деятельности, когда подсудимая использовала свое служебное положение, а также по уголовному делу, где присутствовали и другие преступления: незаконное лишение свободы и нарушение неприкосновенности жилища потерпевшего.

При всей многочисленности приговоров по делам, касающимся статей гл. 25 УК РФ, в частности незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, среди них очень редко встречаются ситуации, при которых суд счел необходимым применить положения ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Из всего количества рассмотренных в рамках данного исследования судебных решений нашлось одно, в котором судом установлены основания для снижения категории преступления с особо тяжкого на тяжкое. Суд принял во внимание в том числе степень реализации преступных намерений (преступление не было окончено), ненаступление особо тяжких последствий, совершение преступления впервые и молодой возраст подсудимого [14]. В резолютивной части приговора суд постановил признать подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок четыре года в исправительной колонии общего режима, изменив категорию преступления с особо тяжкого на тяжкое. Как видим, здесь изменение категории повлияло на вид исправительного учреждения, в котором осужденный будет отбывать наказание.

Таким образом, можно отметить, что применение ч. 6 ст. 15 УК РФ, скорее, затруднено или представляется невозможным в отношении насильственных преступлений, равно как и преступлений против здоровья населения и общественной нравственности. С учетом повышенной общественной опасности данных преступлений, по нашему мнению, сложно определить, какие исключительные обстоятельства могут побудить суд рассмотреть вопрос об индивидуальных смягчениях при назначении наказания.

В то же время, как упоминалось выше, применение ч. 6 ст. 15 УК РФ в судебной практике встречается очень редко, в то время как статья содержит потенциал для дальнейшего развития гуманизации и индивидуализации назначения уголовного наказания.

Исследуя возможность применения указанной нормы в случаях, когда уголовное дело рассматривается в особом порядке с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве при предъявляемом обвинении в совершении ненасильственных преступлений, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты. В п. 7 ст. 317.3 УПК РФ установлено, что в досудебном соглашении о сотрудничестве необходимо указать смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий

и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве. Таким образом, в данном случае имеем дело с уголовно-процессуальной проблемой, которая охватывает и уголовно-правовую, то есть включает в себя применение ч. 6 ст. 15 УК РФ при рассмотрении дела в особом порядке.

В п. 5 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ указывается, что в судебном заседании в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, необходимо исследовать в том числе и обстоятельства, которые характеризуют личность подсудимого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [10] также упоминается об исследовании обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, смягчающих и отягчающих наказание. Указывается, что эти обстоятельства могут устанавливаться в том числе и на основании дополнительно предоставляемых сторонами материалов, а также свидетельских показаний. При этом в положениях закона не называется конкретная цель такого исследования, что позволяет полагать возможным использование результатов рассматриваемого судом указанных характеристик и обстоятельств и с целью обоснования смягчения назначаемого наказания. Как раз здесь при наличии достаточных смягчающих обстоятельств и личностных качеств подсудимого у суда появляется основание рассматривать возможность снижения категории тяжести преступления в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. Данный подход подтверждается примерами из судебной практики, хотя и достаточно редкими, когда при рассмотрении дела в особом порядке суд счел возможным изменить категорию преступления при вынесении обвинительного приговора [13].

Представляется целесообразным рекомендовать судам при рассмотрении в особом порядке уголовных дел при заключении лицом или лицами досудебного соглашения о сотрудничестве в случаях, когда предъявлено обвинение в совершении ненасильственных преступлений в составе преступного сообщества (организованной преступной группы), изменять категорию преступления на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. За счет такого подхода будет достигнута именно цель индивидуализации назначения наказания для второстепенных в иерархии преступного сообщества участников, выполнявших вспомогательные роли, которые в то же время идут на добровольное сотрудничество со следствием в целях пресечения дальнейшей преступной деятельности сообщества, предупреждения совершения им новых преступлений.

В связи с этим следует дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» п. 13 следующего содержания:

«13. При рассмотрении судами дел в порядке главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, например при вменении подсудимому участия в преступном сообществе, судам надлежит индивидуализировать и всесторонне оценить степень участия указанного подсудимого и влияние изложенного на наступление общественно опасных последствий содеянного. В случае выполнения подсудимым всех условий досудебного соглашения о сотрудничестве суд при назначении наказания дополнительно оценивает целесообразность применения ч. 6 ст. 15 УК РФ с учетом данных о личности подсудимого, объема и характера предъявленного обвинения» [11].

Таким образом, норма ч. 6 ст. 15 УК РФ применяется судами лишь в исключительных, единичных случаях, когда наличествуют особые смягчающие вину обстоятельства. Суду в данном случае отводится важная роль – определение степени общественной

опасности содеянного, а также той угрозы обществу, что представляет собой личность подсудимого.

Вклад в развитие теории и прикладной области уголовно-правовой науки состоит том, что выводы и предложения, сформулированные по итогам исследования, направлены на совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации и решение существующих в правоприменительной практике проблем. В частности, есть перспективы расширения использования ч. 6 ст. 15 УК РФ при назначении наказания лицам, обвиняемым в совершении преступлений в составе преступных сообществ.

Представляется целесообразным рекомендовать судам при рассмотрении в особом порядке уголовных дел при заключении лицом досудебного соглашения о сотрудничестве в случаях, когда предъявлено обвинение в совершении ненасильственных преступлений, применять норму ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении категории преступления на менее тяжкую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаева, А. Новое уголовное законодательство Кыргызстана: откат назад или курс на результативность? / А. Абдуллаева // Central Asian Bureau for Analytical Reporting : сайт. – URL: <https://cabar.asia/ru/novoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo-kyrgyzstana-otkat-nazad-ili-kurs-na-rezultativnost> (дата обращения: 05.05.2022).
2. Асадуева, С. А. Значение института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве / С. А. Асадуева // Закон и право. – 2021. – № 6. – С. 54–59.
3. Аширбеков, А. По принципу индивидуализации наказания / А. Аширбеков // zakon.kz : сайт. – URL: <https://www.zakon.kz/4911883-po-printsipu-individualizatsii.html> (дата обращения: 05.05.2022).
4. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 13-е изд., перераб. и доп. / Б. Т. Безлепкин. – Москва : Проспект, 2016. – 576 с. – ISBN 978-5-392-32847-5.
5. Герасимов, А. М. Уголовно-правовая политика по увеличению роли суда в установлении уровня общественной опасности преступления / А. М. Герасимов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 1. – С. 55–59.
6. Дядькин, Д. С. Уголовно-правовые проблемы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ / Д. С. Дядькин // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 23–28.
7. Коротков, С. А. Преступное сообщество (преступная организация) и ответственность их участников по российскому уголовному праву / С. А. Коротков // Академическая мысль. – 2020. – № 2 (11). – С. 77–84.
8. Кулева, Л. О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кулева Людмила Олеговна. – Ярославль, 2019. – 244 с.
9. Курс на гуманизацию: Пленум ВС разъяснил, как смягчать наказание через переквалификацию // Право.ru : сайт. – URL: <https://pravo.ru/news/202505/> (дата обращения: 05.05.2022).
10. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 // Российская газета. – 2012. – № 156.
11. О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2018 № 10 // Российская газета. – 2018. – № 106с.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.05.2014 № 16-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 22. – Ст. 2920.
13. Приговор Привокзального районного суда г. Тулы от 21.01.2020 по делу № 1-196/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IGRb5goMxML1?ysclid=17fxv7mexz786365480> (дата обращения: 05.05.2022).
14. Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода от 23.07.2020 по делу № 1-122/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qwbohF8UPc6q?ysclid=17fxwscxejo962493303> (дата обращения: 05.05.2022).
15. Приговор Туапсинского районного суда Краснодарского края от 19.05.2020 по делу № 1-60/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y1fizbweGmLW?ysclid=17fxx5sm8g565692349> (дата обращения: 05.05.2022).

16. Приговор Читинского гарнизонного военного суда (Забайкальский край) от 08.05.2020 по делу № 1-52/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jrr45eQuAndK/?ysclid=l7fxxzsg6r962406711> (дата обращения: 05.05.2022).
17. Приговор Яшкульского районного суда Республики Калмыкия от 21.07.2021 по делу № 1-60/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wVAXCV2XVCoT/?ysclid=l7fxypizc7513765155> (дата обращения: 05.05.2022).
18. Пудовочкин, Ю. Е. Изменение категории преступления судом: теоретико-прикладной анализ / Ю. Е. Пудовочкин, Н. В. Генрих // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 2 (73). – С. 76–81.
19. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о преступлении : избранные лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 224 с. – ISBN 978-5-93295-654-0.
20. Решетник, В. Я. Принятие судами решений об изменении категории преступления на менее тяжкую / В. Я. Решетник // Законность. – 2016. – № 9 (983). – С. 65–76.
21. Сакаева, Э. З. Понятие досудебного соглашения о сотрудничестве / Э. З. Сакаева, Э. Э. Мусина // Интерактивная наука. – 2021. – № 3 (58). – С. 85–89.
22. Судебная статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 05.05.2022).
23. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.04.2022 г.) // 25-ЮРИСТ : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 05.05.2022).
24. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2022) // 25-ЮРИСТ : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 05.05.2022).
25. Янковский, Д. А. Особенности назначения наказания за преступление, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом / Д. А. Янковский // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 3. – С. 116–123.
26. Bagaric, M. A (Partial and Principled) Defense of Sentences of Life Imprisonment / M. Bagaric, J. Svilar // Cleveland State Law Review. – 2022. – Volume 70, no. 4. – Pp. 667–708. – URL: <https://engagedscholarship.csuohio.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4182&context=clevstlrev> (дата обращения: 05.05.2022).
27. Johnson, T. Lying at Plea Bargaining / Thea Johnson // Georgia State University Law Review. – 2022. – Volume 38, no. 3. – Pp. 673–733. – URL: <https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3139&context=gsulr> (дата обращения: 05.05.2022).
28. Meixner, J. B. Jr. Modern Sentencing Mitigation / John B. Meixner Jr. // Northwestern University Law Review. – 2022. – Volume 116, no. 6. – Pp. 1395–1480. – URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1490&context=nulr> (дата обращения: 05.05.2022).
29. Ramsey, J. Minimum Sentences, Maximum Suffering: A Proposal to Reform Mandatory Minimum Sentencing / J. Ramsey // Scholars Crossing. The institutional repository of Liberty University : website. – URL: https://digitalcommons.liberty.edu/hsgconference/2022/theory_philosophy/16 (дата обращения: 05.05.2022).
30. Reported Experiences with Plea Bargaining: A Theoretical Analysis of the Legal Standard / Krystia Reed, Alison Franz, Vincent Calderon, Alisha Meschkow, Valerie F. Reyna // West Virginia law review. – 2022. – Volume 124, no. 2. – Pp. 421–447. – URL: <https://researchrepository.wvu.edu/wvlr/vol124/iss2/5/> (дата обращения: 05.05.2022).

REFERENCES

1. Abdullaeva A. New criminal law of Kyrgyzstan: a throwback or efficiency policy? *Central Asian Bureau for Analytical Reporting: sait* [Central Asian Bureau for Analytical Reporting: website]. Available at: <https://cabar.asia/ru/novoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo-kyrgyzstana-otkat-nazad-ili-kurs-na-rezultativnost> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
2. Asadueva S.A. The importance of the institution of a pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings. *Zakon i pravo=Law and Legislation*, 2021, no. 6, pp. 54–59. (In Russ.).
3. Ashirbekov A. According to the principle of individualization of punishment. *zakon.kz: sait* [zakon.kz: website] Available at: <https://www.zakon.kz/4911883-po-printsipu-individualizatsii.html> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
4. Bezlepkin B.T. *Kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow: Prospekt. 2016. 576 p. ISBN 978-5-392-32847-5.
5. Gerasimov A.M. Criminal law policy to increase the role of the court in establishing the level of public danger of crime. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'=Legal Policy and Legal Life*, 2022, no. 1, pp. 55–59. (In Russ.).
6. Dyad'kin D.S. Criminal and legal problems of application of Article 15, Part 6 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo=Criminal Law*, 2015, no. 2, pp. 23–28. (In Russ.).
7. Korotkov S.A. Criminal community (criminal organization) and responsibility of their participants under Russian criminal law. *Akademicheskaya mysl'=Academic Thought*, 2020, no. 2 (11), pp. 77–84. (In Russ.).
8. Kuleva L.O. *Kategorizatsiya prestuplenii kak sredstvo differentsiatsii otvetstvennosti v Obshchei i Osobennoi chastyakh UK RF: avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk* [Categorization of crimes as a means of differentiating liability

- in the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Yaroslavl, 2019. 244 p.
9. In the direction of humanization: the Plenum of the Supreme Court clarified how to mitigate punishment through retraining. *Pravo.ru: sait* [Pravo.ru: website]. Available at: <https://pravo.ru/news/202505/> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
10. On the practice of courts' application of a special procedure for court proceedings when concluding a pre-trial cooperation agreement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 of June 28, 2012. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2012, no. 156. (In Russ.).
11. On the practice of courts' application of the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 10 of May 15, 2018. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, no. 106, 2018. (In Russ.).
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of May 20, 2014 on the case of checking the constitutionality of Paragraph 1 of Part 3 of Article 31 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.A. Filimonov. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2014. No. 22. Art. 2920. (In Russ.).
13. Verdict of the Privokzalnii District Court of the city of Tula of January 21, 2020 in the case No. 1-196/2019. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/IGRb5goMxML1/?ysclid=l7fxv7mexz786365480> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
14. Verdict of the Sverdlovsk District Court of the city of Belgorod of July 23, 2020 in the case No. 1-122/2020. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/qwbohF8UPc6q/?ysclid=l7fxcxejo962493303> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
15. Verdict of the Tuapse District Court of Krasnodar Krai of May 19, 2020 in the case No. 1-60/2020. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/y1fzbweGmLW/?ysclid=l7fx5sm8g565692349> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
16. Verdict of the Chita Garrison Military Court (Zabaikalsky Krai) of May 8, 2020 in the case No. 1-52/2020. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/jrr45eQuAndK/?ysclid=l7fxzsg6r962406711> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
17. Verdict of the Yashkul District Court of the Republic of Kalmykia of July 21, 2021 in the case No. 1-60/2021. *Sudebnye i normativnye akty RF: sait* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/wVAXCV2XVCoT/?ysclid=l7fxypizc7513765155> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
18. Pudovochkin Yu.E., Genrikh N.V. Changes of category of crime by the court: theoretical applied analysis. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii=Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2019, no. 2 (73), pp. 76–81. (In Russ.).
19. Pudovochkin Yu.E. *Uchenie o prestuplenii: izbrannye lektsii* [Doctrine of crime: selected lectures]. Moscow: YurLitinform. 2008. 224 p. ISBN 978-5-93295-654-0.
20. Reshetnik V.Ya. Taking decisions by courts on changing a category of crime for a minor crime. *Zakonnost'=Legality*, 2016, no. 9 (983), pp. 65–76. (In Russ.).
21. Sakaeva E.Z., Musina E.E. Concept of plea agreement. *Interaktivnaya nauka=Interactive Science*, 2021, no. 3 (58), pp. 85–89. (In Russ.).
22. Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official website]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
23. Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 127 of October 28, 2021 (with amendments and additions as of April 1, 2022). *25-YuRIST: sait* [25-Law: website]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
24. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V of July 3, 2014 (with amendments and additions as of March 2, 2022). *25-YuRIST: sait* [25-Law: website]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (In Russ.). (Accessed May 5, 2022).
25. Yankovskii D. A. Features of sentencing for a crime committed by a group of persons, a group of persons by prior agreement, an organized group and a criminal community. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve=Gaps in Russian Legislation*, 2015, no. 3, pp. 116–123. (In Russ.).
26. Bagaric M., Svilar J. A (partial and principled) defense of sentences of life imprisonment. *Cleveland State Law Review*, 2022, vol. 70, no. 4, pp. 667–708. Available at: <https://engagedscholarship.csuohio.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4182&context=clevstlrev> (accessed May 5, 2022).
27. Johnson T. Lying at plea bargaining. *Georgia State University Law Review*, 2022, vol. 38, no. 3, pp. 673–733. Available at: <https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3139&context=gsulr> (accessed May 5, 2022).
28. Meixner J.B. Jr. Modern sentencing mitigation. *Northwestern University Law Review*, 2022, vol. 116, no 6. pp. 1395–1480. Available at: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1490&context=nulr> (accessed May 5, 2022).
29. Ramsey J. Minimum sentences, maximum suffering: a proposal to reform mandatory minimum sentencing. *Scholars Crossing. The institutional repository of Liberty University: website*. Available at: https://digitalcommons.liberty.edu/hs-gconference/2022/theory_philosophy/16 (accessed May 5, 2022).

30. Reed K., Franz A., Calderon V., Meschkow A. et al. Reported experiences with plea bargaining: a theoretical analysis of the legal standard. *West Virginia Law Review*, 2022, vol. 124, no 2, pp. 421–447. Available at: <https://researchrepository.wvu.edu/wvlr/vol124/iss2/5/> (accessed May 5, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭЛИНА АРТУРОВНА БАБАЯНЦ – помощник заместителя председателя Московского городского суда, Москва, Россия, eli.fart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5126-2014>

ELINA A. BABAYANTS – Assistant to the Deputy Chairman of the Moscow City Court, Moscow, Russia, eli.fart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5126-2014>

Статья поступила 24.06.2022

Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГИРЬКО

Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук,
Москва, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
syvorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАРЧЕНКО

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Москва, Россия, dsb111@yandex.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОЛГОПОЛОВ

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина,
Краснодар, Россия, Aadolgopolov1@mail.ru

АЛТЫНБЕК МАНАПБАЕВИЧ КАМБАРОВ

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста Рос-
сии), Москва, Россия, Kambarov75@mail.ru

Реферат

Введение: в последнее время поиск ускоренных и упрощенных форм досудебного производства как в России, так и за рубежом является проявлением тенденции гуманизации уголовного процесса. Однако анализ позиций ученых-процессуалистов в научной литературе, рассмотренный через призму международных стандартов полицейского дознания, не дает окончательного ответа о целесообразности проведения дознания в сокращенной форме. Ставя *цель исследования*, авторы связывают современное состояние эффективности ускоренного дознания с определением способов оптимизации организации расследования преступлений и решением ряда проблем дифференциации процессуальной формы производства дознания. *Методологическую базу* исследования составила следующая совокупность теоретических и эмпирических методов научного познания действительности: теоретические познания основывались на анализе научных источников и размышлении авторов на тему законодательного регулирования ускоренной формы дознания, а эмпиризм выводился из практики применения данной формы. *Обсуждение:* авторами исследования оценена продолжающаяся в отечественной научной литературе дискуссия по проблеме восприятия дознания в ускоренной форме как самостоятельной процессуальной формы, введенной в российский уголовный процесс. Рассмотрено развитие гибридных моделей уголовного правосудия в двух континентальных юрисдикциях (на примере Франции и Италии). В странах англосаксонской правовой системы, таких как США, Великобритания, Австралия, упрощенная процедура, как правило, связана с заключением сделки с правосудием на стадиях и расследования, и судопроизводства. В государствах – участниках СНГ (Казахстан, Беларусь, Молдова) был избран подход к ускоренной форме досудебного производства, позволяющий только сократить его срок. *Вывод:* решение проблемы авторы видят в приведении отечественных практик в соответствие с международными стандартами процедур полицейского дознания. Исследование показало, что, несмотря на дискуссии ученых, модель ускоренного дознания, введенная в УПК РФ, в целом соответствует предъявляемым требованиям, а организационные меры МВД России позволят распространить эту практику. Результаты исследования расширяют знания о закреплённой в УПК РФ унифицированной процедуре и способствуют ее дальнейшему совершенствованию.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное регулирование; сокращенная форма дознания; международные стандарты; полицейское дознание; ускоренное досудебное производство; модель ускоренного дознания; организационные меры МВД России; масштабы применения ускоренного дознания.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гирько С. И., Харченко С. В., Долгополов А. А., Камбаров А. М. Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы // Пени-тенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 274–284. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.005.

Original article

Russian Accelerated Inquiry: Modern Metamorphoses of the Procedural Form

SERGEI I. GIR'KO

Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
syvorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

SERGEI V. KHARCHENKO

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, dsb111@yandex.ru

ALEKSANDR A. DOLGOPOLOV

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, Aadolgopolov1@mail.ru

ALTYNBEK M. KAMBAROV

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, Kambarov75@mail.ru

Abstract

Introduction: recently, the search for accelerated and simplified pre-trial proceedings both in Russia and abroad is a manifestation of the trend to humanize the criminal process. However, the analysis of the stance of procedural law scholars in the scientific literature considered through the prism of international standards of police inquiry does reveal the expediency of conducting an abbreviated inquiry. Defining the *purpose* of the research presented in the article, the authors link the current state of the accelerated inquiry efficiency with the definition of ways to optimize organization of crime investigation and solve a number of problems to differentiate the procedural form of inquiry. The following set of theoretical and empirical methods of scientific cognition of reality comprises the *methodological basis* of the research. Theoretical knowledge is based on the analysis of scientific sources and the authors' reflection on the topic of legislative regulation of an accelerated inquiry; empiricism is derived from the practice of using this form. *Discussion:* the authors of the study evaluate the ongoing discussion in the Russian scientific literature on the problem to consider an accelerated inquiry as an independent procedural form introduced into the Russian criminal process. Development of hybrid models of criminal justice in two continental jurisdictions (on the example of France and Italy) is considered. In the countries of the Anglo-Saxon legal system, such as the USA, Great Britain, Australia, a simplified procedure is usually associated with the conclusion of a plea bargain both at the stage of investigation and legal proceedings. The CIS member states' (Kazakhstan, Belarus, Moldova) approach to accelerated pre-trial proceedings only shortens its term. *Conclusion:* the authors see the solution to the existing problem in bringing domestic practices in line with international standards of police investigation procedures. The study shows that despite discussions of scientists, the accelerated inquiry model introduced in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, in general, meets the requirements, and organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia will allow to spread this practice. The results of the study expand knowledge about the unified procedure enshrined in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and contribute to its further improvement.

Keywords: criminal procedure regulation; abbreviated form of inquiry; international standards; police inquiry; accelerated pre-trial proceedings; accelerated inquiry model; organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia; scope of application of accelerated inquiry.

12.00.09 – Criminal procedure.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Gir'ko S. I., Kharchenko S. V., Dolgoplov A. A., Kambarov A. M. Russian accelerated inquiry: modern metamorphoses of the procedural form. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 274–284. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.005.

Введение

Потребность модернизации уголовно-процессуальных процедур как в России, так и на территории других государств вызвана необходимостью учета интернационализации преступности в условиях мировой глобализации и стремительного научно-технического прогресса, приводящего к появлению новых форм общественно опасного поведения. Трансграничный характер преступности усиливается стремительной криминализацией информационно-телекоммуникационной сферы. Ведущими киберугрозами 2021 г. специалисты признали распространение приема бэкдор в цепи поставок, взлом домашних систем для проникновения в офис, атаки на облачные платформы, а также мошенничества с мобильными платежами и QR-кодами [22]. В этих условиях необходимость эффективных международных механизмов и более тесного сотрудничества между государствами не раз отмечалась Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций [24]. В ноябре 2001 г. сорок три государства подписали Конвенцию Совета Европы о киберпреступности, направленную на повышение кибербезопасности посредством развития международного сотрудничества и оптимизации следственных механизмов [16]. Приоритетным направлением в деятельности большинства стран остается тенденция следования процессам либерализации и гуманизации уголовного правосудия. Комитет министров Совета Европы 17 сентября 1987 г. подписал рекомендацию «Об упрощении уголовной юстиции» NR (87)18, в которой указано на ограничение предварительного следствия, причем в некоторых случаях отмечена его необязательность [21]. Однако международные стандарты в сфере уголовного судопроизводства и процессы сближения континентальной и англосаксонской правовых систем затронули преимущественно судебный процесс и в меньшей степени досудебные стадии.

Эти и другие предпосылки подтолкнули российского законодателя к поиску оптимальных форм предварительного расследования. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в УПК РФ была введена гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Таким образом процессуальная форма производства дознания была дифференцирована, хотя до сих пор ведутся научные дискуссии между сторонниками единой процессуальной формы и приверженцами упрощенного порядка расследования преступлений [6]. Например, сокращению сроков в упрощенной форме дознания мешают дублирование процессуальных действий, отсутствие электронного межведомственного документооборота, сроков судебных экспертиз и ряд других недоработок уголовно-процессуального законодательства.

Учитывая вышеизложенные факты, актуальность проведенного нами исследования определяется:

- продолжающимися процессами либерализации и гуманизации уголовного правосудия;
- поиском путей сближения англосаксонской и континентальной моделей предварительного уголовного производства;
- потребностью дифференциации уголовно-процессуальной формы и поиском эффективных упрощенных и ускоренных процедур предварительного уголовного производства;
- условиями криминализации информационно-телекоммуникационной сферы и соответствующей потребностью в установлении и развитии цифрового взаимодействия правоохранительных структур на внутригосударственном и международном уровнях.

Определяя цель исследования, авторы связывают современное состояние эффективности ускоренного дознания с определением способов оптимизации организации расследования преступлений и решением ряда проблем дифференциации процессуальной формы производства дознания.

Достижению поставленной цели будет способствовать поэтапное решение исследовательских задач: историко-правовой анализ значения и сущности дифференциации процессуальной формы дознания в России и за рубежом; выявление организационных недостатков и проблем практики дознания в сокращенной форме; определение перспектив развития ускоренной формы дознания; анализ информационных технологий поддержки ускоренного дознания.

Обзор литературы

Проведенный анализ научных источников по теме исследования за 2016–2021 гг. позволил выделить три группы, каждая из которых акцентирует внимание на определенных аспектах современного состояния института ускоренного дознания.

Первая группа источников связана с проблемой поиска эффективных форм разрешения уголовно-правового конфликта посредством решения задачи уголовного судопроизводства по обеспечению доступа к правосудию и в целом реализации концепции гуманизации уголовного процесса. Это исследования Т. Ю. Вилковой [2, с. 167–179], В. М. Герасенкова [4, с. 21–25], В. В. Джуры [8, с. 10–21], Ю. А. Ляхова [9, с. 194–197], Д. В. Базаровой [14, с. 34–37], Ш. Ф. Файзиева [19, с. 70–73] и др. Были определены тенденции и векторы применения упрощенной формы досудебных процедур в России и за рубежом. Авторы рассматривают трансформирующее воздействие на развитие национального уголовного судопроизводства процессов глобализации. Конвергенция и приведение норм внутригосударственного права в соответствие с международными стандартами лежит в

плоскости демократизации и гуманизации уголовно-процессуальных процедур. Исследователи приходят к однозначным выводам, что решение проблемы повышения эффективности досудебного производства состоит в избавлении от излишней заформализованности и забюрократизированности. Анализируя основные модели построения досудебного производства в различных странах в зависимости от принадлежности государства к англосаксонской или континентальной правовой системе, Т. Ю. Вилкова констатирует тот факт, что «целью любого упрощенного и ускоренного производства является устранение неоправданных препятствий доступа к правосудию» [2, с. 168]. Вопросы укрепления гарантий открытости и доступности правосудия, а также упрощения процедуры получения информации о движении уголовного дела в современных условиях развития информационного общества исследует В. В. Джуря. Автор приходит к выводу, что «Россия стоит на пути постепенного приведения норм процессуального права в соответствие с международными стандартами» [8, с. 10]. Профессор Ю. А. Ляхов отмечает, что «гуманность является сущностной чертой уголовного процесса и соответственно все преобразования должны осуществляться по пути гуманизации» [9, с. 195]. К подобному мнению пришли и другие исследователи. Например, представитель ташкентской правовой школы Д. В. Базарова отмечает, что «в век информационных технологий эффективность уголовного правосудия зависит от целерантности, предполагающей разрешение уголовных дел в более короткие сроки» [14, с. 34]. Ш. Ф. Файзиев, рассматривая вопросы совершенствования уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, делает акцент еще и на таком факторе, как экономия государственного бюджета [19].

Вторую группу научных источников составляют работы российских и зарубежных авторов, по-разному оценивающих проблему перспективности введения целерантных процедур в уголовные судопроизводства государств. К данным вопросам в своих научных исследованиях обращаются А. Р. Белкин [1], В. М. Герасенков [4], С. И. Гирько [6], Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев [10], А. А. Проколова [11], Б. Коскас-Вильямс, М. Альберштейн [17], С. Эгберт, М. Лис [18, с. 13–17], И. Сорабий, С. Вагхан [22], Э. Яшар [26, с. 255–299]. Так, А. Р. Белкин и ряд других исследователей полагают, что «противоречия правового регулирования регламента сокращенного дознания (гл. 32.1 УПК РФ) не могут быть исправлены только путем внесения изменений. Требуется исключение этой главы из норм УПК РФ как не соответствующей правилам уголовно-процессуального доказывания и назначению уголовного судопроизводства в целом» [1]. Напротив, В. М. Герасенков отмечает, что «излишний формализм досудебных уголовных производств, особенно когда дело касается преступлений небольшой и средней тяжести, мешает ускорению доступа к правосудию и обеспечению принципа разумного срока уголовного судопроизводства» [4, с. 21]. Распространенность в зарубежных странах целерантных уголовных судопроизводств отражается на страни-

цах иностранной научной печати в основном их критикой. Так, оценивая реформу уголовного судопроизводства в Республике Казахстан, А. А. Проколова отмечает, что «введенные Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан новые ускоренные производства (институт ускоренного досудебного расследования; протокольного производства по уголовным проступкам; процессуального соглашения в форме сделки о признании вины и приказного производства) за последние пять лет ожидаемого эффекта не создали» [11, с. 122]. Оценивая ускоренные производства, введенные в 2019 г. в турецкий уголовный процесс, Э. Яшар пишет о том, что «отказавшись от полноценного доказывания, законодатель не усилил процессуальные гарантии прав участников ускоренных производств» [26, с. 255]. Б. Коскас-Вильямс и М. Альберштейн в научном докладе юридического факультета Университета Бар-Илан ставят вопрос о допустимости упрощенного уголовного производства для ограниченного перечня составов преступлений с учетом обязательного наличия фактических предпосылок, определенных в законе [17]. Д. Джонсон, Д. Вановербек обозначают транспарентность расследования преступлений как основную цель реформирования уголовного процесса Японии. Упрощенные процедуры уголовного преследования возможны, если только наказание за преступление, в связи с которым осуществляется уголовное преследование, не превышает штраф в размере одного миллиона иен. В докладе отмечается, что «в отличие от большинства государств общеправовой и континентальной правовых семей уголовное преследование в Японии осуществляют исключительно органы прокуратуры. При этом за ходом расследования прокуратуры наблюдает Комиссия по рассмотрению деятельности прокуратуры, представляющей собой орган гражданского контроля» [20, с. 440].

В третью группу научных источников включены исследования, оценивающие современное состояние дознания в сокращенной форме с криминалистической точки зрения. Это широкий круг как отечественных, так и зарубежных авторов: Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова [3], С. И. Гирько [5], А. С. Горбань [7], У. Чен [15, с. 323–407], Ф. Аль-Асаад [13], Л. Субиз [23], А. Вашко [25], Д. Джонсон, Д. Вановербек [20]. Большая часть авторов, занимающихся проблемой реализации упрощенных форм уголовного судопроизводства, отмечают, что указанные процедуры существенно экономят время и ресурсы правоохранительных органов. Ученые Восточно-Сибирского государственного университета Ю. П. Гармаев и Е. И. Попова констатируют тот факт, что качество расследования в упрощенном производстве существенно ниже. Данный факт они связывают с отсутствием разработанного криминалистического инструментария и, соответственно, предлагают «разработать теоретическую концепцию криминалистического обеспечения упрощенных процедур» [3, с. 16]. Представитель кубанской правовой школы А. С. Горбань создает алгоритм производства сокращенного дознания при расследовании краж [7]. Аналогичные исследования были проведены и в других странах. У. Чен, опираясь на последние открытия

юридического сообщества, представил текущие тенденции ускоренных производств в уголовно-процессуальном праве Китая. Особенностью регулирования уголовно-процессуальных отношений в КНР является его партийно-ориентированный характер, однако это не мешает китайскому законодателю следовать современным международным тенденциям. Отсутствие разделения процессуальной формы предварительного расследования обусловлено менее длительными сроками производства по уголовному делу, упрощенной процедурой санкционирования применения мер процессуального принуждения и производства следственных действий [15, с. 323–407]. Профессор Ливерпульского университета Л. Субиз в рецензии на книгу Ж. Ходжсон «Метаморфоза уголовного правосудия – сравнительный отчет» пишет о фундаментальных изменениях в уголовном правосудии Англии и Уэльса. «Например, лицо, совершившее преступление, может быть немедленно доставлено в магистратский суд без досудебной подготовки и письменного обвинительного акта (устная формулировка обвинения). В случае признания обвиняемым своей вины другие доказательства виновности судом не исследуются» [23, с. 815]. А. Вашко изучал криминалистические особенности использования разведывательных данных в сокращенных формах уголовного судопроизводства. Согласно его исследованию «сокращенное расследование в Словакии должно быть окончено в течение двух месяцев с момента вынесения обвинения. При сокращенном расследовании составляется протокол сокращенного производства». Автор приходит к выводу, что «использование разведывательной информации в уголовном судопроизводстве влияет на сокращение сроков и оправдано прецедентной практикой Европейского суда по правам человека» [25, с. 280].

Проводя итоговое различие между тем, что уже сделано, и тем, что необходимо сделать, отметим, с одной стороны, многообразие научных подходов к сокращенным процедурам уголовного судопроизводства, а с другой – необходимость их законодательной доработки до требований международных стандартов. Выявление важных переменных, относящихся к теме исследования, показало, что зачастую авторами используется описательный подход, препятствующий развитию целостного представления о совершенствовании ускоренной процессуальной формы досудебного оформления материалов о преступлениях. Соответственно, становится очевидным, что указанная проблематика, а именно вопросы оптимизации деятельности органов дознания, требует дальнейшей разработки.

Материалы и методы

Методологическую базу проведенного исследования составила следующая совокупность теоретических и эмпирических методов научного познания действительности: теоретические познания основывались на анализе научных источников и размышлении авторов на тему законодательного регулирования ускоренной формы дознания, а эмпиризм выводился из практики ее применения.

Данная статья, опираясь на системный подход, ориентировала исследование на раскрытие целост-

ности происходящих процессов модернизации уголовно-процессуальных процедур в контексте поиска эффективных международных механизмов тесного сотрудничества между государствами. В поле зрения таких ученых, как Ю. А. Ляхов [9], Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев [10] и другие, оказались не только характерные черты международно-го сотрудничества, но и обширная область вариантов оптимизации следственных механизмов.

Используя философский метод материалистической диалектики, исследователи анализировали досудебные ускоренные производства во взаимосвязи с общим порядком уголовного судопроизводства и стоящими перед ним задачами [1–8].

Посредством общенаучных методов познания были получены новые теоретические знания о сущности, содержании и правовой природе ускоренной формы дознания. Так, с помощью метода анализа были выявлены проблемы в правовом регулировании ускоренных досудебных производств. Метод синтеза позволил сформулировать авторские предложения, относящиеся к теоретическим основам различных ускоренных досудебных производств в уголовном процессе.

В исследовании авторы также опирались и на частнонаучные методы познания, такие как сравнительно-правовой, конкретно-социологический и формально-юридический, историко-правовой. Сравнительно-правовой метод позволил сравнить ускоренные досудебные производства России и зарубежных стран по ряду критериев. Конкретно-социологический метод дал возможность изучить уголовные дела, правоприменительную практику и мнение ученых-процессуалистов по вопросам дифференцированных производств. Формально-юридический метод способствовал исследованию норм действующего российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих ускоренные производства. Так, исследователи С. И. Гирько [5; 6], А. С. Горбань [7], Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев [10] и другие посредством формально-юридического метода выявили структурные логические элементы, входящие в состав ускоренных досудебных уголовно-процессуальных производств. Были определены проблемы организационного и криминалистического характера. На базе указанных элементов разработана классификация ускоренных досудебных производств. Историко-правовой метод исследования повлиял на выводы относительно генезиса ускоренного досудебного производства в рамках отечественного и зарубежного уголовно-процессуального законодательства.

В общем указанные методы исследования были обусловлены спецификой его цели: определить способы оптимизации расследования преступлений в форме ускоренного дознания в контексте современного состояния ускоренных производств в России и за рубежом. Соответственно, для оценки теоретических предложений по оптимизации уголовно-процессуальной формы ускоренного дознания в качестве эмпирических методов исследования были выбраны методы наблюдения, сравнения и описания.

Основным методом выборки уголовных дел стала типическая выборка. Предметом исследования были определены уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, расследование по которым проводилось в форме общего и сокращенного дознания за последние за пять лет (2016–2020 гг.). За указанный период проанализированы данные правовой статистики по вопросам, связанным с расследованием преступлений указанных выше категорий, опубликованные на официальных сайтах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, ФССП России.

Сбор и обработка данных осуществлялись на основе метода статистической группировки эмпирических данных. Сделаны предложения по его использованию при проведении исследований. Авторы с целью достижения точности применения метода статистической группировки определили признак, положенный в основу деления. Предложена классификация: 1) качественный признак – производство ускоренного дознания по конкретной статье Уголовного кодекса Российской Федерации; 2) количественный признак – группировка уголовных дел, по которым с 2016 по 2020 г. подозреваемыми заявлялись ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

Результаты и обсуждение

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в УПК РФ была включена гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме», которой, по сути, в отечественное судопроизводство было введено ускоренное досудебное оформление материалов о преступлениях, унифицированное по процессуальной форме и значительно оптимизировавшее деятельность органов дознания, прежде всего полиции, по определенной категории уголовных дел. Важно и нам оценить нововведение 2013 г. диалектически, то есть с различных позиций и, что важно, с учетом мнений ученых и практиков.

Мы ознакомились с продолжающейся в отечественной научной литературе дискуссией по проблеме восприятия дознания в ускоренной форме как самостоятельной процессуальной формы, введенной в российский уголовный процесс [1; 5; 6; 7]. Наиболее доступно позицию противников сокращенной формы дознания выразил А. А. Сумин, который считает, что данную унифицированную процессуальную форму вызвал к жизни «необузданный и, главное, не обусловленный потребностями практики реформаторский зуд» [12, с. 6]. Однако это мнение вызывает недоумение, поскольку именно огромное количество несложных и очевидных дел в производстве дознавателей полиции, отвлекающее их от качественного расследования преступлений с более сложной конструкцией состава, требовало от МВД России постоянно инициировать перед законодательными органами России введение в уголовное судопроизводство унифицированной процессуальной формы. В частности, в этом плане следует обратить внимание на требование закона об обязательном ходатайстве подозреваемого о производстве по делу дознания в сокращенной форме. Складывается впечатление, что такое ходатайство получить от виновного достаточно

сложно. Между тем опрос практических дознавателей показал, что они это делают в первоначальном протоколе допроса подозреваемого. Никаких затруднений внешне сложная процедура, регламентированная законом, на практике не вызывает.

Следует отметить, что вскоре после введения в УПК РФ главы о дознании в сокращенной форме высказывались определенные прогнозы, в том числе и скептические, по целому ряду особенностей принятой законодателем процедуры. Проведенные исследования, связанные с международными стандартами ускоренного досудебного производства, показали, что введенная в российский уголовный процесс унифицированная форма досудебного производства во многом им соответствует [5]. Широкая распространенность в зарубежных странах целерантных уголовных судопроизводств позволяет выявить к ним интерес со стороны иностранных авторов. Научный сотрудник лаборатории по разрешению судебных конфликтов юридического факультета Университета Бар-Илан Б. Коскас-Вильямс и профессор юридического факультета Университета Бар-Илан, главный следователь лаборатории судебного разрешения конфликтов М. Альберштейн, изучив развитие гибридных моделей уголовного правосудия в двух континентальных юрисдикциях (на примере Франции и Италии), сделали выводы относительно перспектив развития ускоренного досудебного производства. Франция и Италия демонстрируют разную эффективность уголовного судопроизводства, начиная от элементов состязательности и заканчивая инквизицией. Французская система долго оставалась следственной по своей природе, однако в последнее время стала меняться в сторону исчезнувшего расследования. Итальянская система, с другой стороны, объявила о радикальном преобразовании в состязательную структуру судебного разбирательства, при этом применяя в основном процедуры без судебного разбирательства. Этот сдвиг не привел к исчезновению явления судебного разбирательства [17]. Во Франции данный вид дознания в целом оценивается положительно, поскольку позволяет быстро установить факт преступления, задержать преступника и закрепить доказательства, пока они не исчезли. Чаще всего досудебное производство ограничивается дознанием очевидных преступлений. В Италии практика соглашений о признании вины как сокращенная досудебная процедура была введена УПК еще 1998 г. [5]. В странах англосаксонской правовой системы, таких как США, Великобритания, Австралия, упрощенная процедура, как правило, связана с заключением сделки с правосудием и на стадии расследования, и на стадии судопроизводства [10]. В государствах – участниках СНГ (Казахстан, Беларусь, Молдова) был выбран подход к ускоренной форме досудебного производства, позволяющий только сократить его срок. Так, А. А. Проколопа отмечает, что в Республике Казахстан уголовно-процессуальное законодательство предусматривает четыре самостоятельных ускоренных производства (ускоренное досудебное расследование, протокольная форма досудебного расследования, процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины, приказное

производство), идентичных между собой и, более того, ставящих под угрозу уголовно-процессуальные гарантии прав человека [11].

Другая проблема, вызывающая дискуссии в научном сообществе, касается вопроса о проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица при условии признания им своей вины. По мнению А. Р. Белкина, это представляется странным. Высказано также и мнение, что «решение вопроса о возбуждении дознания в ускоренной форме зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителя» [1, с. 16]. На наш взгляд, в проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица нет ничего странного. Более того, унифицированная процедура дознания потому и применяется с различными упрощениями и разумными отступлениями от классического, традиционного предварительного следствия, что преступление является очевидным, причастность к нему конкретного лица не вызывает сомнений и обладает достоверностью.

Увязка законодателем вопроса о возможности возбуждения дознания в сокращенной форме с ходатайством подозреваемого нами воспринимается критически. Такое решение, с нашей точки зрения, должно являться исключительно результатом усмотрения дознавателя с учетом всех обстоятельств дела: его очевидности и признания подозреваемым своей вины, характеристики личности виновного. Никакие иные обстоятельства влиять на принятие решения о возбуждении дознания в сокращенной форме не должны.

Между тем нельзя не учитывать и международную практику ускоренных процессуальных производств, процедур полицейского расследования, принятых и эффективно действующих в зарубежных странах. Следует констатировать, что очевидность преступления, признание подозреваемым своей вины и ее достоверность, согласие виновного на досудебное производство в формате ускоренной процедуры являются определяющими при принятии решения об упрощенном судопроизводстве по конкретному факту в странах как континентальной, так и англосаксонской систем права.

В среде ученых-процессуалистов достаточно широко дискутируются проблемы, связанные с доказыванием. Однако напомним, что в данном случае речь идет о преступлении с упрощенной конструкцией состава, при котором чаще всего лицо, его совершившее, задержано на месте преступления или вскоре после его совершения, когда оно очевидно и не представляет значительной общественной опасности. В данном случае все, включая процедуру доказывания, исходит из принципа процессуальной экономии.

С учетом наших рассуждений уместно привести конкретный пример из законодательства, регламентировавшего уголовное судопроизводство в Российской империи. Так, о целях дознания говорится в п. 15 Инструкции прокурора Московской судебной палаты г. Степанова от 15.10.1909, вступившей в силу с 01.01.1910: «По обязанности обнаруживать преступления чины полиции, получив заявления или сведения о совершении преступления, производят дознание для выяснения, совершено ли преступление,

и если совершено, то какое, когда, кем и при каких обстоятельствах» [5, с. 33]. Вполне лаконично и конкретно.

Пределы доказывания, процесс доказывания как элементы системы работы с доказательствами при производстве дознания в ускоренной форме законодателем также индивидуализированы. С нашей точки зрения, они вполне обеспечивают возможность применения данной процессуальной формы в практике органов дознания. Кроме того, они во многом соответствуют и зарубежной практике полицейского дознания. Однако не все специалисты в области уголовного процесса разделяют изложенный подход к проблеме. В целом ряде случаев высказываются противоречивые и даже взаимоисключающие позиции. Так, например, Ю. В. Францифоров считает «правовую составляющую особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме противоречащей основополагающим правилам не только теории доказательств, но и принципам самого уголовного судопроизводства». Ему оппонирует Б. Т. Безлепкин, по мнению которого «различные упрощения, допущенные в работе по доказыванию в ускоренном досудебном производстве, теории доказательств не противоречат» [1, с. 16–25].

Относительно сказанных в различных научных источниках позиций следует заметить, что проблема правовой регламентации, ускоренной и упрощенной, то есть дифференцированной, процессуальной формы и включения ее в УПК РФ возникла на этапе значительного роста преступности в Российской Федерации. Основная нагрузка по расследованию массовых преступлений, в основном не относящихся к категории тяжких и средней тяжести, легла на МВД России. Главная идея унифицированной процессуальной формы – ее ускоренный и упрощенный характер. Кстати, с такими же лекалами к аналогичным формам полицейского дознания подходят в ведущих зарубежных странах.

Оценивая процессуальную форму дознания в сокращенной форме как вполне адекватную общественным отношениям, сложившимся в сфере противодействия массовым преступлениям небольшой и средней тяжести, следует отметить, что, с нашей точки зрения, законодатель не нашел возможности более детально подойти к вопросам регламентации источников доказательств по делам, осуществляемым в форме дознания в ускоренной форме. В частности, по таким делам доказательственная информация поступает из тех же источников, которые используются при производстве предварительного расследования.

Между тем в рамках ускоренного дознания вряд ли оправдано производство следственных действий, особенно таких, как судебные экспертизы, обыски, следственные эксперименты и др. При этом, конечно, законодатель предусмотрел изъятия из процедур процесса доказывания, применяемого при производстве предварительного расследования, а именно непроведение ряда следственных и процессуальных действий, проверки определенных доказательств, что само по себе может восприниматься как самостоятельная для ускоренного дознания система доказывания.

Однако мы ведем речь об иной ситуации, аналогичной международным практикам, когда в рамках дознания в сокращенной форме была бы разработана и нашла отражение в законе своя, уникальная только для этой процессуальной формы система доказывания. В качестве основных источников доказательств здесь можно было бы использовать носители доказательственной информации, содержащиеся, например, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, возможно, и некоторые иные (но это тема для самостоятельного исследования). Важно, чтобы такие источники доказательств, предмет, пределы и процесс доказывания были уникальны для дознания в сокращенной форме и в своей совокупности воспринимались как система доказывания, имманентная исключительно данной процессуальной форме.

Явилась ли закрепленная в УПК РФ модель дознания в сокращенной форме тем инструментом, который обеспечивает оперативное расследование незначительных преступлений и своевременное привлечение лиц, их совершивших, к уголовной ответственности? Заполнило ли дознание в сокращенной форме правовую нишу унифицированного досудебного производства, которую до 1998 г. занимала протокольная форма досудебной подготовки материалов? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, но следует отметить, что из года в год после введения в УПК РФ гл. 32.1 масштабы расследования дел в форме дознания в сокращенной форме возрастают.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2016 г. предварительное расследование проведено по 649 197 преступлениям небольшой тяжести и по 301 001 преступлению средней тяжести, что составляет около 79,8 % от общего количества расследованных преступлений, в 2018 г. – по 603 524 и 270 571 (80,3 %), в 2019 г. – по 587 817 и 252 363 (79,8 %). В. М. Герасенков отмечает, что расследование указанных групп преступлений по одним и тем же процессуальным правилам «не всегда является целесообразным, поскольку в ряде случаев использование всего процессуального ресурса, применение одних и тех же достаточно длительных сроков производства по уголовному делу являются явно излишними» [4, с. 21].

По данным статистики и фактической информации Управления дознания МВД России, в 2016 г. число дел, по которым дознание проводилось в сокращенной форме, составило 90 103 (9 % от количества зарегистрированных преступлений, предварительное следствие по которым необязательно), в 2017 г. – 105 886 (11,1 %), в 2018 г. – 100 805 (12,2 %), в 2019 г. – 82 532 (10 %), в 2020 г. – 65 237 (8,8 %) [7]. При этом качество дознания в сокращенной форме имеет достаточно высокие показатели. Однако не столь решительная практика применения гл. 32.1 УПК РФ в последние годы говорит об имеющихся определенных законодательных недоработках. При этом отметим, что доля ускоренных производств от общего числа уголовных дел, направленных дознавателями полиции в суд, достигла 28 % и только за последний год выросла на 2 %.

Следует подчеркнуть, что если в начальный период введения в УПК РФ новеллы о дознании в со-

кращенной форме правоприменители отмечали отсутствие единой политики поддержки ускоренных производств, то в настоящее время на уровне федеральных структур прокуратуры и органов внутренних дел выработана общая стратегия, направленная на расширение практики ускоренного дознания. Практикуются совместные комплексные выезды представителей МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации в территориальные органы, имеющие низкие показатели такой работы. В результате в УМВД России по Пензенской области за 11 месяцев 2020 г. количество дел в ускоренной форме увеличилось в 3,6 раза (с 7,4 до 26,7 %), а за тот же период в МВД России по Республике Марий Эл – в 2,7 раза (с 11,8 до 32,1 %). И тем не менее практику активного применения ускоренных производств устоявшейся назвать нельзя. Так, при среднероссийском показателе в 28 % к примеру, в МВД России по Республике Крым доля производств дознания в сокращенной форме составила 66,3 %, Республике Адыгея – 59,2 %, УМВД России по Тверской области – 57 %, а в УМВД России по Курской области – 8,7 %, УМВД России по Орловской области – 13,8 %.

В результате можно сделать вывод, что правовая регламентация дознания в сокращенной форме в целом адекватна задачам, стоящим перед этим институтом, и отражает международные стандарты таких производств. Правоприменители, основными из которых являются дознаватели органов внутренних дел (полиции), принимают организационные меры для того, чтобы распространить практику дознания в сокращенной форме на всей территории Российской Федерации, одновременно расширив масштабы таких досудебных производств. Однако следует отметить и отсутствие системных и четко сформулированных криминалистических алгоритмов ускоренного досудебного производства, что способствует формализации порядка производства, ориентации на признание вины обвиняемым и отсутствие полноценного судебного разбирательства по делу. Формирование криминалистической концепции, по мнению Ю. П. Гармаева, А. А. Прокопова, Е. И. Поповой, будет способствовать поддержанию баланса между публичными интересами применения упрощенных процедур [3] и в целом обеспечением назначения уголовного судопроизводства.

Выводы

Таким образом, в качестве ответа на заявленный в теме исследования проблемный вопрос о том, что же происходит с унифицированным дознанием и регламентирующей его уголовно-процессуальной формой – эволюция или деградация, заметим, что в сравнении с протокольной формой досудебной подготовки материалов о преступлениях определенной категории процедура дознания в сокращенной форме:

1) стала важным инновационным решением, вошедшим в себя многие критические замечания, прозвучавшие от ученых и практиков;

2) во многом приведена в соответствие с большинством международных стандартов, отечественных практик, лежащих в основе процедур полицейского дознания.

Статистические исследования показали, что закрепленная в УПК РФ унифицированная процедура неидеальна и нуждается в дальнейшей доработке до состояния адекватного тем общественным отношениям и вызовам, которые будут формироваться в России в перспективе.

Историко-правовой анализ дифференциации процессуальной формы дознания в России и за рубежом свидетельствует о том, что многочисленные дискуссии, ведущиеся учеными, не мешают поиску эффективных, упрощенных и ускоренных форм досудебного производства в различных странах. Выявленные организационные недостатки и проблемы практики дознания в сокращенной форме способствуют оптимизации и повышению эффективности модели ускоренного досудебного производства в отечественном уголовном процессе.

Определение перспектив развития ускоренной формы дознания позволило сделать предложения: 1) о важности полноценного судебного рассмотрения как обязательного условия применения ускоренных досудебных производств; 2) формировании на основе ускоренного досудебного расследования и производства с заключенным соглашением одного общего производства с обязательным доказыванием вины вне зависимости от ее признания обвиняемым; 3) от-

казе от мнения потерпевшего как одного из условий применения данной процессуальной формы, а равно и исключении возможности последующего отказа подозреваемого от данной сокращенной процедуры расследования. Анализ возможности по внедрению цифровых информационных технологий поддержки ускоренного дознания позволил подчеркнуть важность цифрового взаимодействия правоохранительных органов и населения. Создание единых и защищенных цифровых ресурсов будет способствовать как реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства, так и минимизации процента возможных ошибок и в целом пресечению криминализации информационно-коммуникационной сферы.

Подобные исследования способствуют развитию междисциплинарной теории компромиссов, а также обогащению уголовно-процессуальной и криминалистической науки и практики. В этой связи представляется актуальной научная разработка таких направлений, как цифровая криминология организации расследования, эффективные формы взаимодействия участников уголовного процесса, криминалистические версии, криминалистическая профилактика, синхронизированных с ускоренной формой дознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин, А. Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием / А. Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 4. – С. 16–25.
2. Вилкова, Т. Ю. Организация досудебного производства по уголовным делам в России и за рубежом как фактор обеспечения доступа к правосудию / Т. Ю. Вилкова // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 10. – С. 167–179.
3. Гармаев, Ю. П. Концепция криминалистического обеспечения реализации упрощенных форм уголовного судопроизводства: постановка проблемы / Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 10–16.
4. Герасенков, В. М. Критерии дифференциации ускоренного досудебного производства как основа формирования его эффективной модели / В. М. Герасенков // Российский следователь. – 2019. – № 6. – С. 21–25.
5. Гирько, С. И. Стандарты ускоренного досудебного производства в полицейской практике за рубежом и возможности их имплементации в Российской Федерации / С. И. Гирько // Colloquium-journal. – 2019. – № 18 (42). – С. 29–40.
6. Гирько, С. И. Ускоренное дознание – куда и почему привела эволюция процессуальной формы / С. И. Гирько // Colloquium-journal. – 2020. – № 5 (57). – С. 133–136.
7. Горбань, А. С. Об использовании криминалистического учения об алгоритмизации при расследовании краж в порядке сокращенного дознания / А. С. Горбань // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 8 (61). – С. 111–114.
8. Джюра, В. В. Международные стандарты осуществления правосудия в рамках гармонизации отечественного процессуального права / В. В. Джюра // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 1 (60). – С. 10–21.
9. Ляхов, Ю. А. Гуманизация уголовного процесса – генеральная задача российского уголовного судопроизводства / Ю. А. Ляхов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1 (17). – С. 194–197.
10. Манилкин, Н. В. Английская форма уголовного судопроизводства как одна из основных исторических форм уголовного процесса / Н. В. Манилкин, Е. В. Быкадорова, Н. В. Болдырев // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий : сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием. – Москва : Конверт, 2021. – 184 с. – С. 138–140. – ISBN 978-5-6047622-0-2.
11. Прокопова, А. А. Сравнительный анализ ускоренных досудебных производств в уголовном процессе Республики Казахстан / А. А. Прокопова // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 122–128.
12. Сумин, А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса / А. А. Сумин // Адвокат. – 2013. – № 10. – С. 5–88.
13. Al-Asaad, F. «Except by accident»: the Christchurch investigation / Faisal Al-Asaad // Arena. – 2021. – No. 5. – Pp. 13–17.
14. Bazarova, D. B. Procedural safeguards in investigating and adjudicating criminal cases by summary procedure / D. B. Bazarova // ISJ Theoretical & Applied Science. – 2016. – No. 12 (44). – Pp. 34–37.
15. Chen, W. Reform and Development of Powers and Functions of China's Criminal Proceedings / Weidong Chen. – Singapore : Springer Nature, 2021. – 551 p. – ISBN 9789811584336.
16. Convention on Cybercrime (ETS No.185) // European Parliament : website. – URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_7_conv_budapest_en.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

17. Coscas-Williams, B. A Patchwork of Doors: Accelerated Proceedings in Continental Criminal Justice systems / Beatrice Coscas-Williams, Michal Alberstein // *New Criminal Law Review*. – 2019. – Volume 22, issue 4. – Pp. 585–617.
18. Egbert, S. Criminal futures. Predictive Policing and Everyday Police Work / Simon Egbert, Matthias Leese. – London ; New York : Routledge, 2021. – 242 p. – ISBN 978-0-429-32873-2.
19. Fayziev, Sh. F. Saving the State Budget by Improving the Criminal Procedure Activities of Bodies of Inquiry / Fayziev Shokhrud Farmonovich // *Religacion*. – 2019. – Volume 4, no. 5. – Pp. 70–73. – URL: <http://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/276> (дата обращения: 05.05.2021).
20. Johnson, D. The Limits of Lay Participation Reform in Japanese Criminal / David T. Johnson, Dimitri Vanoverbeke // *Hastings Journal of Crime and Punishment*. – 2019. – Volume 1, no. 3. – Pp. 439–485. – URL: https://repository.uchastings.edu/hastings_journal_crime_punishment/vol1/iss3/8 (дата обращения: 05.05.2021).
21. Recommendation No. R (87) 18 of the committee of ministers to member states concerning the simplification of criminal justice¹ (Adopted by the Committee of Ministers on 17 September 1987 at the 410th meeting of the Ministers' Deputies) // Council of Europe : website. – URL: <http://rm.coe.int/16804e19f8> (дата обращения: 05.05.2021).
22. Sorabji, J. «This Is Not A Rule»: COVID-19 in England & Wales and Criminal Justice Governance via Guidance / J. Sorabji, S. Vaughan // *European Journal of Risk Regulation*. – 2021. – No. 9. – Pp. 143–158.
23. Soubise, L. Book Review: The Metamorphosis of Criminal Justice – A Comparative Account / Laurene Soubise // *Social & Legal Studies*. – 2021. – Volume 30, no. 5. – Pp. 813–818.
24. Tenth UN Congress on the Prevention of Crime and Treatment of Offenders «Crime and Justice: Meeting the Challenges of the Twenty-first Century». Vienna, Austria, 10–17 April 2000 // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: <https://www.unodc.org/congress/en/previous/previous-10.html> (дата обращения: 05.05.2021).
25. Vaško, A. Intelligence information within criminal proceedings / Adrián Vaško // *DUNAI: Law, Economics, and Social Issues Review*. – 2020. – Volume 10, no. 3. – Pp. 267–283.
26. Yaşar, E. Türk ceza muhakemesi hukukunda seri muhakeme usulü = Accelerated Proceedings in Turkish Criminal / Ercan Yaşar // *Adalet Dergisi*. – 2020. – No. 65. – Pp. 255–299. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1467957> (дата обращения: 05.05.2021).

REFERENCES

1. Belkin A.R. Inquiry in simplified form: doubtful scheme with truncated evidence. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Judicial Proceeding*, 2016, no. 4, pp. 16–25. (In Russ.).
2. Vilkova T.Yu. Organization of pre-trial proceedings in criminal cases in Russia and abroad as a factor in ensuring access to justice. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)=Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 10, pp. 167–179. (In Russ.).
3. Garmaev Yu.P., Popova E.I. Differentiated approach of the legislator to defining the subject of proof in criminal cases with respect to minors. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki=News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2021, no. 1, pp. 10–16. (In Russ.).
4. Gerasenkov V.M. Criteria for differentiation of accelerated pre-trial proceedings as a basis for the establishment of its efficient model. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator*, 2019, no. 6, pp. 21–25. (In Russ.).
5. Gir'ko S.I. Standards for accelerated pre-trial proceedings in police practice abroad and possibilities of their implementation in the Russian Federation. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 18 (42), pp. 29–40. (In Russ.).
6. Gir'ko S.I. Accelerated inquiry – where and why the evolution of the procedural form led. *Colloquium-Journal*, 2020, no. 5 (57), pp. 133–136. (In Russ.).
7. Gorban' A.S. Forensic doctrine of algorithm development applied to theft investigations in the form of abbreviated inquiry. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo=Society: Politics, Economics, Law*, 2018, no. 8 (61), pp. 111–114. (In Russ.).
8. Dzhura V.V. International standards of implementation of justice in the framework of the harmonization of domestic procedural law. *Sibirskii yuridicheskii vestnik=Siberian Law Bulletin*, 2016, no. 1 (60), pp. 10–21. (In Russ.).
9. Lyakhov Yu.A. The humanization of the criminal process is the general task of the Russian criminal justice. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra=Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2021, no. 1 (17), pp. 194–197. (In Russ.).
10. Manilkin N.V., Bykadorova E.V., Boldyrev N.V. Angliiskaya forma ugolovnogo sudoproizvodstva, kak odna iz osnovnykh istoricheskikh form ugolovnogo protsesssa. In: *Mir v epokhu globalizatsii ekonomiki i pravovoi sfery: rol' biotekhnologii i tsifrovyykh tekhnologii sbornik nauchnykh stateipo itogam raboty kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem* [World in the era of globalization of the economy and the legal sphere: the role of biotechnologies and digital technologies: collection of scientific articles on the results of the round table with international participation]. Moscow: Konvert, 2021. 184 p. Pp. 138–140. (In Russ.).
11. Prokopova A.A. Comparative analysis of accelerated pre-trial proceedings in the criminal process of the Republic of Kazakhstan. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 3 (51), pp. 122–128. (In Russ.).
12. Sumin A.A. Abbreviated inquiry: a stillborn child of the criminal process reformers. *Advokat=Advocate*, 2013, no. 10, pp. 5–88. (In Russ.).
13. Al-Asaad F. “Except by accident”: the Christchurch investigation. *Arena*, 2021, no. 5, pp. 13–17.
14. Bazarova D.B. Procedural safeguards in investigating and adjudicating criminal cases by summary procedure. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 2016, no. 12 (44), pp. 34–37.
15. Chen W. *Reform and development of powers and functions of china's criminal proceedings*. Singapore: Springer Nature, 2021. 551 p. ISBN 9789811584336.
16. Convention on Cybercrime (ETS No.185). *European Parliament: website*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf (accessed May 5, 2021).

17. Coscas-Williams B., Alberstein M. A patchwork of doors: accelerated proceedings in continental criminal justice systems. *New Criminal Law Review*, 2019, vol. 22, no. 4, pp. 585–617.
18. Egbert S., Leese M. *Criminal futures. Predictive policing and everyday police work*. London; New York: Routledge, 2021. 242 p. ISBN 978-0-429-32873-2.
19. Fayziev Sh. F. Saving the state budget by improving the criminal procedure activities of bodies of inquiry. *Religacion*, 2019, vol. 4, no. 5, pp. 70–73. Available at: <http://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/276> (accessed May 5, 2021).
20. Johnson D., Vanoverbeke D. The limits of lay participation reform in Japanese criminal. *Hastings Journal Crime Punishment*, 2020, vol. 1, no. 3, pp. 439–485. Available at: https://repository.uchastings.edu/hastings_journal_crime_punishment/vol1/iss3/8 (accessed May 5, 2021).
21. Recommendation No. R (87) 18 of the Committee of Ministers to member states concerning the simplification of criminal justice¹ (Adopted by the Committee of Ministers on 17 September 1987 at the 410th meeting of the Ministers' Deputies). *Council of Europe: website*. Available at: <http://rm.coe.int/16804e19f8> (accessed May 5, 2021).
22. Sorabji J., Vaughan S. "This Is Not A Rule": COVID-19 in England & Wales and criminal justice governance via guidance. *European Journal of Risk Regulation*, 2021, no. 9, pp. 143–158.
23. Soubise L. Book review: the metamorphosis of criminal justice – a comparative account. *Social & Legal Studies*, 2021, vol. 30, no. 5, pp. 813–818.
24. Tenth UN Congress on the Prevention of Crime and Treatment of Offenders "Crime and Justice: Meeting the Challenges of the Twenty-first Century". Vienna, Austria 10–17 April 2000. The United Nations: website. Available at: <https://www.unodc.org/congress/en/previous/previous-10.html> (accessed May 5, 2021).
25. Vaško A. Intelligence information within criminal proceedings. *DUNAL: Law, Economics, and Social Issues Review*. 2020, vol. 10, no. 3, pp. 267–283.
26. Yaşar E. Accelerated proceedings in Turkish Criminal. *Adalet Dergisi*, 2020, no. 65, pp. 255–299. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1467957> (accessed May 5, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ГИРЬКО – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, svorina959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАРЧЕНКО – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, dsb111@yandex.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОЛГОПОЛОВ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия, Aadolgoplov1@mail.ru

АЛТЫНБЕК МАНАПБАЕВИЧ КАМБАРОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, Kambarov75@mail.ru

SERGEI I. GIR'KO – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, svori-na959134@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

SERGEI V. KHARCHENKO – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, dsb111@yandex.ru

ALEKSANDR A. DOLGOPOLOV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, Aadol-goplov1@mail.ru

ALTYNBEK M. KAMBAROV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Administrative and Financial Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, Kambarov75@mail.ru

Статья поступила 27.06.2022

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.006

Организационно-правовые аспекты обеспечения сотрудничества учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями

НАДЕЖДА ВЯЧЕСЛАВОВНА КУЗНЕЦОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nadezda17041976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2638-4351>

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА МАКАРОВА

Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Вологодской области, Вологда, Россия, Solnopekova_tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1951-4461>

Р е ф е р а т

Введение: статья посвящена анализу отечественных нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями в части реализации права на свободу совести и вероисповедания и организации духовно-нравственного воспитания осужденных и лиц, находящихся под стражей. Конституционное право на свободу совести и свободу вероисповедания гарантируется всем и должно обеспечиваться также в случае осуждения человека или заключения его под стражу. На сегодняшний день создана нормативно-правовая база, направленная на реализацию данного права. Реформирование уголовно-исполнительной системы России в определенной степени нацелено на укрепление и расширение сотрудничества с религиозными организациями, что потребовало корректировки существующей системы нормативно-правовых актов. *Цель:* охарактеризовать систему действующих отечественных нормативно-правовых актов, регламентирующих и охраняющих данную сферу, выявить недостатки правового регулирования, осложняющие полноценное сотрудничество ФСИН России с религиозными объединениями, предложить пути решения проблем. *Методы:* диалектический метод научного познания, методы логического анализа и синтеза, сравнительно-правовой, системно-структурный, статистический, формально-юридический методы. *Результаты:* обоснована необходимость использования потенциала религиозных организаций различных конфессий в воспитательной работе с лицами, находящимися в условиях изоляции, как части процесса исправления. Выявлены проблемы правового регулирования рассматриваемых общественных отношений. *Выводы:* для обеспечения полноценного сотрудничества системы исполнения наказаний с религиозными организациями в части реализации права на свободу совести и вероисповедания требуется совершенствование нормативно-правовой базы с учетом религиозных канон и специфики деятельности учреждений пенитенциарной системы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовно-исполнительная система; исправительное учреждение; религиозная организация; сотрудничество; осужденные; лица, содержащиеся под стражей; правовое регулирование; наказание; исправление; духовно-нравственное воспитание.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Кузнецова Н. В., Макарова Т. В. Организационно-правовые аспекты обеспечения сотрудничества учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 285–292. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.006.

Organizational and Legal Aspects of Ensuring Cooperation between Penal Institutions and Religious Organizations

NADEZHDA V. KUZNETSOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nadezda17041976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2638-4351>

TAT'YANA V. MAKAROVA

Territorial Body of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, Solnopekova_tvm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1951-4461>

Abstract

Introduction: the article analyzes domestic normative legal acts regulating interaction between the penal system and religious organizations in terms of realizing the right to freedom of conscience and religion and organizing spiritual and moral education of convicts and persons in custody. The constitutional right to freedom of conscience and freedom of religion is guaranteed to everyone and should also be ensured in the event of a person's conviction or detention. To date, there is a certain regulatory framework. The reform of the Russian penal system is to a certain extent aimed at strengthening and expanding cooperation with religious organizations, requiring adjustment of the existing system of normative legal acts. *Purpose:* to characterize the system of existing domestic regulatory legal acts regulating and protecting this area, identify the shortcomings of legal regulation hindering full-fledged cooperation of the Federal Penitentiary Service of Russia with religious associations, and suggest ways to solve problematic issues. *Methods:* dialectical method of scientific cognition, methods of logical analysis and synthesis, comparative-legal, system-structural, statistical, formal-legal. *Results:* the authors have substantiated the necessity to use capacities of religious organizations belonging to various faiths when implementing educational work with persons in isolation as part of the correction process. The problems of legal regulation of the considered public relations are revealed. *Conclusions:* in order to ensure full cooperation between the penitentiary system and religious organizations in terms of realizing the right to freedom of conscience and religion, it is necessary to improve the regulatory framework, taking into account religious canons and the specifics of activities of penitentiary institutions.

Key words: penal system; correctional institution; religious organization; cooperation; convicts; persons in custody; legal regulation; punishment; correction; spiritual and moral education.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutor's activities, human rights and law enforcement activities.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Kuznetsova N. V., Makarova T. V. Organizational and legal aspects of ensuring cooperation between penal institutions and religious organizations. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 285–292. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.006.

Одним из направлений реформирования уголовно-исполнительной системы является гуманизация уголовной политики, которая выражается в приоритетном назначении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Реализация данного подхода, с одной стороны, привела к сокращению численности осужденных к лишению свободы, а с другой – обусловила ухудшение качественных характеристик личности преступников, поскольку в учреждении пенитенциарной системы стали попадать самые запущенные в моральном плане лица. К сожалению, большая часть из них неоднократно привлекалась к уголовной ответственности и имеет несколько судимостей. Статистические данные ФСИН России

за 2021 г. отражают количественные показатели наполняемости учреждений. В исправительных колониях для взрослых лиц отбывали наказание в этот период 423 822 осужденных, из них 228 015 чел. имели более двух судимостей [3]. Наличие повторности преступной деятельности свидетельствует о стойкой криминальной направленности личности и стремлении вести противоправный образ жизни.

В то же время базовыми идеями современной пенитенциарной доктрины являются исправление осужденных и профилактика рецидива преступлений [12]. Исправление, по мнению законодателя, должно достигаться путем формирования уважительного отношения к человеку, обществу, труду, принятым нор-

мам и правилам общежития, стимулирования законопослушного образа жизни.

В контексте средств исправления осужденных, помимо режимных требований, следует вести речь о том, что широко используется общественно полезный труд, проводится воспитательная работа, созданы возможности для получения образования и профессии, осуществляется общественное воздействие. Критерием оценки достижения заявленной цели, как правило, служит наличие у бывшего осужденного сформированных взглядов, основанных на отрицании антиобщественного образа жизни и противоправного поведения. Особое место в формировании ценностных ориентаций лиц, преступивших закон, занимает духовно-нравственное воспитание, реализуемое в том числе и через религиозное воздействие.

Религия как определенная система взглядов выступает типом социально-исторического мировоззрения, формой духовной культуры человечества, которая включает свод моральных норм и правил жизнедеятельности, объединяющих огромное количество людей. На сегодняшний день религия проникла практически во все сферы жизни и оказывает влияние на большой круг общественных отношений [14]. Система исполнения наказаний не является исключением. Ее развитие на современном этапе невозможно без эффективного взаимодействия с институтами гражданского общества, поэтому в качестве важнейшего направления реформирования пенитенциарной системы рассматривается укрепление сотрудничества с традиционными религиозными организациями, расширение их участия в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных, лиц, находящихся под стражей, сотрудников и членов их семей.

В настоящее время в пенитенциарной системе активно функционирует институт тюремного духовенства. Представители различных религиозных конфессий проводят воспитательно-профилактическую работу в местах лишения свободы, тем самым участвуя в исправлении и ресоциализации осужденных. Так, на сегодняшний день в 935 учреждениях уголовно-исполнительной системы имеется 1477 зданий, сооружений и помещений, используемых для религиозных обрядов. Большая часть из них (1025) используется лицами, исповедующими православие. Учтены также интересы осужденных – приверженцев ислама (389), иудаизма (14), буддизма (27), а также иных религиозных течений (22) [3].

Необходимость религиозного воспитания признается на законодательном уровне. Так, Конституция Российской Федерации содержит гарантии свободы совести и вероисповедания для каждого человека (ст. 28), а также провозглашает право исповедовать любую религию либо вообще отказаться от религиозной принадлежности. Важно, что выбор человека не ограничивается правовыми рамками, что дает возможность взаимодействовать с религиозными организациями в различных сферах, в том числе пенитенциарной. Сегодня церковь является востребованным инструментом воздействия на осужденных,

что обусловило необходимость не только создания, но и реформирования соответствующих правовых основ.

Как известно, любая правовая система будет эффективна только при наличии сбалансированного законодательства, выполняющего как регулятивную, так и охранительную функции. В этой связи нормативно-правовая база взаимодействия пенитенциарной системы с религиозными организациями будет рассмотрена в обоих аспектах.

Конституционные положения о свободе совести и вероисповедания нашли отражение в федеральном законодательстве. Так, в сентябре 1997 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», который стал регулятором отношений в области реализации прав человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания, определил правовое положение религиозных объединений. В контексте рассматриваемой темы следует отметить, что данный закон разрешил проведение религиозных обрядов в пенитенциарных учреждениях и закрепил гарантию соблюдения тайны исповеди. Принятие документа и внесение в него в 2021 г. изменений не только способствовало упорядочению деятельности религиозных организаций, но и послужило барьером, препятствующим проникновению в места лишения свободы деструктивных сект, псевдорелигиозных организаций, иностранных миссионеров [11].

Важно, что для обеспечения неукоснительного соблюдения религиозными организациями действующего законодательства и недопущения совершения ими противоправных действий органы юстиции, прокуратура, иные уполномоченные органы в пределах своей компетенции осуществляют контроль за их деятельностью.

Помимо осужденных право на свободу вероисповедания имеют лица, находящиеся под стражей. Их интересы защищены Федеральным законом от 15.07.1995 № 103 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», где прямо закреплен запрет дискриминации по религиозному признаку и гарантирована возможность осуществления религиозных церемоний.

Нормативными документами Русской православной церкви, обосновывающими необходимость взаимодействия с лицами, преступившими закон, являются Основы социальной концепции Русской православной церкви от 13.08.2000, а также Миссия тюремного служения Русской православной церкви и пенитенциарные учреждения от 12.03.2013 [9]. В этих текстах прямо указывается на важность пастырской и миссионерской работы в местах заключения.

Значимым административным договором является соглашение между Министерством юстиции Российской Федерации и Русской православной церковью [2], в котором заявлено о необходимости коммуникации сотрудников уголовно-исполнительной системы с представителями Русской православной церкви в области духовного окормления и религиозно-нравственного воспитания осужденных. Стороны обязываются оказывать всемерную поддержку друг другу. Речь идет о создании в исправительных уч-

реждениях благоприятных условий для посещения представителями церкви верующих, совершения треб и богослужений, осуществления религиозного образования и воспитания, содействию в возведении храмов, часовен, молельных комнат и обеспечении их предметами культа и специальной литературой. Представляется, что подписание данного документа оправдано, поскольку направлено на обеспечение продуктивного религиозного служения в учреждениях системы исполнения наказаний. В 2017 г. соглашение о сотрудничестве было заключено непосредственно с Федеральной службой исполнения наказаний.

Аналогичные документы подписаны в 2010 г. с Советом муфтиев России, Федерацией еврейских общин России, Буддийской традиционной Сангхи России [8]. В этом же году была принята программа сотрудничества ФСИН России и Российского Союза Евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ).

Конкретизация условий посещения отдельных пенитенциарных учреждений и определение специфики осуществления в них религиозной деятельности происходят в соглашениях о взаимодействии между территориальными органами ФСИН России и зарегистрированными в установленном порядке религиозными организациями [5]. В них раскрываются ключевые вопросы, касающиеся перечня выделенных в пенитенциарных учреждениях зданий и сооружений, которые планируется использовать для отправления религиозных обрядов крещения, покаяния, помазания, исповеди, причастия, соборования, распространения религиозной литературы, согласовывается время проведения церемоний, отражаются персональные данные священнослужителей, которые будут осуществлять деятельность на территории конкретного исправительного учреждения, перечень предметов, используемых при проведении религиозных обрядов, обсуждается список соответствующей литературы. Взаимодействие осуществляется на безвозмездной основе для обеспечения права на свободу совести и вероисповедания осужденных и лиц, находящихся под стражей. Подобные соглашения заключены во всех территориальных органах ФСИН России.

Например, еще в 2018 г. представителями Вологодской епархии Русской православной церкви и территориального органа ФСИН России был подписан документ, направленный на обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных, находящихся в изоляции от общества [10]. Достижение заявленной цели реализуется через участие священников в педагогическом воздействии, духовно-нравственном воспитании и образовании, восстановлении социально полезных связей, подготовке к освобождению и последующей ресоциализации.

Существенным моментом в организации эффективного взаимодействия уголовно-исполнительной системы и религиозных организаций является возрождение практики постоянного сотрудничества представителей духовенства с помощниками начальников по организации работы с верующими в территориальных органах ФСИН России [4]. К сожалению, несмотря на проделанную работу, на сегодняшний

день отсутствует единый нормативный акт, который бы регламентировал юридический статус таких помощников и отдельные направления их деятельности.

Положения, корреспондирующие основному закону страны в части прав лиц, находящихся в условиях изоляции, на свободу совести и вероисповедания, содержатся в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации.

Внесенные в 2015 г. в ст. 14 УИК РФ изменения, безусловно, способствуют реализации указанного конституционного права, поскольку осужденные получили возможность беспрепятственно совершать религиозные обряды, слушать проповеди. Верующим осужденным, отбывающим наказание в условиях изоляции, без количественных ограничений разрешены личные встречи со священнослужителями вне пределов слышимости для третьих лиц. Они имеют возможность пользоваться предметами культа и доступ к религиозной литературе. В этих целях администрация исправительных учреждений выделяет специальные помещения. При этом отмечается, что право на свободу совести и вероисповедания является добровольным. Удовлетворение религиозных потребностей не должно нарушать внутренний распорядок учреждений и ущемлять права других лиц.

Вместе с тем следует отметить, что эффективность воздействия религии на осужденных, степень ее проникновения в места лишения свободы зависят от государственной власти [12]. При гарантированности государством свободы совести и вероисповедания осужденных также имеются определенные запреты и ограничения, связанные с видом учреждения, условиями отбывания наказания и режимом содержания. Так, приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» регламентированы отдельные условия реализации осужденными предоставленных прав. Краткий анализ данных правил позволяет сделать вывод о наличии механизма реализации прав осужденных на свободу совести и вероисповедания, учитывающего специфику мест лишения свободы. Во-первых, условия проведения религиозных обрядов, осуществления духовно-нравственного воздействия определяются в соглашениях о взаимодействии с территориальными органами ФСИН России. Во-вторых, на территорию пенитенциарного учреждения допускаются священники, принадлежащие только к зарегистрированным в Российской Федерации религиозным объединениям. В-третьих, религиозные обряды совершаются только в местах, определяемых администрацией учреждения: в зависимости от его расположения и условий отбывания наказания в нем это могут быть жилые помещения, запираемые помещения, камеры или соответствующие здания, сооружения на территории. В-четвертых, при проведении церковных обрядов запрещено использовать колюще-режущие предметы религиозного культа, в

том числе изготовленные из драгоценных металлов и имеющие культурную или историческую ценность. В-пятых, личные встречи со священником не могут длиться более двух часов и проводятся в присутствии сотрудника администрации. В случае необходимости при наличии письменного согласия священника может быть проведена личная встреча (наедине) вне пределов слышимости для третьих лиц, но с использованием видеонаблюдения. В-шестых, на территории места лишения свободы запрещено хранение определенных веществ, например предназначенных для совершения причастия. Их использование возможно только в момент проведения богослужения.

В то же время следует учитывать, что религиозное воздействие на осужденных отличается от иных направлений воспитательной работы, реализуется с учетом индивидуальных потребностей личности. Для того чтобы данная деятельность была максимально упорядочена и эффективна, в правилах содержатся не только запреты. Осужденные, желая получить духовную помощь, могут подать письменную просьбу об этом. Им разрешено пользоваться находящейся в учреждении религиозной литературой и иметь предметы религиозного назначения для нательного или карманного ношения. Осужденным, страдающим тяжелыми заболеваниями, также по их просьбе предоставляется возможность совершить необходимые религиозные обряды с приглашением представителей церкви. В преддверии церковных праздников священнослужители с разрешения администрации колонии могут передавать осужденным готовые к употреблению продукты питания (куличи, крашенные вареные яйца, сухие кондитерские изделия), изготовленные на территории исправительного учреждения.

Государство признает право каждого человека исповедовать какую-либо религию или быть атеистом, а также поступать в соответствии со своими убеждениями. Охрана религиозных отношений в системе исполнения наказаний также осуществляется посредством применения отдельных положений Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания лицами, находящимися в условиях изоляции, предусмотрена административная ответственность в соответствии со ст. 5.26 КоАП РФ [1]. Данная деятельность влечет наложение штрафа в размере от 50 до 100 тыс. руб. в отношении физических лиц. В случае совершения правонарушения юридическим лицом размер штрафа увеличивается до 1 млн руб. Наказуемыми являются публичное осквернение религиозной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики, а также их порча или уничтожение.

Как административный проступок квалифицируется осуществление религиозной деятельности организацией без указания своего официального полного наименования. Наказуемыми являются выпуск и распространение в рамках миссионерской деятельности литературы и иных материалов религиозного содержания без маркировки или с неполной либо

заведомо ложной маркировкой. Это влечет наложение административного штрафа с применением конфискации указанных предметов. К ответственности в виде штрафа и административному выдворению привлекаются религиозные организации, иностранные граждане и лица без гражданства, занимающиеся миссионерской деятельностью с нарушением законодательства Российской Федерации о свободе совести, вероисповедания и о религиозных объединениях.

За совершение публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и оскорбляющих религиозные чувства верующих, предусмотрена уголовная ответственность (ст. 148 УК РФ). Меры уголовно-правового воздействия дифференцируются в зависимости от места совершения указанных действий (например, место совершения религиозного обряда или церемонии). Деяния, связанные с воспрепятствованием религиозной деятельности, совершенные с использованием служебного положения или применением насилия, отнесены законодателем к особо квалифицированным, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Отдельные нормы уголовного закона устанавливают ответственность за совершение убийства по мотивам религиозной ненависти или вражды (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по тем же мотивам (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ), дискриминацию человека из-за его отношения к религии (ст. 138 УК РФ), возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства человека или группы лиц из-за религиозных убеждений (ст. 282 УК РФ) и др.

Действующее законодательство не лишено недостатков, которые на практике вызывают споры и могут повлечь нарушение права на свободу совести и вероисповедания лиц, находящихся под стражей, а также в местах лишения свободы. Так, например, в преамбуле закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» подчеркивается значение непосредственно православной религии и ее особая роль в развитии духовного и культурного наследия России. Отдельно отмечается, что в стране уважаются и другие религии: ислам, буддизм, иудаизм, а также те, которые являются неотъемлемой частью исторического наследия нашей страны. Указание на привилегированное положение одних религий по отношению к другим, исторически нетрадиционным для России, может стать предпосылкой к дискриминации осужденных, относящих себя к не распространенным в стране конфессиям.

Священнослужители активно участвуют в процессе воспитания, оказывают положительное влияние на осужденных, что не только отражается на оперативной обстановке в учреждении, морально-психологическом климате, но и помогает достижению заявленных целей уголовного наказания – исправлению осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений. Связано это с тем, что духовное лицо не действует от имени государства, имеет нейтральный статус. Доброжелательная манера общения с окружающими может изменить отношение

преступника к совершенному деянию, стать мощным стимулом к покаянию и побудить к отказу от насилия и других видов противоправной деятельности. По мнению некоторых исследователей, появление священника в местах лишения свободы вызывает у осужденных позитивные чувства [13].

Уголовно-исполнительное законодательство содержит перечень форм и методов воспитательной работы как средства исправления. К ним относятся нравственное, физическое, трудовое, правовое и иное воздействие. По своей сути религиозное воздействие на осужденных отличается от других направлений воспитания. Оно имеет специфические формы, методы и в основном связано с отправлением религиозных обрядов, чтением религиозной литературы, молитвами, проповедями и т. д. В связи с этим представляется неправильным отсутствие в ч. 2 ст. 9 УИК РФ указания на религиозное воздействие как основное средство исправления.

Деятельность религиозных организаций в пенитенциарных учреждениях, по мнению исследователей, имеет свои особенности, которые нужно учитывать. К ним относятся условия изоляции, специфический объект воздействия, правовые рамки [7]. Особую роль играют правила внутреннего распорядка, которые, как представляется, не должны нарушаться при отправлении религиозных обрядов. К сожалению, на сегодняшний день отсутствует нормативный акт, который бы максимально конкретизировал процесс проведения соответствующих церемоний с участием лиц, содержащихся в исправительных и иных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Так, действующее законодательство не содержит прямого запрета на осуществление определенной религиозной деятельности в условиях изоляции, из чего следует, что по просьбе осужденных может быть проведен любой обряд. В то же время, если это не соответствует режимным требованиям, появляется основание для нарушения права на свободу вероисповедания и свободу слова. Например, при совершении священнослужителем иудейско-исламского обряда обрезания (аналог крещения в православии) используются режущие предметы, а их пронос на территорию колонии запрещен правилами внутреннего распорядка. При проведении некоторых литургий, церковных таинств причащения, соборования больных и венчания используется красное церковное

вино, которое отнесено к запрещенным на территории колонии предметам. Также правилами внутреннего распорядка не разрешено использование молитвенных ковриков (намазлыков), поскольку они не являются предметами религиозного культа нательного или карманного ношения. Для мусульманских верующих остро стоит проблема изучения Корана на арабском языке. Действующими нормами питания не предусмотрено приготовление отдельных блюд, употребления которых требует та или иная религия [6]. Отсюда возникают трудности с соблюдением поста, приготовлением халяльной пищи и др. Все это может привести к тому, что соблюдение церковных обычаев станет невозможным, а поэтому осужденные и лица, находящиеся под стражей, не смогут реализовать свое право на свободу совести и вероисповедания.

Еще одним насущным вопросом, требующим решения, является реализация режимных мероприятий, таких как досмотры священников, предметов духовного назначения, исследование помещений для обрядов на предмет нахождения запрещенных предметов, в том числе с использованием служебных собак. Согласно церковным канонам собака считается животным «нечистым» (88 канон Шестого Вселенского собора (VII)), ее нахождение в помещении, где идет богослужение, является серьезным нарушением. Осуществление режимных мероприятий может оскорбить религиозные чувства верующих и создать ситуацию осквернения религиозных святынь, в результате чего сложно будет рассчитывать на покаяние и исправление осужденного.

Таким образом, сотрудничество уголовно-исполнительной системы с представителями различных религиозных конфессий способствует исправлению осужденных и их последующей ресоциализации. В то же время обеспечение права на свободу совести и вероисповедания имеет ряд законодательных ограничений, обусловленных спецификой функционирования пенитенциарных учреждений. Отсутствие нормативных документов, регламентирующих деятельность представителей религиозных организаций в пенитенциарном учреждении, снижает эффективность взаимодействия. Решением проблемы видится создание единого нормативного акта, положения которого были бы обязательны как для сотрудников мест лишения свободы, так и для священнослужителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев, С. М. Конституционно-правовые основы деятельности религиозных организаций в уголовно-исполнительной системе России / С. М. Воробьев // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 1 (23). – С. 32–35.
2. Коробова, Е. Г. Соглашения о сотрудничестве государственных органов исполнительной власти и русской православной церкви как вид административных договоров / Е. Г. Коробова // Регион: системы, экономика, управление. – 2018. – № 4 (43). – С. 213–218.
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (дата обращения: 30.06.2022).
4. Маркелова, О. Н. Особенности назначения на должность помощника начальника территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний по организации работы с верующими / О. Н. Маркелова // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 1 (23). – С. 61–64.

5. Мачкасов, А. И. Взаимодействие территориальных органов ФСИН России с религиозными организациями: опыт, проблемы, перспективы / А. И. Мачкасов, А. В. Паршков // *Международный пенитенциарный журнал*. – 2015. – № 2. – С. 39–42.
6. Мельникова, Н. А. О некоторых аспектах правового регулирования деятельности религиозных организаций в местах лишения свободы / Н. А. Мельникова, Д. О. Матвеев // *Уголовно-исполнительное право*. – 2014. – № 1 (17). – С. 20–23.
7. Мишустин, С. П. Особенности работы священнослужителя с осужденными, находящимися в местах лишения свободы / С. П. Мишустин // *Вестник Самарского юридического института*. – 2014. – № 1 (12). – С. 38–42.
8. Морозов, А. С. Правовое регулирование религиозных отношений в пенитенциарной сфере / А. С. Морозов // *Вестник Самарского юридического института*. – 2015. – № 3 (17). – С. 63–68.
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь : официальный сайт Московского патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата: обращения 30.06.2022).
10. Полищук, Н. И. Административно-правовые основы деятельности Русской православной церкви в пенитенциарных учреждениях России / Н. И. Полищук // *Человек: преступление и наказание*. – 2013. – № 3. – С. 125–130.
11. Трофимова, Н. Н. Исторический опыт взаимодействия уголовно-исполнительной системы России с православной церковью и другими религиозными объединениями в сфере работы с осужденными / Н. Н. Трофимова // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. – 2019. – № 3 (202). – С. 48–55.
12. УФСИН России по Вологодской области заключило соглашение о взаимодействии с Вологодской Епархией Русской Православной Церкви // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=416618 (дата обращения: 30.06.2022).
13. Фомин, В. В. Религия и ее влияние на осужденных к лишению свободы / В. В. Фомин // *Прикладная юридическая психология*. – 2019. – № 2 (47). – С. 101–107. – doi: 10.33463/2072-8336.2019.2(47).101-107.
14. Шайдулина, Н. Д. Особенности реализации свободы вероисповедания в местах лишения свободы / Н. Д. Шайдулина, М. А. Симонова // *Молодой ученый*. – 2017. – № 3 (137). – С. 471–473.

REFERENCES

1. Vorob'ev S.M. The constitutional-legal bases of activity of religious organizations in the Russian penal system. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2016, no. 1 (23), pp. 32–35. (In Russ.).
2. Korobova E.G. Agreement on cooperation of state executive bodies and the Russian orthodox church as a form of administrative contracts. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie=Region: Systems, Economics, Management*, 2018, no. 4(43), pp. 213–218. (In Russ.).
3. Brief description of the penal system of the Russian Federation. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed June 30, 2022).
4. Markelova O.N. Peculiarities of appointment of an assistant chief of a territorial body of the FPS of Russia on work with the faithful. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2016, no. 1 (23), pp. 61–64. (In Russ.).
5. Machkasov A.I., Parshkov A.V. The interaction between territorial bodies of FPS of Russia and religious organizations: experience, problems, perspectives. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal*, 2015, no. 2, pp. 39–42. (In Russ.).
6. Mel'nikova N.A., Matveev D.O. Some aspects of the legal regulation of religious organizations and their activity in prisons. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law*, 2014, no. 1 (17), pp. 20–23. (In Russ.).
7. Mishustin S.P. Features of the work of clerics with the inmates of confinement. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2014, no. 1 (12), pp. 38–42. (In Russ.).
8. Morozov A.S. Legal regulation of the religious relations in the penitentiary sphere. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 3 (17), pp. 63–68. (In Russ.).
9. Fundamentals of social concept of the Russian Orthodox church. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov': ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata* [Russian Orthodox Church: website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (In Russ.). (Accessed June 30, 2022).
10. Polishchuk N.I. Administrative-legal principles of activity of the Russian Orthodox Church in penitentiary institutions of Russia. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2013, no. 3, pp. 125–130. (In Russ.).
11. Trofimova N.N. Historical experience of interaction of penal correction system of Russia with the Orthodox Church and other religious associations in the sphere of work with convicts. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penitentiary System*, 2019, no. 3 (202), pp. 48–55. (In Russ.).
12. The Territorial Body of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast has concluded an agreement on cooperation with the Vologda Diocese of the Russian Orthodox Church. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=416618 (In Russ.). (Accessed June 30, 2022).
13. Fomin V.V. Religion and its influence on persons sentenced to deprivation of liberty. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2019, no. 2 (47), pp. 101–107. (In Russ.). doi: 10.33463/2072-8336.2019.2(47).101-107.
14. Shaidulina N.D., Simonova M.A. Features of the realization of freedom of religion in places of deprivation of liberty. *Molodoi uchenyi=Young Scientist*, 2017, no 3 (137), pp. 471–473. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАДЕЖДА ВЯЧЕСЛАВОВНА КУЗНЕЦОВА – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nadezda17041976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2638-4351>

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА МАКАРОВА – начальник отдела воспитательной и социальной работы с личным составом Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Вологодской области, Вологда, Россия, Solnopekova_tvm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1951-4461>

NADEZHDA V. KUZNETSOVA – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nadezda17041976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2638-4351>

TAT'YANA V. MAKAROVA – Head of the Department of Educational and Social Work with the Staff of the Territorial Body of the Federal Penitentiary Service in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, Solnopekova_tvm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1951-4461>

Статья поступила 04.07.2022

Научная статья

УДК 343.13

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.007

К вопросу о понятии оперативного поиска в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы

ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ ИВАНЬКОВ

Кировский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Киров, Россия, iwanckow2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6414-0702>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу дефиниции оперативного поиска как организационно-тактической формы оперативно-розыскной деятельности при обеспечении поддержания правопорядка в исправительных учреждениях. *Цель:* на основе анализа научных источников выработать определение оперативного поиска для обеспечения правопорядка оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы при исполнении наказания в виде лишения свободы. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания и интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* анализ источников по рассматриваемому вопросу позволил сформулировать определение оперативного поиска применительно к деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений по поддержанию правопорядка при исполнении наказания в виде лишения свободы. *Выводы:* высказаны суждения относительно особенностей оперативного поиска при исполнении наказания в виде лишения свободы, направленные на повышение эффективности понимания данной тактической формы оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: Федеральная служба исполнения наказаний; оперативные подразделения; оперативно-розыскная деятельность.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Иваньков И. А. К вопросу о понятии оперативного поиска в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 293–301. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.007.

Original article

On the Concept of Prompt Investigation in Institutions Executing Custodial Sentences

IGOR' A. IVAN'KOV

Kirov Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Kirov, Russia, iwanckow2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6414-0702>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of scientific sources on the definition of prompt investigation as an organizational and tactical form of law enforcement intelligence operations to ensure maintenance of law and order in correctional institutions. *Purpose:* based on the analysis of literary sources, to develop a definition of prompt investigation for operational units of the penal system to ensure law and order when executing a sentence of imprisonment. *Methods:* comparative legal, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* the analysis of literary sources on the issue under consideration made it possible to formulate

the definition of prompt investigation in relation to activities of operational units of correctional institutions to maintain law and order in the execution of custodial sentences. *Conclusions*: the author made proposals on prompt investigation features when executing a sentence in the form of imprisonment, aimed at improving effectiveness of understanding this tactical form of prompt investigation activity.

Key words: Federal Penitentiary Service; operational units; law enforcement intelligence-gathering activities.

12.00.12 – Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Ivan'kov I. A. On the concept of prompt investigation in institutions executing custodial sentences. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 293–301. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.007.

В результате государственной политики, расширяющей возможности применения альтернативных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества (ограничение свободы, принудительные работы), численность лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, продолжает последовательно снижаться.

Так, в исправительных колониях по состоянию на 1 января 2021 г. содержалось 354,1 тыс. чел., что на 369,8 тыс. меньше, чем на 1 января 2010 г. (723,9 тыс. чел.) [12].

В то же время, несмотря на снижение количества лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, проявляется тенденция увеличения численности правонарушений, совершаемых в исправительных учреждениях. Например, рост зарегистрированных преступлений по ст. 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» с 2010 по 2018 г. составил 24 %.

Дальнейшее совершенствование деятельности учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, возможно лишь при условии укрепления правопорядка при отбывании и исполнении наказания.

Обратимся к анализу правопорядка при исполнении наказания в виде лишения свободы и его элементов. Правопорядок в исправительном учреждении следует рассматривать как урегулированные нормами права правила поведения участников общественных отношений по поводу исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

Сущностными элементами правопорядка в исправительном учреждении являются:

1. Право и законность как его нормативно-юридическая основа.

2. Участники (субъекты) правовых отношений – администрация исправительного учреждения, осужденные, иные лица (судьи, прокуроры, родственники осужденных и т. д.), наделенные субъективными правами и обязанностями.

3. Правомерное поведение субъектов в пределах правовых отношений, которое составляет содержание правопорядка.

В различных литературных источниках под термином «законность» понимается ряд категорий: принцип права, метод деятельности государственных

органов и их должностных лиц, система правовых норм, регулирующих общественные отношения [25, с. 454–475; 26; 27].

По нашему мнению, достаточно точное определение законности дает Н. В. Витрук: «Законность с функциональной точки зрения может быть охарактеризована как принцип построения и функционирования демократического правового государства, как определяемое им требование к деятельности всех властных структур, органов, организаций, учреждений, общественных объединений, их должностных лиц; как метод (средство) осуществления власти; как состояние (режим) общественной и государственной жизни» [6, с. 350–351].

При практическом проведении требований закона в жизнь законность выступает в качестве метода руководства и управления деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, должностных лиц. Законность – это особое свойство, качественное содержание данной деятельности.

Как метод деятельности законность означает, что должностные лица учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, должны неукоснительно соблюдать законы и иные нормативные правовые акты. Реализация законности как метода деятельности должностных лиц учреждений и органов, исполняющих наказание, в процессе исполнения наказания предусматривает установление такого порядка законности, при котором в отношениях между субъектами уголовно-исполнительных правоотношений действуют нормы закона, а не произвол и субъективное усмотрение.

Как система правовых норм законность при исполнении и отбывании наказания в виде лишения свободы выступает с точки зрения надлежащего и эффективного применения всеми участниками уголовно-исполнительного процесса предписаний, закрепленных в нормативных источниках различной юридической силы. Нормы уголовно-исполнительного права применяются для того, чтобы регулировать общественные отношения, возникающие в процессе и по поводу исполнения, а также отбывания наказания, реализации мер исправительного воздействия на осужденных. В силу этого нормами права урегулировано нужное государству и обществу исполнение наказания, обеспечивающее исправительное, вос-

питательное влияние на осужденных, их ресоциализацию; определяется социальная ценность уголовно-исполнительного права, его норм.

Право выступает в качестве регулятора общественных отношений через систему установок должного поведения участников этих отношений. При этом для поддержания правопорядка система формально определенных норм является основной категорией, характеризующей состояние и динамику правопорядка при исполнении и отбывании наказания. Именно при нарушении нормы права возникает правонарушение и, соответственно, нарушение правопорядка. Всякое нарушение установленного порядка отбывания наказания есть одновременно и нарушение законности. Правопорядок в уголовно-исполнительной системе – это реализованная в уголовно-исполнительных правоотношениях законность. Иными словами, правопорядок достигается не иначе как через обеспечение законности.

Следующим элементом поддержания правопорядка выступают участники (субъекты) правовых отношений.

В теории права под участниками (субъектами) правовых отношений понимаются физические и юридические лица, которые на основании юридических норм могут иметь субъективные права и юридические обязанности [25–27].

Мы считаем, что при поддержании правопорядка в исправительных учреждениях возникают и развиваются не только уголовно-исполнительные, но и организационно-управленческие, административно-правовые, гражданско-правовые и уголовно-правовые правоотношения. С нашей точки зрения, при поддержании правопорядка в исправительном учреждении все перечисленные группы правоотношений могут возникнуть в силу возможной подготовки и совершения правонарушений и необходимости их предотвращения, пресечения и (или) раскрытия. Поэтому, исходя из предмета нашего исследования, мы придерживаемся точки зрения, что субъектами правоотношений по поддержанию правопорядка в учреждениях, исполняющих наказания, являются как осужденные и администрация данных учреждений, так и иные физические и юридические лица, которые вступают в общественные отношения с администрацией и осужденными.

Принимая во внимание, что уголовно-исполнительное законодательство олицетворяет собой идеальную модель правопорядка при исполнении уголовных наказаний в виде лишения свободы и имеет цели исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ), можно с уверенностью констатировать, что обеспечение правопорядка в исправительном учреждении заключается в следующем:

1) предупреждении совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Эффективное решение данной задачи тесно связано с недопущением в исправительном учреждении правонарушений. Правовой порядок очень часто увязывается с конкретным уровнем преступности в исправительном учреждении, а его состояние определяется

динамикой, структурой и характером совершаемых в учреждении преступлений и иных противоправных деяний. Так, В. М. Артемов указывает, что с этой точки зрения правопорядок, с одной стороны, оказывается как бы результатом действий тех, кто нарушает, а с другой – находится в прямой зависимости от уровня профессионализма работников правоохранительных органов [1, с. 81]. Другими словами, правопорядок в исправительном учреждении зависит прежде всего от степени, в которой администрация данного учреждения обладает возможностями по предупреждению правонарушений и преступлений;

2) исправлении осужденных. Одним из основных средств, формирующих у осужденных уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирующих их правопослушное поведение в исправительном учреждении, является режим (ч. 2 ст. 9 УИК РФ), поэтому очевидно, что только посредством надлежащего обеспечения режимных требований удастся поддерживать правопорядок;

3) предупреждении преступлений и правонарушений со стороны персонала исправительных учреждений. Деятельность персонала исправительного учреждения по порядку исполнения наказания регламентируется различными нормативными актами. Права и обязанности сотрудников вытекают из целей и задач уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1, 3 УИК РФ) и содержания прав и обязанностей осужденных (гл. 2 УИК РФ). В ст. 13 Федерального закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» на учреждения, исполняющие наказания (а значит, на их персонал), возлагается ряд обязанностей. Ненадлежащее исполнение сотрудниками исправительного учреждения функциональных обязанностей в различных сферах влияет на состояние правопорядка в учреждении (например, ненадлежащее исполнение своих функциональных обязанностей по надзору за осужденными, находящимися в помещениях отрядов, сотрудниками дежурной смены в ночное время, несвоевременное или неполное реагирование на нарушения распорядка дня учреждения со стороны осужденных и т. д.).

Третьим основным элементом правопорядка в исправительном учреждении выступает правомерное поведение субъектов в пределах правовых отношений, которое составляет содержание правопорядка.

Анализ научных источников показывает, что в теории права под правомерным поведением понимается социально полезное осознанное поведение субъектов правоотношений, соответствующее правовым предписаниям [14, с. 421–423]. При этом под субъектами правомерного поведения понимаются не только физические, но и юридические лица.

Применительно к предмету нашего исследования правомерным поведением различных субъектов правоотношений, возникающих при поддержании правопорядка в исправительном учреждении, выступают различные осознанные действия должностных лиц и граждан по поводу исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, соответствующие правовым предписаниям.

Другими словами, обеспечение исполнения наказания – это процесс воздействия на личность осужденного, который в итоге должен сформировать у него правопослушное поведение.

Реализация мер воздействия на личность осужденного во время исполнения уголовного наказания представляет собой регулируемый нормами права процесс. Разумеется, что этот процесс должен протекать в определенном порядке и последовательности, а также следовать единым целям и задачам.

Именно исполнение установленного уголовно-исполнительным законодательством порядка исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы всеми субъектами правоотношений и является сущностью поддержания правопорядка при исполнении наказания.

Для эффективной деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по оперативно-розыскному обеспечению борьбы с правонарушениями в исправительных учреждениях важное значение имеет выявление первичных, ранее неизвестных сведений о лицах, замышляющих, подготавливающих, совершающих или совершивших правонарушения, а также о фактах, происходящих на территории исправительных учреждений и территориях, прилегающих к ним, и влияющих на состояние правопорядка при исполнении и отбывании наказания в виде лишения свободы.

В оперативно-розыскной науке общепризнано, что выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, лежит в основе оперативно-розыскной деятельности и служит необходимым условием не только раскрытия преступлений, но и их предупреждения [23, с. 51]. Действительно, своевременное выявление ранее неизвестных лиц, представляющих оперативный интерес, фактов их противоправного поведения выступает первым этапом процесса борьбы с правонарушениями [10, с. 3; 20, с. 58].

Мы поддерживаем точку зрения, что выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, представляет собой необходимое условие борьбы с преступлениями.

Наша позиция по вопросу о правонарушениях обусловлена спецификой деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы России. Она проявляется в следующем. Деятельность оперативных подразделений исправительных учреждений по применению оперативно-розыскных сил, средств и методов для борьбы с правонарушениями в рассматриваемых учреждениях регулируется не только оперативно-розыскным, но и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

Как известно, специальными законами в сфере правового регулирования оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказания в виде лишения свободы выступают:

– Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;

– Федеральный закон Российской Федерации от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»;

– Федеральный закон Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации».

Ранее нами неоднократно рассматривались вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы [9, с. 115–134]. В соответствии с п. 1, 2 ст. 13 Федерального закона «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы» данные учреждения обязаны обеспечивать исполнение уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и создавать условия для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территориях. В ст. 14 закреплены права учреждений на осуществление контроля за соблюдением режимных требований на объектах учреждений, исполняющих наказания, и территориях, прилегающих к ним, а также оперативно-розыскной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Задачи оперативных подразделений учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, законодательно закреплены в ст. 84 УИК РФ.

Одной из задач оперативно-розыскной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, является выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях нарушений установленного порядка отбывания наказания.

Решение этой задачи существенно влияет на процесс исполнения наказания в виде лишения свободы. Это утверждение можно аргументировать результатами анализа статистических данных о деятельности ФСИН России. Например, в исправительных учреждениях в 2020 г. изъято более 499 тыс. руб., из них при доставке – более 462 тыс. руб.; алкогольных напитков промышленного производства – более 1450 л, из них при доставке – более 1390 л; алкогольных напитков кустарного производства – более 25 590 л; средств связи – более 56 300 ед., из них при доставке – более 25 800 ед. [18].

Поэтому, с нашей точки зрения, говорить о предупреждении и раскрытии правонарушений при исполнении наказания в виде лишения свободы средствами оперативно-розыскной деятельности правомерно.

В теории оперативно-розыскной деятельности поиск первичной информации рассматривается как самостоятельная организационно-тактическая форма, которой свойственны многие черты, дающие представление о ее содержании. Главным отличием этой формы является то, что в процессе ее применения осуществляется поиск именно первичной информации, и все другие организационно-тактические формы основываются на ее результатах [2, с. 56].

Первичная информация – значит ранее неизвестная, и ее получение снижает некую неопределенность в знании о ком-то либо о чем-то. Именно такая точка зрения на понятие «информация» наиболее распространена [3; 5; 11; 13; 16; 28]. Так, по мнению Ю. С. Блинова, «данные сведения не снижают не-

определенность и не оказывают воздействия на поведение субъекта. Они остаются данными до тех пор, пока не появится в них необходимость, пока не обратятся к ним в связи с осуществлением тех или иных действий или в связи с обязанностью принять некоторое решение. Иными словами, снять возникшую неопределенность. Следовательно, информация всегда первична» [3, с. 209].

По своему содержанию первичная информация различна. Вместе с тем общим для нее является то, что она содержит ранее неизвестные оперативным подразделениям данные о лицах, склонных к совершению преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания, фактах или событиях, имеющих значение для борьбы с правонарушениями.

Первичная информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий, является одним из основных средств познания разнообразных процессов (явлений), связанных с противоправной деятельностью лиц, склонных к совершению преступлений и нарушений порядка и условий исполнения и отбывания наказания. Речь идет о наличии в этой информации объективных признаков противоправной связи лица, предмета, факта или иного обстоятельства с конкретным правонарушением или преступностью в целом как социальным явлением.

На современном этапе развития теории оперативно-розыскной деятельности существуют различные подходы к определению оперативного поиска. С. Е. Матвеевым проанализировано более десяти дефиниций оперативного поиска и выявления лиц и фактов, представляющих оперативный интерес [15, с. 188–191]. Не вдаваясь в их детальный анализ, подчеркнем, что отсутствие четкого понимания процесса осуществления поисковых мероприятий наряду с теоретическими проблемами вызывает путаницу в подходах к их планированию и осуществлению.

Прежде всего, обратим внимание, что многие авторы, исследуя сущность оперативного поиска, подразделяют получаемую информацию на первичную и вторичную [21]. Е. Н. Яковец приходит к выводу, что данные для любого субъекта, в том числе и оперативного работника, могут стать информацией лишь тогда, когда он может их правильно систематизировать, оценить и обнаружить в них новые знания [29, с. 74].

Таким образом, разделяя вышеуказанную точку зрения, можно рассуждать о первичности и вторичности, скорее, данных, а не информации.

Последнее, бесспорно, является аргументом в пользу определения рассматриваемой нами организационно-тактической формы обеспечения борьбы с правонарушениями при исполнении наказания в виде лишения свободы как выявления первичных оперативно-розыскных данных.

В то же время указанное определение является, на наш взгляд, усеченным по отношению к такому, как «выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес», так как последнее подразумевает не только процесс оперативного поиска и получения первичных данных, но и определенные действия по их проверке.

Исходя из этой дефиниции, оперативное подразделение в результате комплекса оперативно-розыск-

ных мероприятий, осуществляемых в рамках данной формы, должно получить именно новую информацию, представляющую оперативный интерес.

При этом можно возразить, что в процессе выявления данных и последующей их проверки возможно получение и информации о лицах и фактах, не представляющих оперативного интереса. Определенная логика в данном замечании есть.

С нашей точки зрения, если рассматривать конструкцию определения с позиции, что словосочетание «представляющих оперативный интерес» указывает на требование к конечной цели оперативного поиска, то это не исключает действия, которые в ходе данного процесса будут отсеивать ненужную с точки зрения оперативных соображений информацию.

Таким образом, формулировка «...информации по выявлению лиц и фактов, представляющих оперативный интерес» представляется нам более логичной.

Как мы уже отмечали, различные авторы дают разные определения оперативного поиска.

Так, А. С. Вандышев под оперативным поиском понимает систему оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых субъектами оперативно-розыскной деятельности в целях обнаружения лиц, предметов и явлений, представляющих оперативный интерес [4, с. 11]. Однако при таком подходе вне определения остаются предварительный анализ обстановки, проверка полученной информации, а также принятие решения по ее использованию для борьбы с правонарушениями.

А. Ю. Шумилов под оперативным поиском понимает оперативно-розыскную деятельность по обнаружению латентных преступлений и лиц, их совершивших, а также первоначально неизвестных причин и условий для совершения преступлений [17, с. 199].

В данном определении речь идет об уже совершенных преступлениях, оставшихся латентными, и о лицах, их совершивших, а также о первоначально неизвестных причинах и условиях для их совершения, но, как и в представленной выше дефиниции, автором не учитываются анализ обстановки, принимаемые решения, а также лица, которые подготавливают и совершают правонарушения. Соответственно, и принять меры по предупреждению или пресечению противоправной деятельности данных лиц не представляется возможным.

В связи с этим более правильна, на наш взгляд, позиция отдельных авторов, которые, рассматривая процесс выявления лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, отмечают, что он осуществляется поэтапно в следующем порядке:

- оперативный поиск и получение первичных данных;
- их проверка;
- принятие решения [7, с. 4; 24, с. 5].

Однако и здесь отсутствует предварительный анализ оперативной обстановки на объектах поиска.

Достижение положительных результатов зависит от каждого из перечисленных этапов, но ведущее место среди них по объему выполняемой работы занимает оперативный поиск, направленный на получение первичных данных.

Поиск осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», личного сыска должностными лицами оперативных подразделений исправительных учреждений (либо другими должностными лицами и специалистами), а также гражданами, привлекаемыми к поиску на гласной и негласной основе. При этом могут использоваться информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, другие технические и иные средства.

Все это свидетельствует о том, что содержание деятельности по выявлению лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, имеет комплексный характер.

В то же время необходимо отметить, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение первичных данных, с точки зрения действующего оперативно-розыскного законодательства вызывает сомнения.

При этом если рассматривать правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, то перед оперативными подразделениями данных учреждений законодательно поставлена задача выявления готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания. Но каким образом она может быть решена?

Как известно, оперативно-розыскная деятельность осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). В ст. 7 данного закона указаны основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление готовящихся, совершаемых и совершенных противоправных деяний.

В соответствии с п. 2.1 ст. 7 основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, определенные сведения (если нет достаточных данных для возбуждения уголовного дела). То есть оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться только после получения первичных данных.

Конечно, никто не отрицает возможности получения первичных данных из заявлений граждан, сообщений должностных лиц и т. д. независимо от предпринятых мер по их обнаружению. В то же время получение первичной информации о латентных преступлениях, замыслах лиц, подготавливающих преступления или нарушения установленного порядка отбывания и исполнения наказания, процессах, скрытно протекающих в среде осужденных, весьма проблематично. Данная информация выявляется путем проведения мероприятий разведывательно-поискового характера, основная цель которых как раз и состоит в обнаружении первичных данных о таких деяниях и лицах, причастных к их совершению. И если в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» основания проведения такого рода мероприятий не указаны, тогда возникает вопрос о законности их реализации.

Также рассматриваемая норма закона допускает проведение оперативно-розыскных мероприятий при получении сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших. Однако, с точки зрения законодателя, проводить оперативно-розыскные мероприятия на стадии замысла совершения противоправного деяния оснований нет. Но это противоречит нормам законодательства (ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ч. 1 ст. 84 УИК РФ) в части предупреждения правонарушений.

На наш взгляд, возникает необходимость уточнения оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ранее различными учеными рассматривались вопросы оперативного поиска в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Так, Е. Н. Билоус отмечает, что поиск первичной информации в исправительном учреждении представляет собой комплекс мероприятий, направленных на обнаружение, получение, проверку и накопление сведений, содержащих новые (ранее неизвестные оперативным аппаратам) специальные знания, имеющие значение для борьбы с преступностью и другими правонарушениями в исправительных учреждениях [2, с. 57].

Однако считаем, что в данном определении отсутствует один из важных признаков – принятие решений, ведь обнаружив, получив, проверив, накопив содержащие новые (ранее неизвестные оперативным подразделениям) специальные знания, имеющие значение для борьбы с преступностью и другими правонарушениями в исправительных учреждениях, необходимо принять эффективное решение. Иначе вся проведенная работа будет напрасной.

В. И. Потапов применительно к деятельности данных учреждений под выявлением лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, понимает процесс осуществления комплекса оперативно-розыскных, режимных, воспитательных и иных мероприятий, направленных на получение первичных данных, интересующих администрацию исправительного учреждения, исходя из ее компетенции, их проверку и принятие решения для предотвращения, раскрытия преступлений, обнаружения злостных нарушителей режима отбывания наказания, розыска бежавших осужденных [19, с. 123–132].

А. В. Сенатов, анализируя представленное определение, отмечает, что автором не учтена одна из задач оперативно-розыскной деятельности – предупреждение преступлений [22, с. 102].

С нашей точки зрения, термины «предотвращение» и «предупреждение» по существу обозначают одно и то же явление, поэтому в этом вопросе мы скорее солидарны с позицией В. И. Потапова.

Однако если говорить о комплексе мероприятий, проводимых оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы с целью получения информации, представляющей оперативный интерес, поддержания правопорядка в исправительных

учреждениях, то представленное определение нуждается в корректировке.

Во-первых, при проведении оперативного поиска в исправительных учреждениях сотрудниками оперативных подразделений действительно осуществляется комплекс мероприятий оперативно-розыскного, режимного и воспитательного характера. Это определяется тем фактом, что сотрудники оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы участвуют в проведении режимных и воспитательных мероприятий в отношении осужденных как представители администрации данных учреждений. Вместе с тем они также участвуют и в проведении воспитательных мероприятий в отношении сотрудников и работников других частей, отделов и служб учреждений. И при проведении указанного комплекса мероприятий они получают первичные данные о лицах и фактах, представляющих интерес в плане решения стоящих перед оперативными подразделениями задач. Но в рамках определения оперативно-тактической формы оперативно-розыскной деятельности говорить о комплексе мероприятий различного характера, направленных на получение первичных данных, интересующих администрацию исправительного учреждения, хотя и с целью поддержания правопорядка, не совсем корректно.

Во-вторых, в представленном определении отсутствует анализ оперативной обстановки в исправительном учреждении как основа деятельности оперативного подразделения, а также не указаны субъекты оперативного поиска. Поэтому считаем,

что процесс оперативного поиска должен начинаться с анализа оперативной обстановки объектов, на которых предполагается (планируется) проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение первичных сведений о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес. Применительно к теме нашего исследования анализироваться должна оперативная обстановка в исправительном учреждении.

При этом мы солидарны с А. Н. Журавлевым, который, исследуя понятие «оперативная обстановка», приходит к выводу, что оперативная обстановка в исправительных учреждениях представляет собой совокупность внутренних и внешних условий (факторов), в которых осуществляется их деятельность, имеющих качественные и количественные показатели, влияющие на криминогенную ситуацию в них, организацию и осуществление исполнения наказания в виде лишения свободы [8, с. 34].

Таким образом, под оперативным поиском в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, следует понимать основанный на анализе оперативной обстановки процесс осуществления комплекса оперативно-розыскных мероприятий, проводимых оперативными подразделениями исправительных учреждений, направленных на получение первичной информации, представляющей интерес для борьбы с правонарушениями, ее проверку и принятие решения для дальнейшего использования при выполнении задач, стоящих перед указанными подразделениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов, В. М. Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновации / В. М. Артамонов. – Москва : Академия управления МВД России, 1998. – 143 с.
2. Билоус, Е. Н. Организация и тактика борьбы с противоправной деятельностью лидеров криминальной среды в исправительных учреждениях : учебное пособие / Е. Н. Билоус; под редакцией профессора В. М. Атамажитова. – Москва : Академия МВД России, 1998. – 168 с.
3. Блинов, Ю. С. Теоретические основы оперативно-розыскного производства по делам оперативного учета : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Блинов Юрий Сергеевич. – Москва, 2003. – 313 с.
4. Вандышев, А. С. Организация и тактика оперативного поиска / А. С. Вандышев. – Москва: Академия управления МВД СССР, 1984. – 89 с.
5. Винер, Н. Кибернетика / Н. Винер. – Москва : Сов. радио, 1968. – 286 с.
6. Витрук, Н. В. Законность: понятие, защита и обеспечение / Н. В. Витрук // Общая теория права : курс лекций / под общей редакцией профессора В. К. Бабаева. – Нижний Новгород : НВШ МВД РФ, 1993. – 544 с.
7. Жилин, О. А. Формы оперативно-розыскной деятельности : лекция / О. А. Жилин. – Уфа : Уфимская высшая школа МВД СССР, 1990. – 45 с.
8. Журавлев, А. Н. Оценка оперативной обстановки в исправительном учреждении: организационные и правовые основы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Журавлев Александр Николаевич. – Рязань, 2009. – 269 с.
9. Иванов, И. А. Оперативно-розыскное обеспечение поддержания правопорядка в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы (теоретические и правовые аспекты) : монография / И. А. Иванов. – Киров : Кировский ИПКР ФСИН России, 2018. – 112 с.
10. Климов, И. А. Организация и тактика оперативного поиска : лекция / И. А. Климов, А. С. Вандышев, С. А. Дьячковский. – Москва : Юрид. ин-т МВД России, 1998. – 32 с.
11. Колмогоров, А. В. Три подхода к понятию «количество информации» / А. В. Колмогоров // Проблемы передачи информации. – 1965. – Том 1, № 1. – С. 3–11.
12. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/603496992> (дата обращения: 04.02.2022).
13. Кувалдин, В. Н. Информационный фонд службы БХСС, его организация и использование / В. Н. Кувалдин, Б. И. Терентьев. – Горький : ВШ МВД СССР, 1976. – 245 с.
14. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2011. – 636 с. – ISBN 978-539-20185-50.

15. Матвеев, С. Е. Оперативный поиск в криминальной среде : учебное пособие / С. Е. Матвеев ; под редакцией Ю. Ф. Кваши. – Москва : МИ МВД России, УВД Новгородской области, 1998. – 103 с.
16. Овчинский, С. С. Оперативно-розыскная информация. Проблемы теории и практики / С. С. Овчинский. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1976. – 108 с.
17. Оперативно-розыскная энциклопедия / составитель А. Ю. Шумилов. – Москва : Шумилова И. И., 2004. – 363 с. – ISBN 5-89784-080-6.
18. Отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России за четвертый квартал 2020 года // Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы, январь–декабрь 2020 г. : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России. – 386 с.
19. Потапов, В. И. Некоторые вопросы тактики выявления оперативными аппаратами ИТУ лиц и фактов, представляющих оперативный интерес / В. И. Потапов // Труды Академии управления МВД СССР. – Москва : Академия управления МВД СССР, 1988. – 87 с.
20. Рабунский, В. Е. К вопросу о системе информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В. Е. Рабунский, Г. А. Мацаков // Теоретические и практические проблемы оперативно-розыскной деятельности. – Калининград : Калининградский юридический институт МВД России, 1999. – 205 с.
21. Рева, А. М. К вопросу о сущности собирания информации, имеющей значение для предупреждения и раскрытия преступлений (оперативный поиск) / А. М. Рева // Актуальные вопросы совершенствования правового и организационно-тактического обеспечения деятельности оперативных аппаратов органов внутренних дел : межвузовский сборник научных трудов. – Москва, 2000. – С. 202–206.
22. Сенатов, А. В. Правовые и организационно-тактические основы предупреждения преступлений оперативными аппаратами тюрем : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сенатов Александр Викторович. – Владимир, 2011. – 186 с.
23. Синилов, Г. К. Правовые и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Синилов Григорий Карпович. – Москва, 1983. – 98 с.
24. Смирнов, С. А. Организационно-тактические формы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : фондовая лекция / С. А. Смирнов, Э. И. Бордиловский. – Москва : Академия МВД СССР, 1986. – 30 с.
25. Теория государства и права : учебник для вузов / ответственный редактор В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2004. – 496 с. – ISBN 5-89123-785-7.
26. Теория государства и права : учебник / под редакцией В. К. Бабаева. – Москва : Юристъ, 2003. – 592 с. – ISBN 5-7975-0239-9.
27. Теория государства и права : учебник для вузов / под редакцией В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – 2-е изд., изм. и доп. – Москва : НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 616 с. – ISBN 5-89123-388-6.
28. Шенон, К. Э. Работы по теории информации и кибернетике : сборник статей / К. Э. Шенон ; с предисловием А. Н. Колмогорова ; под редакцией Р. Л. Добрушина и О. Б. Лупанова. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1963. – 829 с.
29. Яковец, Е. Н. Оперативно-розыскная идентификация / Е. Н. Яковец ; под редакцией В. М. Аتماжитова и Б. Я. Нагиленко. – Москва : Академия управления МВД России, 2003. – 101 с.

REFERENCES

1. Artamonov V.M. *Pravoporyadok v sovremennom rossiiskom obshchestve: kontseptual'nye obosnovaniya i innovatsii* [Law and order in modern Russian society: conceptual foundations and innovations]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1998. 143 p.
2. Bilous E.N. *Organizatsiya i taktika bor'by s protivopravnoi deyatel'nost'yu liderov kriminal'noi sredy v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: uchebnoe posobie* [Organization and tactics of combating illegal activities of leaders of the criminal environment in correctional institutions: teaching guide]. Edited by V.M. Atmazhitov. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1998. 168 p.
3. Blinov Yu.S. *Teoreticheskie osnovy operativno-rozysknogo proizvodstva po delam operativnogo ucheta: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Theoretical foundations of operational investigative proceedings in cases of operational accounting: Doctor of (Sciences) Law dissertation]. Moscow, 2003. 313 p.
4. Vandyshev A.S. *Organizatsiya i taktika operativnogo poiska* [Organization and tactics of prompt investigation]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD SSSR, 1984. 89 p.
5. Wiener N. *Kibernetika* [Cybernetics]. Moscow: Sov.radio, 1968. 286 p.
6. Vitruk N.V. *Zakonnost': ponyatie, zashchita i obespechenie. Obshchaya teoriya prava: kurs lektsii* [Legality: concept, protection and provision. General theory of law: course of lectures]. Ed. by B.K. Babaev. Nizhny Novgorod: NVSh MVD RF, 1993. 544 p.
7. Zhilin O.A. *Formy operativno-rozysknoi deyatel'nosti: lektsiya* [Forms of law enforcement intelligence operations: lecture]. Ufa: Ufimskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1990. 45 p.
8. Zhuravlev A.N. *Otsenka operativnoi obstanovki v ispravitel'nom uchrezhdenii: organizatsionnye i pravovye osnovy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Assessment of the operational situation in a correctional institution: organizational and legal bases: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2009. 269 p.
9. Ivan'kov I.A. *Operativno-rozysknoe obespechenie podderzhaniya pravoporyadka v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya v vide lisheniya svobody (teoreticheskie i pravovye aspekty): monografiya* [Operational and investigative support of maintaining law and order in institutions executing sentences in the form of imprisonment (theoretical and legal aspects): monograph]. Kirov: Kirovskii IPKR FSIN Rossii, 2018. 112 p.
10. Klimov I.A., Vandyshev A.S., D'yachkovskii S.A. *Organizatsiya i taktika operativnogo poiska: lektsiya* [Organization and tactics of prompt investigation : lecture]. Moscow: Yurid. in-t MVD Rossii, 1998. 32 p.

11. Kolmogorov A.V. Three approaches to the concept of "quantity of information". *Problemy peredachi informatsii=Problems of Information Transmission*, 1965, vol. 1, no. 1, pp. 3–11. (In Russ.).
12. Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030. *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov: sait* [Electronic Fund of Legal and regulatory and Technical documents: website]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/603496992> (In Russ.). (Accessed February 4, 2022).
13. Kvaldin V.N., Terent'ev B.I. *Informatsionnyi fond sluzhby BKhSS, ego organizatsiya i ispol'zovanie* [Information Fund of the Combating the Theft of Socialist Property and Speculation, its organization and use]. Gorkii: Vsh MVD SSSR, 1975. 245 p.
14. Marchenko M.N. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook]. Moscow: Prospekt, 2011. 636 p. ISBN 978-539-20185-50.
15. Matveev S.E. *Operativnyi poisk v kriminal'noi srede: uchebnoe posobie* [Prompt investigation in the criminal environment: teaching aid]. Ed. by Yu.F. Kvashi. Moscow: MI MVD Rossii, UVD Novgorodskoi oblasti, 1998. 103 p.
16. Ovchinskii S.S. *Operativno-rozysknaya informatsiya. Problemy teorii i praktiki* [Operational and investigative information. Problems of theory and practice]. Moscow, 1976. 108 p.
17. *Operativno-rozysknaya entsiklopediya* [Operational-search encyclopedia]. Comp. by Shumilov A.Yu. Moscow: Shumilova I.I., 2004. 363 p. ISBN 5-89784-080-6.
18. Report on the results of operational and service activities of the security departments (regime and supervision) of correctional facilities, medical correctional institutions, medical and preventive institutions, juvenile educational facilities, prisons, pre-trial detention centers, departments (departments, groups) of the regime and supervision of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia for the fourth quarter of 2020. In: *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy yanvar' – dekabr' 2020 goda: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Main indicators of criminal activity-executive system January – December 2020: information and analytical collection]. Tver: NIIT FSIN Rossii. 386 p. (In Russ.).
19. Potapov V.I. Some questions of tactics of identification of persons and facts of operational interest by ITU operational apparatuses. In: *Trudy Akademii upravleniya MVD SSSR* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD SSSR, 1988. 87 p. (In Russ.).
20. Rabunskii V.E., Matsakov G.A. On the issue of the information support system for operational investigative activities of internal affairs bodies. In: *Teoreticheskie i prakticheskie problemy operativno-rozysknoi deyatelnosti* [Theoretical and practical problems of operational investigative activity]. Kaliningrad: Kaliningradskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 1999. 205 p. (In Russ.).
21. Reva A.M. On the issue of the essence of collecting information relevant for preventing and solving crimes (prompt investigation). In: *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya pravovogo i organizatsionno-takticheskogo obespecheniya deyatelnosti operativnykh apparatov organov vnutrennikh del: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of improving legal and organizational and tactical support for the activities of operational apparatuses of internal affairs bodies: intercollegiate collection of scientific papers]. Moscow, 2000. Pp. 202–206. (In Russ.).
22. Senatov A.V. *Pravovye i organizatsionno-takticheskie osnovy preduprezhdeniya prestuplenii operativnymi apparatami tyurem: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal and organizational and tactical bases of crime prevention by operational prison apparatuses: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Vladimir, 2011. 186 p.
23. Sinilov G.K. *Pravovye i takticheskie osnovy operativno-rozysknoi deyatelnosti sovetskoi militsii: avtoreferat dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Legal and tactical bases of operational-search activity of the Soviet militia: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1983. 98 p.
24. Smirnov S.A., Bordilovskii E.I. *Organizatsionno-takticheskie formy operativno-rozysknoi deyatelnosti organov vnutrennikh del: fondovaya lektsiya* [Organizational and tactical forms of operational-search activity of internal affairs bodies: lecture]. Moscow, 1986. 30 p.
25. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook for universities]. Ed. by V.D. Perevalov. Moscow: Norma, 2004. 496 p. ISBN 5-89123-785-7.
26. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook]. Ed. by V.K. Babaev. Moscow: Yurist", 2003. 592 p. ISBN 5-7975-0239-9.
27. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook for universities]. Ed. by V.M. Korel'skii, V.D. Perevalov. Moscow: NORMA-INFRA-M, 2000. 616 p. ISBN 5-89123-388-6.
28. Shannon C.E. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike: sbornik statei* [Works on information theory and cybernetics: collection of articles]. Ed. by Dobrushin R. L., Lupanova O.B. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury, 1963. 829 p.
29. Yakovets E.N. *Operativno-rozysknaya identifikatsiya* [Prompt investigation identification]. Ed. by V.M. Atmazhitov, B.Ya. Nagilenko. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2003. 101 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ ИВАНЬКОВ – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России по учебной и научной работе, Киров, Россия, iwanckow2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6414-0702>

IGOR' A. IVAN'KOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Kirov Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Kirov, Russia, iwanckow2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6414-0702>

Статья поступила 28.02.2022

Документы планирования развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в период 2010–2030 гг.: наименование, вид и порядок введения в юридическую силу

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ДЯДЬКИН

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия, krimvggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАЛЯШИН

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации, Влади-
мир, Россия, cav71@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9699-020X>

Реферат

Введение: в новейшее время процесс развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации базируется на концептуальных положениях, закрепленных в юридических документах, являющихся результатом стратегического планирования. Эти положения разрабатываются в целях достижения желаемого состояния уголовно-исполнительной системы в будущем и представляют собой систему взглядов, направленных на совершенствование деятельности учреждений и органов. В документах планирования определяются конечный результат, а также приоритетные направления развития, как правило, на десятилетний период согласно национальному законодательству и в контексте международных норм и стандартов. *Цель:* провести сравнительный анализ отдельных концептуальных положений в завершившем свое действие и вновь принятом документе планирования, ориентированном на совершенствование уголовно-исполнительной системы; отталкиваясь от результатов исследования и принимая во внимание нерешенные вопросы, выявленные в ходе реализации концептуальных положений, позиции ученых и практиков, сформулировать рекомендации для разработчиков нового юридического документа, направленного на развитие всей пенитенциарной системы. *Методы:* методологическую основу исследования составили общенаучные методы, такие как обобщение, анализ, синтез, дедукция и индукция, системно-структурный способ сравнения, а также частнонаучные средства анализа нормативных документов. *Выводы:* результаты исследования позволили выдвинуть логическое суждение о том, что введенные в действие в последние десятилетия концептуальные документы по оптимизации деятельности уголовно-исполнительной системы предопределили вектор ее развития, оказали положительное влияние на функционирование учреждений и органов, исполняющих наказания, а также правоприменительную практику в данной сфере. *Результаты:* выявлены проблемно-дискуссионные аспекты концептуальных документов, связанные с реализацией положений ведомственного характера, формой, способами и субъектами, вводящими в действие изучаемые юридические акты. Исходя из результатов анализа, сделано теоретическое умозаключение и предложены доктринально-практические рекомендации, которые могут лечь в основу разработки нового, занимающего более высокое положение в иерархии правовых актов концептуального документа, направленного на развитие всей системы учреждений и органов, исполняющих наказания.

Ключевые слова: документ; планирование; форма; способ; концепция; система.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Дядькин О. Н., Каляшин А. В. Документы планирования развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в период 2010–2030 гг.: наименование, вид и порядок введения в юридическую силу // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 302–309. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.008.

Original article

Planning Documents to Develop the Russian Penal System in the Period of 2010–2030: Name, Type and Procedure for Entry into Legal Force

OLEG N. DYAD'KIN Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, e-mail: krimvggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>**ANDREI V. KALYASHIN**Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, e-mail: cav71@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9699-020X>

Abstract

Introduction: recently, development of the Russian penal system is based on the conceptual provisions enshrined in legal documents that are the result of strategic planning. The conceptual provisions are being developed in order to achieve the desired state of the penal system in the future and represent a system of views aimed at improving activities of its institutions and bodies. Planning documents set up the final result, as well as priority development directions, as a rule, for a ten-year period according to the national legislation with regard to international norms and standards. *Purpose:* to conduct a comparative analysis of individual conceptual provisions in the terminated and newly adopted planning document aimed at improving the management system; taking into account results of the study, unresolved issues identified during implementation of the conceptual provisions, and positions of scientists and practitioners, to formulate theoretical and practical recommendations for the developers of a new legal document focused on developing the entire system of penal institutions and bodies. *Methods:* the methodological basis of the study is made up of general scientific methods, such as generalization, analysis, synthesis, deduction and induction, a system-structural method of comparison, as well as private scientific means of analyzing normative documents. *Conclusions:* the conceptual documents introduced in recent decades reflecting the leading ideas to optimize activities of the penal system and the chosen direction to execute criminal penalties predetermined the vector of its development. Moreover, the considered system of views has had a significant positive impact on the functioning of the institutions and bodies executing criminal punishment, as well as law enforcement practice. *Results:* the authors have identified unresolved problematic and debatable aspects of conceptual documents related to the implementation of departmental provisions, the form, methods and subjects that put into effect the legal acts under study. Based on the results of the analysis, the researchers made a theoretical conclusion and proposed doctrinal and practical recommendations that can form the basis for working out a new conceptual document occupying a higher position in the hierarchy of legal acts aimed at developing the entire system of institutions and bodies executing punishments.

Keywords: document; planning; form; method; concept; system.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Dyad'kin O. N., Kalyashin A. V. Planning documents to develop the Russian penal system in the period of 2010–2030: name, type and procedure for entry into legal force. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 302–309. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.008.

Введение

Сегодня не вызывает сомнений необходимость научного, основанного на официальных юридических документах моделирования содержания и этапов развития системы исполняющих уголовные наказания учреждений и органов, в том числе прогнозирования ожидаемых результатов, которые должны проявиться в новом ее качественном состоянии. Придерживаясь позиции положительного отношения к реформированию уголовно-исполнительной си-

стемы как процессу совершенствования ее деятельности, мы считаем необходимым получение нового суждения, касающегося его целей и результатов.

В современных условиях большинство развитых стран, включая Россию, осуществляют поиск оптимальных направлений развития деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания, в том числе в виде лишения свободы. Совершенствование деятельности среди прочих факторов напрямую влияет и на криминализацию личности осужденного, что

подтверждается зарубежными исследователями, например Ф. Мирикчем, который подробно изучил причины криминогенного влияния пенитенциарных учреждений в Республике Сербии. Специалист пришел к умозаключению о наличии стресса у всех осужденных, которые направляются отбывать наказание в виде лишения свободы в пенитенциарное учреждение. Как отмечается, они должны положить конец своему прежнему образу жизни, проживать в пенитенциарном учреждении закрытого типа совместно с очень разнообразным контингентом заключенных. Из-за утраты свободы часть осужденных лишены привилегий, которые они имели за пределами тюрьмы. В ответ на эти ограничения они совершают новые преступления и отбывают новые наказания. По этой причине время, проведенное в тюрьме, с нашей точки зрения, может быть важным криминогенным фактором [15, с. 37].

В рассматриваемом контексте отметим наблюдающуюся последние два десятилетия устойчивую тенденцию введения в действие официальных юридических документов так называемой нетипичной правовой природы. Важными компонентами придания им легитимности являются форма, способ и субъекты, вводящие их в действие, которые должны отвечать современным реалиям.

Документы нетипичной правовой природы в целях совершенствования уголовно-исполнительной системы издаются в таких формах, как концепция [14] и программа.

При анализе введенных концептуальных документов важно обозначить определенную их узковедомственную направленность. Ограничение рассматриваемых документов ведомственными рамками связано с тем, что инициатива по их подготовке исходила от органа, ведающего исполнением уголовных наказаний, а разработчиками выступили находящиеся в его ведении научно-исследовательские и образовательные учреждения. Соответственно, действие положений этих документов по развитию ориентировано не на всю совокупность исполняющих наказания учреждений и органов, а только лишь на организации уголовно-исполнительной системы. К примеру, за пределами регулирования документа осталось совершенствование исполнения судебными приставами-исполнителями наказания в виде штрафа.

В 90-х гг. XX столетия документам в виде концепции юридическая сила придавалась через одобрение главой государства. В настоящее время программа утверждается постановлением высшего исполнительного коллегиального органа государственной власти, а концепция – его распоряжением, что в свою очередь обуславливает дискуссионность вопроса о субъекте придания им юридической силы.

Для более объективной характеристики рассматриваемого вопроса важно обозначить позицию ряда специалистов в области права, считающих, что в настоящее время уровень утверждения концептуального документа значительно понижен. Так, с точки зрения профессора В. И. Селиверстова, сегодня является разумным придание юридической силы

новому концептуальному документу развития уголовно-исполнительной системы именно Президентом Российской Федерации. Ученый, являющийся авторитетным экспертом в уголовно-исполнительном праве, обосновал это двумя обстоятельствами. Прежде всего, глава государства в силу Основного закона определяет базовые направления внутренней и внешней политики страны, во-вторых, осуществляет общее руководство силовым блоком ведомств, в состав которого в том числе входит ФСИН России [9].

Проведем сравнительный анализ утвержденных за последние два десятилетия документов изучаемой формы, направленных на развитие уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

В конце 2020 г. завершился период действия утвержденной подзаконным актом управления Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (далее – Концепция 2010 г.), которая предусматривала три этапа реализации: 2010–2012 гг., 2013–2016 гг. и 2016–2020 гг.

Обозначим положительные и отрицательные стороны данной концепции. Не требует доказательства факт содержания в концептуальном документе оригинальных замыслов и идей, не применявшихся ранее мер государственного воздействия на лиц, совершивших преступления и признанных виновными. Вместе с тем, несмотря на сложность реализации задуманного в российских условиях, часть положений нашли свое отражение в практической деятельности уголовно-исполнительной системы. В качестве примера приведем факт нормативного закрепления и реализации в некоторых исправительных учреждениях раздельного содержания лиц, осужденных к лишению свободы впервые и отбывавших наказание данного вида ранее. Это позволило разместить в регионе проживания большее число осужденных, снизить затраты на принудительную транспортировку специального контингента в другие субъекты России.

Следует отметить в концепции и наличие целей, не соответствующих реальной действительности. Хотя очевидно, что отчетливо поставленные и соответствующие действительности цели делают реалистичным сам документ планирования [4]. Одно из недостижимых устремлений предполагало повышение действенности работы исполняющих наказания учреждений и органов до европейских стандартов обращения с осужденными. Другое важное направление реформирования было связано с совершенствованием организационной структуры уголовно-исполнительной системы. Как положительный момент выделим создание в исправительных учреждениях изолированных участков, которые функционируют в режиме тюрьмы.

Анализ реализации Концепции 2010 г. показывает, что не все включенные в нее положения были детально проработаны и отвечали действительности, о чем свидетельствует двукратное (в 2012 и 2015 гг.) внесение в документ планирования дополнений и изменений. В частности, Правительство Российской Феде-

рации своим распоряжением от 23.09.2015 № 1877-Р внесло поправки, связанные с переоборудованием исправительных колоний в тюрьмы [2]. Другое отступление от намеченной цели затронуло совершенствование деятельности исполняющих наказания учреждений и органов в контексте соблюдения международных стандартов. Документ был дополнен существенными положениями в части защиты законных интересов и прав специального контингента, включая их трудовые права, которые в своей совокупности придали Концепции 2010 г. большую действенность. При этом документ утратил инновационность, перейдя в категорию важных, но частных усовершенствований. Так, П. В. Тепляшин утверждает, что отказ от стержневой цели – широкой «тюрьмизации» уголовно-исполнительной системы – повлек за собой потерю идеи, содержащей созидательный смысл [11].

Вместе с тем нерешение вопроса репрофилирования учреждений не исключает актуальности вопроса, связанного с рекомендуемым международными стандартами обращения с осужденными размещением их по отдельности друг от друга в рассчитанных на одного камерах или комнатах [10].

Перевод на тюремную систему требует значительных финансовых затрат, поэтому в переходный период необходимо развивать учреждения нового типа, которые должны объединить в себе несколько видов режима и видов учреждений, что в свою очередь необходимо закрепить в концептуальном документе [3]. Данный аспект затронут в ряде российских и зарубежных исследований.

Р. З. Усеев рассмотрел вопросы, связанные с развитием российских учреждений объединенного типа с точки зрения правоприменительной практики [12].

Отметим опыт создания учреждений подобного рода в Азербайджанской Республике. Так, Н. С. Салаев отмечает, что Государственная программа развития азербайджанской юстиции на 2009–2013 гг. предусматривала строительство нового типа учреждений, а именно пенитенциарных комплексов, включающих в себя помимо прочего и тюремную модель исполнения лишения свободы. С точки зрения ученого, такие комплексы, которые совмещают в себе несколько видов режима и типов пенитенциарных учреждений, позволят создать условия для индивидуализации исполнения наказания. Они будут функционировать в переходный этап в покаянном режиме расположения осужденных [16].

Вопросы, связанные с концептуальным развитием уголовно-исполнительной системы, в последние годы находятся в центре внимания профессионального сообщества.

Ученые, правоприменители, правозащитники и бывшие сотрудники уголовно-исполнительной системы в целом положительно относятся к преобразованию пенитенциарной системы как процессу совершенствования направлений ее деятельности, сопровождаемому изменением свойств совокупности исполняющих наказания учреждений и органов.

Ю. А. Реент, подробно анализируя реализацию положений Концепции 2010 г., выявил ряд положитель-

ных и дискуссионных моментов, обозначил нерешенные вопросы [7].

В. Б. Малинин подверг основные положения концепции конструктивной критике, а также сделал вывод о наличии в ней недоработок и невыполнимых предложений [6].

Министр юстиции России К. А. Чуйченко отмечал, что далеко не все положения Концепции 2010 г. удалось реализовать. По его мнению, документ в значительной степени был направлен на устранение давних серьезных проблем в уголовно-исполнительной системе, инфраструктура которой служит многие столетия, а изношенность основных фондов составляет более 70 % [8]. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Концепция 2021 г.) сохраняет преемственность с утратившей силу Концепцией 2010 г. и представляет собой стратегический план на будущее десятилетие. В числе важных направлений совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы можно выделить укрепление материальной и технической базы, улучшение условий труда и содержания специального контингента. В документе значительное внимание уделено нерешенному вопросу внедрения административных механизмов probation [5]. На первоначальном этапе важнейшей задачей представляется закрепление позитивных результатов, которые достигнуты в последние годы, связанных с либерализацией уголовной политики, а также взаимодействие ФСИН России с ведомствами, осуществляющими правоохранительные функции, и иными органами публичной власти.

Сравним отдельные положения старой и новой концепции развития уголовно-исполнительной системы. Отметим, что обсуждаемый с 2018 г. текст новой концепции отличался от ее окончательной версии. С позиции внутреннего построения изменения были минимальны. Обе концепции включали в себя шесть разделов, которые состояли из 13 подразделов в Концепции 2010 г. и из 15 в проекте нового документа (в процессе обсуждения и принятия). В финальном варианте Концепция 2021 г. содержит уже 23 раздела.

Утвержденная Концепция 2021 г. закрепила только два хронологических периода исполнения. Первый этап охватывает отрезок времени с 2021 по 2024 г. и предполагает подготовку нормативных правовых актов, которые направлены на исполнение целей и задач, а также корректировку связанных с этим целевых программ федерального уровня. В числе новаций следует назвать деятельность, связанную с совершенствованием электронного взаимодействия с государственными органами, и образование службы probation.

Второй этап (2025–2030 гг.) предполагает развитие администрирования уголовно-исполнительной системы. Отдельное внимание уделено своевременному подведению промежуточных итогов и подготовке очередного проекта документа, который определит стержневые направления дальнейшего

совершенствования отечественной системы исполнения наказаний [1].

Среди спорных моментов можно указать на приращение в названии обоих рассматриваемых концептуальных документов, как и многих подобного рода актов, промежутка времени «до 20... года». По сути, предлог «до» предметно не закрепляет, проходит ли метка отсчета времени по началу календарного года или по его концу. Слово не устанавливает границ временного периода года, в силу чего точно определить временной промежуток действия концепций не представляется возможным. Необходимо в названии документа закрепить интервал посредством формулировки «на период 2021–2030 гг.».

Формы изучаемых документов одинаковы (концепция), кроме этого в их названиях использован термин «развитие», который равным образом присутствует и в наименовании концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)».

В итоге принято несколько документов в одинаковой форме, с идентичными названиями, различить которые возможно исключительно по виду, периодам действия и другим словам.

Выход из сложившейся ситуации был предложен Р. З. Усеевым, который рекомендовал принимать в будущем подобные документы с использованием иных терминов и фиксируемых временных промежутков. По его мнению, действующая концепция относится к доктринальным правовым актам и должна именоваться «Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы (2021–2030 гг.)» [13].

Концепция 2021 г. по виду является документом планирования. В то же время действующая сегодня система законодательных актов не оперирует данным понятием, а использует сочетание «документ стратегического планирования», что свидетельствует о неопределенности правовой природы концепции как вида документа.

Таким образом, Концепцию 2021 г. нельзя отнести к документам стратегического планирования. Следовательно, и она, и утратившая силу Концепция 2010 г. не являются по форме документами стратегического планирования на основании того, что не отвечают всем требованиям Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который к отраслевым документам стратегического планирования относит другие документы стратегического планирования, которые соответствуют предъявляемым к ним требованиям (ст. 20) и решение о подготовке которых принято главой государства либо правительством.

Исходя из сказанного, применительно к уголовно-исполнительной системе документом стратегического планирования является федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной

системы (2018–2026 годы)». Концепцию же 2021 г., в отличие от федеральной целевой программы, можно считать документом отраслевой политики.

Заключение

Все вышесказанное позволяет сделать частное умозаключение о том, что введенные в действие в последние десятилетия документы планирования, отражающие ведущие идеи развития уголовно-исполнительной системы и избранное направление исполнения уголовных наказаний, предопределили вектор совершенствования соответствующей деятельности, а также правоприменительной практики в сфере исполнения уголовных наказаний.

Детально проанализировав результаты исследования, проблемы, выявленные в ходе реализации концептуальных положений, учитывая позиции ученых и практиков, считаем возможным рекомендовать разработчикам нового юридического документа, направленного на развитие всей системы исполняющих наказания учреждений и органов, исходить из следующего (доктринально-практические предложения):

1. Новый концептуальный документ не должен сводиться исключительно к развитию уголовно-исполнительной системы, а обязан быть направлен на регламентацию преобразований во всей совокупности исполняющих уголовные наказания учреждений и органов. Он может носить рабочее название «Концептуальные основы развития учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в Российской Федерации, на период 2031–2040 годов».

2. Действенным способом введения будущего документа планирования видится утверждение его Президентом Российской Федерации. Это придаст ему более высокое положение в иерархии правовых актов, обеспечит необходимый уровень качества закрепления содержания его положений, а также реализации их в практической деятельности.

3. Определенные в документе планирования конечные результаты и поставленные для их достижения задачи должны отвечать действительности, быть обеспечены достаточным количеством денежных средств, материально-технических ресурсов, а также мероприятиями организационно-штатного характера.

4. Вновь вводимый документ планирования должен быть связан с деятельностью по исполнению уголовных наказаний публичных органов власти и носить межведомственный характер, в связи с чем к подготовке текста важно привлечь представителей различных уровней государственной власти, включая ведомства, реализующие правоохранительные функции, сотрудников образовательных и научно-исследовательских учреждений, а также практических работников стран постсоветского пространства, обладающих опытом создания учреждений объединенного типа и внедрения службы пробации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов, А. Н. Концепция развития УИС РФ на период до 2030 года – методология подготовки проекта / Антипов Алексей Николаевич // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 2. – С. 15–17.
2. Еркина, Т. Н. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года: цель, основные направления развития, современное состояние / Т. Н. Еркина // Современное общество и власть. – 2016. – № 4 (10). – С. 132–135.
3. Закаржевский, Н. Н. Концепция развития УИС на период до 2030 года: о некоторых вопросах содержания осужденных к лишению свободы / Н. Н. Закаржевский // Научное наследие иркутских ученых уголовно-правовой науки : материалы национальной научно-исследовательской конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Г. С. Гаверова и доктора юридических наук, профессора В. Я. Рыбальской. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2021. – С. 29–31.
4. Иванова, М. Н. Проблема отбора целевых показателей при формировании ожидаемых результатов концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года / М. Н. Иванова // Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов выступлений и докладов участников IV Международного пенитенциарного форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : в 10 томах. Том 2. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 84–87.
5. Квашис, В. Е. О новой концепции развития уголовно-исполнительной системы / В. Е. Квашис // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 8–12.
6. Малинин, В. Б. Критические замечания по реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ / В. Б. Малинин // Лучшая научно-исследовательская работа 2017 : сборник статей победителей VI Международного научно-практического конкурса. – Пенза : Наука и Просвещение, 2017. – С. 115–119.
7. Реент, Ю. А. Характер преобразований отечественной пенитенциарной системы с 2010 по 2020 год и тенденции ее развития на последующее десятилетие / Ю. А. Реент // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Том 29, № 3. – С. 314–326.
8. Репин, А. «Год будет непростой»: глава Минюста Константин Чуйченко – о работе ведомства на международной арене и внутри страны / Алексей Репин // RT на русском : сайт. – URL: <https://russian.rt.com/russia/article/815459-minyust-chuichenko-intervyu> (дата обращения: 20.05.2022).
9. Селиверстов, В. И. О будущей концепции развития уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в свете воззрения профессора А. И. Зубкова / В. И. Селиверстов // Организационно-правовое обеспечение деятельности учреждений и органов ФСИН России: проблемы и перспективы развития : материалы межвузовской научной практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова, Дню российской науки, 140-летию УИС и 85-летию Академии ФСИН России. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – С. 259–266.
10. Селиверстов, В. И. О направлениях изменения концептуальных положений уголовно-исполнительной политики Российской Федерации / В. И. Селиверстов // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы всероссийской научно-практической конференции. В 2 частях. Часть 1. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. – С. 200–203.
11. Тепляшин, П. В. Концепция развития уголовно-исполнительной системы России в свете интерпретированных принципов европейской пенитенциарной практики / П. В. Тепляшин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Том 11, выпуск 1. – С. 129–139.
12. Усеев, Р. З. Основы концепции учреждения уголовно-исполнительной системы объединенного типа (гипотеза): пространственное развитие, законодательство, правоприменение / Р. З. Усеев // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 4 (45). – С. 71–78.
13. Усеев, Р. З. Проект концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года: вопросы формы, содержания и сравнения с концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года / Р. З. Усеев // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 2 (38). – С. 77–86.
14. Уткин, В. А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 210–214. – doi: 10.17223/15617793/431/29.
15. Mirić, F. Criminogenic influence of penitentiary institutions / F. Mirić // Facta universitatis. Series: Law and Politics. – 2017. – Volume 15, no. 1. – Pp. 37–44. – doi: 10.22190/FULP1701037M. – URL: https://www.academia.edu/37489417/CRIMINOGENIC_INFLUENCE_OF_PENITENTIARY_INSTITUTIONS (дата обращения: 20.05.2022).
16. Salaev, N. S. Paradigm of forming a liberal penitentiary system – origins, trends and prospects / Nodirbek Saparbaevich Salaev // Review of law sciences. – 2020. – № 1. – С. 151–162. – doi: 10.34920/rls.1.2020.151-162. – URL: https://www.researchgate.net/publication/347913810_PARADIGM_OF_FORMING_A_LIBERAL_PENITENTIARY_SYSTEM_ORIGINS_TRENDS_AND_PROSPECTS (дата обращения: 20.05.2022).

REFERENCES

1. Antipov A.N. The Concept of the development of the penal system of the Russian Federation till 2030: the project drafting methodology. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2020, no. 2, pp. 15–17. (In Russ.).

2. Erkina T.N. Concept of the development of the penal system of the Russian Federation up to 2020: goal, main development directions, current state. *Sovremennoe obshchestvo i vlast'*=*Modern Society and Government*, 2016, no. 4 (10), pp. 132–135. (In Russ.).
3. Zakarzhievskii N.N. Concept of the development of the penal system for the period up to 2030: on some issues of detention of persons sentenced to imprisonment. In: *Nauchnoe nasledie irkutskikh uchenykh ugolovno-pravovoi nauki: materialy natsional'noi nauchno-issledovatel'skoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya zaslužennogo yurista Rossiiskoi Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professora G.S. Gaverova i doktora yuridicheskikh nauk, professora V.Ya. Rybal'skoi* [Scientific heritage of Irkutsk scientists of criminal law science: materials of the national research conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor G.S. Gaverov and Doctor of Sciences Law, Professor V.Ya. Rybalskaya]. Irkutsk: Baikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2021. Pp. 29–31. (In Russ.).
4. Ivanova M.N. The problem of selecting target indicators when forming expected results of the Concept of development of the penal system of the Russian Federation up to 2030. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov 4 mezhdunarodnogo penitentsiarnogo foruma: (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii): v 10 tomakh. Tom 2* [Crime, punishment, correction: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the 4th International penitentiary forum: (to the 140th anniversary of the penal system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia): in 10 volumes. Tom 2]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2019. Pp. 84–87. (In Russ.).
5. Kvashis V.E. About a new concept for the development of the penal system. *Obshchestvo i pravo*=*Society and Law*, 2021, no. 2 (76), pp. 8–12. (In Russ.).
6. Malinin V.B. Critical remarks on the implementation of the concept of the development of the penal system of the Russian Federation. In: *Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2017: sbornik statei pobeditelei 6 mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa* [The best research work of 2017: collection of articles by the winners of the 6th International scientific and practical contest]. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2017. Pp. 115–119. (In Russ.).
7. Reent Yu.A. The nature of the domestic penitentiary system transformations from 2010 to 2020 and the trends of its development for the next decade. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*=*Man: Crime and Punishment*, 2021, vol. 29, no. 3, pp. 314–326. (In Russ.).
8. Repin A. "The year will be difficult": the head of the Ministry of Justice Konstantin Chuichenko – about the work of the department in the international arena and within the country. *RT na rusском: sait* [RT in Russian: website]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/article/815459-minyust-chuichenko-intervyu> (In Russ.). (Accessed May 20, 2022).
9. Seliverstov V.I. On the future concept of the development of the penal policy of the Russian Federation in the light of the views of Professor A. I. Zubkov. In: *Organizatsionno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti uchrezhdenii i organov FSIN Rossii: problemy i perspektivy razvitiya: materialy mezhvuzovskoi nauchnoi prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi pamyati zaslužennogo deyatelya nauki RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora A. I. Zubkova, Dnyu rossiiskoi nauki, 140-letiyu UIS i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii* [Organizational and legal support of the activities of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia: problems and prospects of development: proceedings of the interuniversity scientific practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov, the Day of Russian Science, the 140th anniversary of the UIS and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2019. Pp. 259–266. (In Russ.).
10. Seliverstov V.I. On the directions of changing conceptual provisions of the penal policy of the Russian Federation. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: materialy vserossiiskoi nauchnoi prakticheskoi konferentsii. V 2 chastyakh. Chast' 1* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian scientific practical conference. In 2 parts. Part 1]. In: Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2019. Pp. 200–203. (In Russ.).
11. Teplyashin P.V. Concept of the development of the Russian penitentiary system in light of interpreted principles of European penitentiary practice. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*=*Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 129–139. (In Russ.).
12. Useev R.Z. Fundamentals of the concept of the establishment of a unified penal system (hypothesis): spatial development, legislation, enforcement. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*=*Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 4 (45), pp. 71–78. (In Russ.).
13. Useev R.Z. Draft concept for the development of the penal system until 2030: issues of form, content and comparison with the concept for the development of the penal system until 2020. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*=*Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 2 (38), pp. 77–86. (In Russ.).
14. Utkin V.A. The penitentiary system modernization concept as a doctrinal political and legal act. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*=*Tomsk State University Journal*, 2018, no. 431, pp. 210–214. (In Russ.). doi: 10.17223/15617793/431/29.
15. Mirić F. Criminogenic influence of penitentiary institutions. *Facta universitatis. Series: Law and Politics*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 37–44. Available at: https://www.academia.edu/37489417/CRIMINOGENIC_INFLUENCE_OF_PENITENTIARY_INSTITUTIONS (accessed May 20, 2022). doi: 10.22190/FULP1701037M
16. Salaev N.S. Paradigm of forming a liberal penitentiary system – origins, trends and prospects. *Review of Law Sciences*, 2020, no. 1, pp. 151–162. Available at: https://www.researchgate.net/publication/347913810_PARADIGM_OF_FORMING_A_LIBERAL_PENITENTIARY_SYSTEM_-ORIGINS_TRENDS_AND_PROSPECTS (accessed May 20, 2022). doi: 10.34920/rls.1.2020.151-162.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ДЯДЬКИН – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, krimvggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАЛЯШИН – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия, cav71@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9699-020X>

OLEG N. DYAD'KIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, krimvggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>

ANDREI V. KALYASHIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Constitutional and Municipal Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, cav71@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9699-020X>

Статья поступила 25.05.2022

Научная статья

УДК 159.9.07

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.009

Эмоциональные состояния осужденных: модель программы психологической коррекции

НИГАР НАЗИМОВНА АЛИГАЕВА

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга,
Россия

Исправительная колония № 2 УФСИН России по Рязанской области, Рязань,
Россия

nigar-0520@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>

Реферат

Введение: в статье представлены результаты апробации программы психологической коррекции эмоциональных состояний осужденных, направленной на постепенную проработку состояний, возникающих на всех отрезках жизненного пути. В программе, которая длилась пять месяцев, приняли участие 167 чел., отбывающих наказание в виде лишения свободы в подведомственных организациях и учреждениях УФСИН России по Рязанской области. *Методы:* на разных этапах реализации программы использовались следующие методики: шкалы позитивного аффекта и негативного аффекта (адаптация Е. Н. Осина), шкала ситуативной тревожности Спилбурга – Ханина, шкала дифференциальных эмоций К. Изарда, опросник потребности в общении и потребности в достижении Ю. М. Орлова, тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо. *Результаты:* в результате программы снизились показатели ситуативной тревожности по сравнению с первичными результатами, эмоциональные состояния недостижения цели особых изменений не претерпели, однако повысились показатели экстрапунитивной направленности и эгозащитного типа реакций, повысилась потребность в общении, индекс позитивных эмоций, снизились показатели индексов негативных и тревожно-депрессивных эмоций, что свидетельствует об эффективности реализуемых мероприятий. *Выводы:* проведение занятий в контексте временных отрезков позволило всецело рассмотреть состояния осужденных, затрагивая их прошлый опыт и будущие планы и оказывая влияние на их актуальное состояние, что способствовало оптимизации эмоционального фона и снижению проявлений деструктивного поведения в процессе отбывания наказания.

Ключевые слова: эмоциональные состояния; эмоции; психологическая коррекция; места лишения свободы; осужденные; восприятие психологического времени; временные отрезки.

5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Алигаева Н. Н. Эмоциональные состояния осужденных: модель программы психологической коррекции // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 310–319. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.009.

Original article

Emotional States of Convicts: a Model of a Psychological Correction Program

NIGAR N. ALIGAEVA

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia
Correctional Facility No. 2 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the
Ryazan Oblast, Ryazan, Russia
nigar-0520@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>

Abstract

Introduction: the article presents results of testing the program for psychological correction of convicts' emotional states, aimed at gradual elaboration of conditions arising at all stages of the life path. The 5-month program involved 167 people serving sentences of imprisonment in subordinate organizations and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan Oblast. *Methods:* at different stages of the program implementation, the following methods were used: scales of positive affect and negative affect (as adapted by E.N. Osin), Spielberger-Hanin anxiety test, K. Izard's differential emotions scale, Y.M. Orlov's questionnaire of the need for communication and the need for achievement, Rosenzweig frustration test, and Zimbardo time perspective inventory. *Results:* as a result of the program, the indicators of situational anxiety decreased compared to the primary results, the emotional states of failure to achieve the goal did not undergo any special changes, however, the indicators of extra-punitive and ego-defense responses went up, the need for communication and the positive emotions index increased, the indices of negative and anxious and depressive emotions declined, which indicates success of the measures implemented. *Conclusions:* conducting classes with convicts in the context of time periods allowed us to fully consider conditions of convicts, affecting their past experience and future plans and influencing their current state, which contributed to optimizing the emotional state and reducing manifestations of destructive behavior during the process of serving a sentence.

Key words: emotional states; emotions; psychological correction; places of imprisonment; convicts; perception of psychological time; time intervals.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

For citation: Aligaeva N. N. Emotional states of convicts: a model of a psychological correction program. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 310–319. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.009.

Введение

Эмоциональные состояния играют значимую роль в жизни человека, отбывающего наказание в местах лишения свободы. Согласно определению А. А. Редана эмоциональные состояния – это «относительно устойчивые переживания человеком своего отношения к окружающей действительности и к самому себе в определенный момент времени, относительно типичные для данного человека» [14]. Являясь индикаторами имеющихся проблем, они позволяют регулировать поведение осужденных.

Представления человека о себе и своем жизненном пути опираются на его прошлый опыт, позволяющий самостоятельно создавать повествование о значимых событиях, закрепленных эмоциональными состояниями [8]. М. Беккер с коллегами считают, что восприятие «повествования» жизни и его ассоциативных связей с прошлым позволяет предсказывать степень, в которой человек может чувствовать самодостаточность и способен ставить четкие цели и планировать будущее [18]. Автобиографические воспоминания о жизни также сохраняют заместительные воспоминания о событиях, произошедших с другими людьми, но воспринимаемых как ценная часть собственной истории, оказывают влияние на формирование эмоционального опыта [24].

В научных источниках встречаются различные термины, обозначающие «восприятие времени»: временная трансспектива (В. И. Ковалев), временная ориентация (Ф. Зимбардо), субъективная картина жизненного пути (Б. Г. Ананьев, А. А. Кроник, Е. И. Головаха), временной кругозор (П. Фресс) и др. В исследовании нами используется понятие «психологическое время», отражающее систему временных отношений человека между событиями, происходящими в его жизни, в сочетании с понятием «временная перспектива», обозначающим совокупность представлений человека о прошлом, настоящем и будущем. Данные термины являются синонимами и показывают значимость событий в определении представлений о психологическом прошлом, настоящем и будущем.

Современные исследователи считают, что представления человека о прошлом являются результатом субъективной эмоциональной и когнитивной обработки. В частности, была выявлена связь «между стратегиями регуляции эмоций “руминация” и “катастрофизация” и негативными представлениями о прошлом» [13]. На характер актуализации событий способно оказывать воздействие доминирующее в настоящий момент эмоциональное состояние [16]. В теориях когнитивной оценки процессы оценивания

рассматриваются как первичные, каузальные факторы, оказывающие воздействие на эмоциональные состояния. В данном процессе значимую роль играют прошлый опыт и представления человека о будущем.

Проблема взаимодействия эмоциональных и когнитивных процессов, влияния эмоций на переживание времени рассматривается в нескольких научных трудах [19; 20; 22]. В недавних исследованиях выявлены значимые корреляции между показателями временной перспективы и регуляции эмоций [21].

В настоящее время психокоррекционные программы, используемые в отношении осужденных, опираются в основном на положения когнитивно-поведенческого подхода и воздействуют на различные сферы (когнитивная, ценностно-смысловая, эмоциональная), а также используют различные методики и техники (арт-терапевтические, техники позитивного мышления, когнитивной психотерапии). Однако большинство исследователей отмечают, что формирование целостного восприятия жизненного пути у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, способствует подготовке к успешной адаптации к жизни после освобождения из исправительных учреждений (Н. А. Коновалова [7], О. Б. Шредер [17], А. Б. Абибулаева, Л. В. Мардахаев, А. К. Куатов [1]), поэтому была предпринята попытка разработать программу коррекции эмоциональных состояний с учетом особенностей восприятия психологического времени. Для реализации данной задачи применялись интегративный подход (субъектный подход к групповой работе И. В. Вачкова и С. Д. Дерябо), основные положения транзактного анализа Э. Берна (структурный анализ личности, анализ транзакций), экспериментально-феноменологический подход гештальт-терапии Ф. Перлза, положения поведенческой игровой психотерапии, основанной на теориях Б. Ф. Скиннера (теории социального научения) и А. Бандуры (теории социально-когнитивного научения), положения Б. Ф. Скиннера о личности человека как сумме паттернов поведения (каждая индивидуальная реакция основана на предыдущем опыте и генетических особенностях), акмеологический вариант терапии творческим самовыражением М. Е. Бурно. При работе с каждым временным отрезком в зависимости от целей занятия использовался определенный подход, позволяющий максимально раскрыть имеющиеся проблемы и обеспечить полноценное функционирование личности.

Ю. Ю. Неяскина указывает, что под воздействием сложных жизненных ситуаций, в частности при отбытии наказания в местах лишения свободы, происходят изменения в восприятии временных отрезков жизни, в том числе наблюдается дефицитарность смысловой наполненности каждого из них. Автор считает, что направленность лиц на определенный этап жизни (фиксация на моментах прошлого, гедонистическое отношение к событиям настоящего, нереалистичность представлений о будущем) можно рассматривать как копинг-стратегию для совладания с трудными жизненными обстоятельствами, однако часто она приводит к сложностям в дальнейшей адаптации, не позволяет предпринимать активные (и адекватные) способы разрешения жизненных проблем [11].

С. В. Бабури и Э. В. Зауторова провели анкетирование среди осужденных исправительных учреждений УФСИН России по Вологодской области, посредством которого выявили, что для осужденных характерны негативные представления о себе, своей жизни в настоящем этапе, трудности в планировании будущего [4].

М. Г. Флаэрти отмечает, что, отбывая наказание в исправительном учреждении, осужденные подчиняются строгому временному режиму, что приводит к игнорированию отдаленного будущего и восприятию времени «как мучительной ноши». Стратегией сопротивления данному явлению является темпоральное сжатие – восприятие того, что время (то есть их срок отбывания) пройдет быстро [23]. Изменения восприятия психологического времени под воздействием пространственных характеристик также фиксировала Е. В. Некрасова, отмечая, что возможны как «скоростные» изменения субъективного восприятия, так и «качественные» изменения, характеризующиеся потерей чувства реальности [10].

При исследовании особенностей восприятия психологического времени осужденными, имеющими большие сроки отбытия наказания или отбывающими пожизненное лишение свободы, были выявлены позитивные установки в отношении прошлого, его положительное реконструирование, низкий уровень фаталистичности настоящего, направленность на будущее, его планирование, идеализация и детализация. Данные особенности восприятия временной перспективы исследователи объясняют стремлением осужденных обеспечить опору для совладания с «неподвижностью» времени, скудностью происходящих событий, желанием условно-досрочного освобождения для реализации задуманных планов (Ю. Ю. Неяскина [11], Ю. В. Славинская, Б. Г. Бовина [15]).

А. А. Мартынова установила, что профиль временной перспективы у осужденных не зависит от срока наказания, при этом отмечается тенденция к преобладанию ориентации на будущее, что позволяет ставить цели, придающие смысл настоящему и поддерживающие связь с реальным миром [9]. Позитивное восприятие прошлого и будущего, ориентация на фаталистическое настоящее определяют несбалансированный профиль, связанный с невозможностью что-либо изменить в актуальном периоде своей жизни, несмотря на прошлое и будущее, являющиеся ресурсными. Однако Е. А. Ипполитова отмечает, что в период адаптации к местам лишения свободы для осужденных свойственен выраженный пессимизм к прошлому, настоящему и частично будущему, в середине срока исполнения наказания появляются ностальгия по прошлому и относительное принятие настоящего, перед освобождением прошлое и настоящее в значительной степени отвергаются, возникает тревога в отношении будущего [6]. Данные различия в полученных результатах свидетельствуют о том, что при анализе особенностей восприятия психологического времени необходимо также учитывать дополнительные факторы, которые способны оказывать значимое воздействие на исследуемые показатели. Например, Э. Пиотров, Р. Кадзиковска-Вжосек выявили, что низкие баллы по шкале «самоконтроль»

среди осужденных приводят к доминированию ориентации «фаталистическое настоящее», что, в свою очередь, негативно влияет на самоопределение [25].

Польскими исследователями разработана методика «Prison Time», направленная на изучение перцептивно-формальных измерений времени (темп, динамика, изменчивость) и эмоционально-валентных измерений (эмоциональное отношение к переживанию времени на момент отбытия наказания) [26]. В исследовании было выявлено, что осужденные мужчины по-разному воспринимают отношения между периодами, принимают иную временную ориентацию, отличную от той, которая наблюдается в общей популяции, однако частота раздумий о конкретных категориях времени у них схожая [27].

Сложные жизненные обстоятельства приводят к переосмыслению временных отрезков прошлого, настоящего и будущего, выделяют в них значимые моменты, изменяют отношение к ним и затрагивают ценностную сферу человека [2]. Отбытие наказания в местах лишения свободы, являясь достаточно трудной ситуацией, способствует разделению жизни на этапы до совершения преступления и после освобождения. Период нахождения в исправительном учреждении является предпосылкой к данному переосмыслению. Именно поэтому модель разработанной психокоррекционной программы предполагает работу с эмоциональными состояниями в контексте понятия временной перспективы, последовательно рассматривает прошлый опыт человека, планы на будущее и актуальное в настоящее время состояние, что позволит осужденному адаптироваться к периоду отбывания наказания.

Методы

Разработанная психокоррекционная программа апробировалась на 167 осужденных мужского пола, отбывающих наказание в виде лишения свободы в подведомственных организациях и учреждениях УФСИН России по Рязанской области. В экспериментальную группу были включены 62 осужденных, в контрольную – 105.

Выборки в основном обладают следующими параметрами: средний уровень образования, не состоящие в браке, совершившие особо тяжкое преступление, открыто сотрудничающие с администрацией исправительного учреждения.

Психокоррекционная программа реализовывалась на протяжении пяти месяцев. Раз в две недели с участниками проводилась экспресс-диагностика с использованием Шкалы позитивного и негативного аффектов (адаптация Е. Н. Осина [12]) для выявления динамики изменений.

Временные отрезки прошлого, настоящего и будущего соотносились с выделенными Е. П. Ильиным эмоциональными состояниями:

1. «Прошлое» – эмоциональные состояния прогноза/ожидания.

2. «Будущее» – эмоциональные состояния, связанные с недостижением цели.

3. «Настоящее» – коммуникативные эмоциональные состояния [5].

Первый месяц, основной целью которого была проработка ожиданий и прогнозов человека отно-

сительно будущих событий и действий на основе собственного прошлого опыта, назван блоком «Прошлое» (табл. 1).

Таблица 1
Основные мероприятия блока «Прошлое»

№ п/п	План мероприятий	Домашние задания
1	Знакомство. Метод регрессии. Упражнения «Наши ожидания», «Карусель общения», «Путешествие в прошлое»	Ответить на вопросы
2	Просмотр фильма «День сурка», обсуждение значимых моментов	Составить список своих страхов, опасений и переживаний, опираясь на прошлый опыт
3	Метод обмена опытом. Упражнения «Автопортрет», «Кинопроба», притча	Прием «Вечерний пересмотр событий»
4	Метод имитации. Притча. Медитация «Мудрец из храма»	Техника «Отрезать, отбросить»

Второй месяц работы был посвящен выявлению жизненных целей осужденного, обучению целеполаганию (табл. 2).

Таблица 2
Основные мероприятия блока «Будущее»

№ п/п	План мероприятий	Домашние задания
1	Метод символического самовыражения. Упражнения «Мобилизующее дыхание», «Концентрация на счете», «Групповой рассказ», медитация-визуализация «Горная вершина»	Составить список своих жизненных целей и желаний
2	Метод группового решения проблем. Упражнение «Катастрофа в пустыне»	Выполнение теста ценностных ориентаций М. Рокича
3	Метод группового решения проблем. Упражнения «Качества», «Комиссионный магазин», «Чемодан», техника постановки целей SMART	Написать 10–15 жизненных целей, используя технику SMART
4	Метод операционализации. Лекция «Техники постановки целей». Разбор конкретных целей осужденных с учетом возможных фрустрационных ситуаций	Отправить письмо себе в будущее

Последующие три месяца включали работу с тремя векторами направления общения: «осужденный – осужденный», «осужденный – сотрудник», «осужденный – родственник, знакомый», так как настоящее осужденных заключается в коммуникации с другими людьми в процессе бытового взаимодействия в исправительном учреждении (табл. 3).

План мероприятий блока «Настоящее»

№ п/п	Осужденный – осужденный	Осужденный – сотрудник	Осужденный – родственник, близкий
1	«Три имени», «Подчеркивание общности», «Подчеркивание значимости»	«Вербальные и невербальные проявления», упражнение «Я – взрослый», мини-лекция «Типичные схемы взаимодействия», «Маяк»	«Конфликт», техника «Изменить то, что не нравится» (Т. Крупская) с использованием метафорических ассоциативных карт «Диксит»
2	«Я так боюсь, а многие этого не боятся», «Я не боюсь, а многие боятся», «Как же ты научился этого не бояться?»	«Без маски», «Критика», мини-лекция «Модель конструктивной критики», «Конструктивная критика»	«Выплескивание агрессивности», «Техники слушания»
3	«Чувство», «Техника вежливого отказа»	Групповая дискуссия «Можно ли жить без установленных правил?», упражнения «Неуверенные, уверенные и агрессивные ответы», ролевая игра	«Прошлое, настоящее и будущее», «Карусель»
4	«Сыщики», рисунок на тему «Диалог»	«Концентрация на нейтральном предмете», «Сосредоточение на эмоциях и настроении», ролевая игра	Рисунок в круге «Маңдалы», упражнение «Пожелание по кругу»

По окончании эксперимента проводилась углубленная диагностика с использованием методик: шкала ситуативной тревожности Спилбурга – Ханина, шкала дифференциальных эмоций К. Изарда, опросник потребности в общении и потребности в достижении Ю. М. Орлова, тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо.

Количественная обработка психодиагностических данных осуществлялась в программе Psychometric Expert 9.1.0. Качественная обработка представлена анализом и описанием полученных результатов.

Статистическая обработка производилась в программе IBM SPSS Statistics 22 в несколько этапов. Для оценки различий в уровне выраженности признаков, измеренных до и после проведения психокоррекционной программы, использовался Т-критерий Вилкоксона. Для оценки различий по уровню выраженности изучаемых признаков в экспериментальной и контрольной группах применялся U-критерий Манна – Уитни. Для выявления динамики изменений в экспериментальной группе в течение проведения программы использовался критерий Фридмана.

Результаты

В ранних наших исследованиях были отражены результаты апробации психокоррекционной программы на выборке осужденных-инвалидов, отбывающих наказание в ИК-2 УФСИН России по Рязанской области (мужская исправительная колония строгого режима). Мероприятия программы, проводимые в групповом формате с осужденными-инвалидами, показали свою эффективность, однако динамика изменений у каждого была индивидуальна [3].

Рассмотрим результаты апробации психокоррекционной программы на выборке осужденных, не имеющих инвалидности. Анализ методик, проведенных в конце эксперимента, свидетельствует о снижении показателей ситуативной тревожности, индекса негативных и тревожно-депрессивных эмоций, а также повышении показателей степени социальной

адаптивности (GCR) и индекса позитивных эмоций (рис. 1). Статистически значимых различий достигли показатели шкал «Потребность в общении» ($T = 28.38$, $p < 0,01$) и «Индекс негативных эмоций» ($T = 25.63$, $p < 0,01$), а также экстрапунитивная ($T = 18.41$, $p < 0,01$) и интрапунитивная ($T = 24.53$, $p < 0,01$) направленности реакций и эгозащитный ($T = 20.13$, $p < 0,01$) и необходимо-упорствующий ($T = 24.44$, $p < 0,01$) типы реакций.

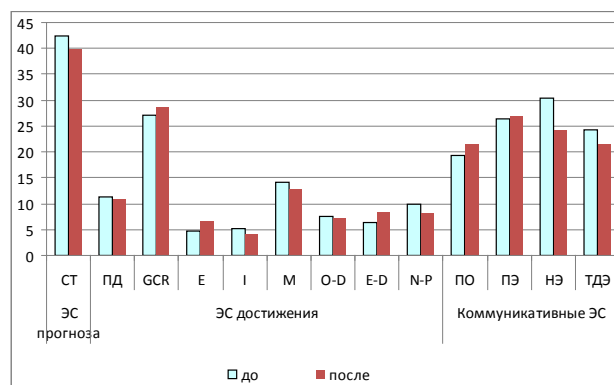

Рис. 1. Сравнение средних показателей эмоциональных состояний до и после психокоррекционной программы

Примечание. ЭС – эмоциональные состояния; СТ – ситуативная тревожность; ПД – потребность в достижении; GCR – степень социальной адаптивности, E – экстрапунитивная направленность реакций, I – интрапунитивная направленность реакций, M – импунитивная направленность реакций, O-D – препятственно-доминантный тип реакции, E-D – эгозащитный тип реакции, N-P – необходимо-упорствующий тип реакции; ПО – потребность в общении; ИПЭ – индекс позитивных эмоций, ИНЭ – индекс негативных эмоций, ТДЭ – тревожно-депрессивные эмоции.

Ситуативная тревожность осужденных в основном была связана с прогнозированием своего будущего после освобождения из мест лишения свободы. У большинства имелся негативный опыт трудоустройства, семейной жизни, выстраивания отношений с другими людьми, что затрудняло процесс ресоциа-

лизации и способствовало повторному нарушению правопорядка. Данный опыт способствовал негативному прогнозу возможных событий, что являлось одной из причин подавленного состояния. В первый месяц программы психологические мероприятия были направлены на изучение событий прошлого и возможных способов разрешения схожих проблем при их возникновении в будущем. Осужденные обратили внимание, что их жизненные истории и трудности не являются уникальными: другие лица, принимавшие участие в программе, также имели подобные проблемы. Возможность поделиться своей историей создавала благоприятную атмосферу в группе, что способствовало снижению тревожности и повышению степени социальной адаптивности.

По результатам проведенной психокоррекционной программы повысились показатели потребности в общении, однако целенаправленная работа в этом направлении организована не была. Основным форматом проведения психологических мероприятий являлись групповые занятия, что позволяло осужденным обсуждать значимые для них вопросы совместно. Активная дискуссия и групповое выполнение заданий выявляли общие темы для разговоров, которые могли продолжаться в повседневной жизни в исправительном учреждении. Интерес к групповой деятельности способствовал повышению индекса позитивных эмоций и снижению индексов негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

Анализ позволил выявить статистически значимые различия только по показателям шкал препятственно-доминантного «O-D» ($U = 2658.0, p < 0,05$) и эгозащитного «E-D» ($U = 2640.5, p < 0,05$) типов реакций.

Сравнение средних показателей позволило выявить повышение показателей по шкалам «Индекс позитивных эмоций» и «Степень социальной адаптивности» (рис. 2) в экспериментальной группе осужденных.

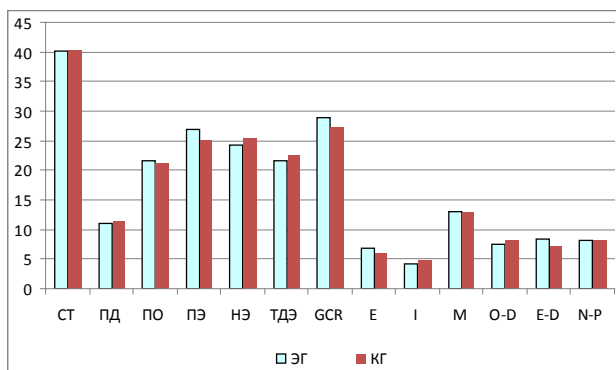

Рис. 2. Сравнение средних показателей эмоциональных состояний в экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) группах

Примечание. СТ – ситуативная тревожность; ПД – потребность в достижении; ПО – потребность в общении; ИПЭ – индекс позитивных эмоций, ИНЭ – индекс негативных эмоций, ТДЭ – тревожно-депрессивные эмоции; GCR – степень социальной адаптивности, E – экстрапунитивная направленность реакций, I – интрапунитивная направленность реакций, M – импунитивная направленность реакций, O-D – препятственно-доминантный тип реакции, E-D – эгозащитный тип реакции, N-P – необходимо-упорствующий тип реакции.

При исследовании динамики состояния осужденных были выявлены закономерности на высоком уровне статистической значимости между показателями позитивного ($\chi^2 = 461.1, p < 0,001$) и негативного аффектов ($\chi^2 = 90.1, p < 0,001$).

На рис. 3 показана динамика позитивного и негативного аффектов на основе измерений, которые проводились раз в две недели. К 3–5 замерам можно наблюдать резкий скачок негативного аффекта, который мы связываем с переходом к блоку «Будущее», являющемуся для осужденных одним из самых трудных и неопределенных. Большинство отбывающих наказание в местах лишения свободы являются рецидивистами и после освобождения испытывают трудности в адаптации к жизни за пределами исправительного учреждения, что приводит к повторному совершению правонарушения. Трудности в планировании будущего связаны с нереалистичностью видимых перспектив, их несоответствием имеющимся адекватным возможностям человека.

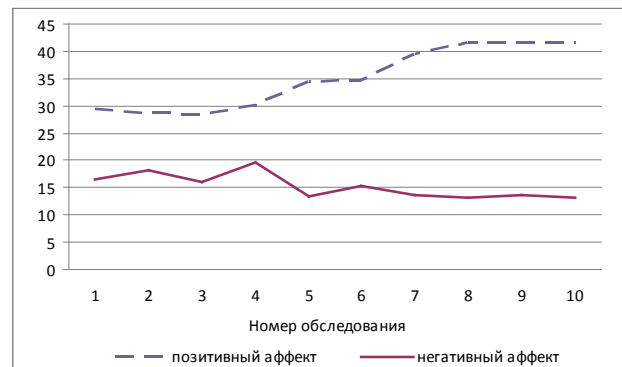

Рис. 3. Динамика позитивного и негативного аффектов

Кластерный анализ позволил разделить экспериментальную группу на два кластера, отличающихся динамикой эмоционального состояния на протяжении всего периода проведения программы: в первый кластер вошли 46 чел., во второй – 16 (рис. 4). Можно отметить, что для участников второго кластера характерны плавные изменения позитивного аффекта. У осужденных первого кластера наблюдается резкий скачок на 5-м замере, связанный с переходом к блоку «Настоящее», который направлен на работу с актуальными состояниями в период отбывания наказания в местах лишения свободы.

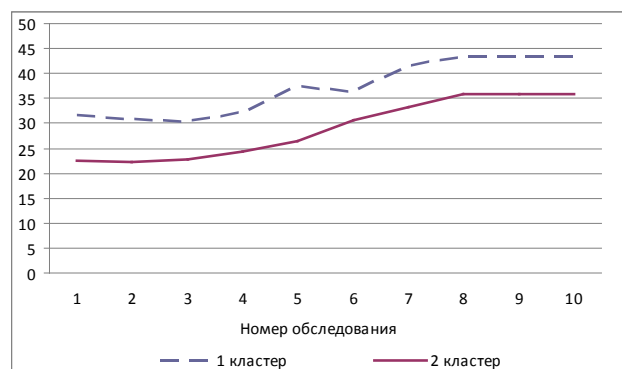

Рис. 4. Динамика позитивного аффекта в 1 и 2 кластерах

Во втором кластере наблюдаются постепенное снижение негативного аффекта к середине программы и скачки на 7-м и 9-м замерах, которые связаны с проведением занятий в направлении коммуникации осужденных с сотрудниками и родственниками (рис. 5).

Рис. 5. Динамика негативного аффекта в 1 и 2 кластерах

В первом кластере скачки отражают конец блоков «Прошлое» и «Будущее». Осужденные отмечали, что одного месяца для проработки прошлого опыта и будущих планов для них недостаточно и завершение одного этапа приводило к сожалению. Блок «Настоящее» не так сильно затрагивал их эмоциональные состояния, поскольку в актуальном периоде их жизнь не была насыщена определенными событиями, только взаимодействие и коммуникация на уровне «осужденный – осужденный» вызывали яркие дискуссии, потому что именно данный вектор отношений был полон различными конфликтными ситуациями, требующими обсуждения.

В результате проведенной психокоррекционной программы изменились отношение осужденных к собственным целям и планам на будущее, а также восприятие событий настоящего периода, возникло желание достичь удовлетворительных отношений с другими людьми для поддержания оптимального эмоционального состояния в период отбывания наказания в исправительном учреждении. Статистически значимых различий достигли показатели шкал «Позитивное прошлое» ($T = 26.0, p < 0,001$), «Гедонистическое настоящее» ($T = 10.5, p < 0,001$), «Фаталистическое настоящее» ($T = 30.18, p < 0,001$), «Будущее» ($T = 13.5, p < 0,001$) (рис. 6).

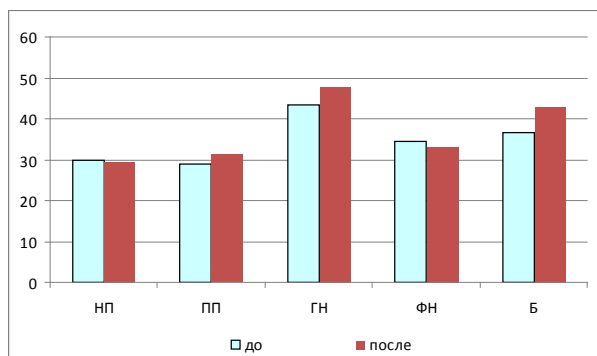

Рис. 6. Сравнение средних показателей по опроснику временной перспективы

Примечание. НП – негативное прошлое, ПП – позитивное прошлое, ГН – гедонистическое настоящее, ФН – фаталистическое настоящее, Б – будущее

Обсуждение

В условиях ограничения свободы («пространственные ограничения») изменяется восприятие времени, что также может приводить к определенным изменениям в состоянии осужденных. Психокоррекционная программа, направленная на работу с эмоциональными состояниями на каждом временном этапе, позволяет осужденным воспринимать жизнь не как отрезки «до» и «после» отбытия наказания, а как единое целое, как цикл взаимосвязанных событий. Оптимизация эмоционального состояния согласно восприятию прошлого, настоящего и будущего приводит к благоприятному прогнозу процесса адаптации к сложным жизненным обстоятельствам.

Степень связи между категориями времени демонстрирует, насколько предыдущий опыт отражается на настоящем времени, а оно, в свою очередь, влияет на будущее. Полученные данные свидетельствуют о фиксации осужденных на временном отрезке прошлого, которая выражается в определенных эмоциональных состояниях, оказывающих воздействие на субъективное восприятие остальных временных отрезков. Целенаправленная работа с каждым жизненным этапом позволяет снизить проявление негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

Однако одним из значимых факторов, требующих исследования при оценке эмоциональных состояний осужденных, является социально-психологическая обстановка (СПО), так как осужденные пребывают в закрытом пространстве весь основной период отбытия наказания и подвержены заражению общим настроением окружающих.

В выборку были включены 2092 осужденных, что составляет 72,3 % от общего числа лиц, отбывающих наказание в подведомственных организациях и учреждениях УФСИН России по Рязанской области. Диапазон – от 21 года до 75 лет с разным семейным положением и образовательным уровнем (табл. 4).

Таблица 4
Социально-психологическая обстановка в текущем периоде

Показатели		2-й квартал 2021 г.
1		2
Блок 1. Условия отбывания наказания	ср. зн.	78 %
	интерпретация	удовл.
Блок 2. Оперативная обстановка в исправительном учреждении	ср. зн.	72 %
	интерпретация	удовл.
Блок 3. Взаимоотношения в системе «сотрудник – осужденный»	ср. зн.	74 %
	интерпретация	удовл.
Блок 4. Взаимоотношения в системе «осужденный – осужденный»	ср. зн.	67 %
	интерпретация	нест.
Блок 5. Состояние осужденных	ср. зн.	78 %
	интерпретация	удовл.
Блок 6. Система установок и мотивации осужденных	ср. зн.	79 %
	интерпретация	удовл.

	1	2
Оценка СПО	количество неудовлетворительных оценок по блокам	0
	количество нестабильных оценок по блокам	1
	количество удовлетворительных оценок по блокам	5

Изучение социально-психологической обстановки в учреждениях позволило выявить изменения общего фона настроения осужденных, связанного с эпидемиологической обстановкой и сменой руководства. В определенной степени это оказало влияние на показатели осужденных контрольной группы. Однако, несмотря на сложившиеся обстоятельства, показатели осужденных, принимавших участие в программе, являются достаточно позитивными.

Выводы

Психокоррекционная программа, основанная на сопоставлении эмоциональных состояний с понятием

«временная перспектива», показала свою эффективность на выборке осужденных: снизились показатели ситуативной тревожности по сравнению с первичными результатами, эмоциональные состояния достижения (недостижения) цели особых изменений не претерпели, однако повысились показатели экстрапунитивной направленности и эгозащитного типа реакций, потребность в общении, индекс позитивных эмоций, при этом снизились показатели индексов негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

Для развития данного научного направления возможны расширение разработанной модели исследования с рассмотрением большего числа компонентов в структуре эмоциональных состояний, адаптация занятий программы для проведения тренингов в индивидуальной форме в рамках реализации психологических мероприятий согласно индивидуальной программе психологического сопровождения осужденных, состоящих на различных видах профилактического учета, а также мероприятий с освобождающимися осужденными в Школе подготовки к освобождению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибулаева, А. Б. Временная перспектива как фактор ресоциализации осужденных / А. Б. Абибулаева, Л. В. Мардахаев, А. К. Куатов // ЦИТИСЭ. – 2019. – № 3 (20). – С. 22–23.
- Акименко, А. К. Представления о прошлом, настоящем и будущем в системе социально-психологической адаптации личности / А. К. Акименко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акрмеология образования. Психология развития. – 2014. – Том 3, № 2. – С. 131–142.
- Алигаева, Н. Н. Опыт реализации программы психологической коррекции эмоциональных состояний осужденных-инвалидов / Н. Н. Алигаева // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – Том 27, № 3. – С. 224–233.
- Бабурин, С. В. Работа пенитенциарного педагога-психолога с негативными эмоциональными состояниями осужденных в местах лишения свободы / С. В. Бабурин, Э. В. Заурова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 4 (67). – С. 76–78.
- Ильин, Е. П. Психофизиология состояний человека / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 412 с. – ISBN 5-469-00446-5.
- Ипполитова, Е. А. Особенности временной перспективы осужденных на разных этапах отбывания наказания / Е. А. Ипполитова // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 88–97.
- Коновалова, Н. А. Деятельность специалиста по социальной работе по упорядочению временной перспективы / Н. А. Коновалова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 11-1 (65). – С. 48–53.
- Макушина, О. П. Восприятие прошлого, настоящего и будущего студентами с разным психологическим возрастом / О. П. Макушина // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. – 2019. – № 3. – С. 46–50.
- Мартынова, А. А. Временная перспектива осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания / А. А. Мартынова // Ученые записки СПбГМУ им. И. П. Павлова. – 2014. – № 4. – С. 54–58.
- Некрасова, Е. В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Некрасова Евгения Владимировна. – Барнаул, 2005. – 47 с.
- Неяскина, Ю. Ю. Временная перспектива осужденных к лишению свободы / Ю. Ю. Неяскина // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности : сборник научных статей X Международной научно-практической конференции. – Ульяновск : Зебра, 2021. – С. 143–154. – ISBN 978-5-6045893-4-2.
- Осин, Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики Panas / Е. Н. Осин // Психология. Журнал ВШЭ. – 2012. – Том 9, № 4. – С. 91–110.
- Падун, М. А. Опосредующая роль регуляции эмоций и временной перспективы во взаимосвязи между темпераментальными чертами и эмоциональными состояниями / М. А. Падун, М. А. Гагарина, А. Н. Зелянина // Экспериментальная психология. – 2020. – Том 13, № 4. – С. 36–51.
- Психология человека от рождения до смерти / под общей редакцией А. А. Реана. – Санкт-Петербург : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. – 656 с. – ISBN 5-93878-029-2.
- Славинская, Ю. В. Временная перспектива отбывающих пожизненное лишение свободы / Ю. В. Славинская, Б. Г. Бовин // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 4. – С. 41–54.
- Спиваковская, А. С. Актуальное эмоциональное состояние и переживание времени: бейотерапевтический подход / А. С. Спиваковская, А. С. Четкина // Психологические и психоаналитические исследования : ежегодник 2018–2019 / ответственные редакторы А. А. Демидов, Л. И. Сурат. – Москва : Моск. ин-т психоанализа, 2020. – С. 116–129. – ISBN 978-5-89353-615-7.

17. Шредер, О. Б. Формирование временной перспективы у осужденных как ресурсный потенциал личности в процессе ресоциализации / О. Б. Шредер // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы всероссийской научно-практической конференции (30–31 мая 2019 г.) : в 2 частях. – Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2019. – С. 271–274. – ISBN 978-5-91612-251-0.
18. Being oneself through time: bases of self-continuity across 55 cultures / M. Becker, V. Vignoles, E. Owe and others // *Self and Identity*. – 2018. – Volume 17, no. 3. – Pp. 276–293.
19. Droit-Volet, S. Time perception, emotions and mood disorders / S. Droit-Volet // *Journal of Physiology*. – 2013. – Volume 107, no. 4. – Pp. 255–264.
20. Droit-Volet, S. How emotions color our time perception / Sylvie Droit-Volet, Warren H. Meck // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2007. – Volume 11, issue 12. – Pp. 504–513.
21. Klimanova, S. Time perspective orientation and emotion regulation / S. Klimanova, A. Trusova, A. Gvozdetskiy, A. Berезина // 5th International Conference on Time Perspective : book of abstracts. – Vilnius : Vilnius University, 2021. – P. 100. – URL: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (дата обращения: 25.02.2022).
22. Lui, M. A. Emotion effects on timing: attention versus pacemaker accounts / M. A. Lui, T. B. Penney, A. Schirmer // *PLoS One*. – 2011. – Volume 6, no. 7. – Pp. 21–29.
23. Flaherty, M. G. Time in prison as contested terrain: temporal regime versus temporal resistance / M. G. Flaherty // 5th International Conference on Time Perspective : book of abstracts. – Vilnius : Vilnius University, 2021. – P. 15. – URL: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (дата обращения: 25.02.2022).
24. Gofman, A. Vicarious memories in the personal past predict empathy, but differently in the Chinese and Russian Samples / A. Gofman // 5th International Conference on Time Perspective : book of abstracts. – Vilnius : Vilnius University, 2021. – Pp. 27–28. – URL: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (дата обращения: 25.02.2022).
25. Piotrow, E. Self-determination among inmates serving prison sentences in selected systems: the role of temporal orientation and self-control skills / E. Piotrow, R. Kadzikowska-Wrzosek // *Resocjalizacja Polska (Polish Journal of Social Rehabilitation)*. – 2021. – No. 21 – Pp. 317–331.
26. Prison time experience – a semantic differential study / K. Tucholska, M. Wysocka-Pleczyk, B. Gulla, P. Piotrowski, S. F. M. Sekulak, K. Głomb // 5th International Conference on Time Perspective : book of abstracts. – Vilnius : Vilnius University, 2021. – P. 74. – URL: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (дата обращения: 25.02.2022).
27. Spatial metaphors of inmates' time experience / K. Tucholska, M. Wysocka-Pleczyk, B. Gulla, P. Piotrowski, S. F. M. Sekulak, K. Głomb, S. Florek // 5th International Conference on Time Perspective : book of abstracts. – Vilnius : Vilnius University, 2021. – P. 75. – URL: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (дата обращения: 25.02.2022).

REFERENCES

1. Abibulaeva A.B., Mardakhaev L.V., Kuvatov A.K. Temporal perspective as a factor for the resocialization of condemned. *TsITISE= CITISE*, 2019, no. 3 (20), pp. 22–23. (In Russ.).
2. Akimenko A.K. Visions of the past, present and future in the system of socio-psychological personal adaptation. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya=Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, no. 2, pp. 131–142. (In Russ.).
3. Aligaeva N.N. Experience in the implementation of the programme of psychological correction of emotional states of disabled convicts. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika=Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 224–233. (In Russ.).
4. Baburin S.V., Zautorova E.V. Penitentiary pedagogue-psychologist's work aimed at negative emotional state of convicts in prisons. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh=Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2016, no. 4 (67), pp. 76–78. (In Russ.).
5. Il'in E.P. *Psikhofiziologiya sostoyanii cheloveka* [Psychophysiology of human states]. Saint Petersburg: Piter, 2005. 412 p. ISBN 5-469-00446-5.
6. Ippolitova E. A. Features of temporary prospect of convicts at different stages of serving sentence. *Vestnik psikhologii i pedagogiki Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta= Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University*, 2016, no. 4, pp. 88–97. (In Russ.).
7. Konovalova N.A. Activity of a specialist in social work aimed at managing the time perspective of convicted. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal=International Research Journal*, 2017, no. 11-1 (65), pp. 48–53. (In Russ.).
8. Makushina O.P. The perception of past, present and future students with different psychological age. *Vestnik VGU. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya=Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 2019, no. 3, pp. 46–50. (In Russ.).
9. Martynova A.A. Time perspective of the convicts of acquisitive crime in the initial period of serving the sentence. *Uchenye zapiski SPbGMU im. I.P. Pavlova=The Scientific Notes of the Pavlov University*, 2014, no. 4, pp. 54–58. (In Russ.).
10. Nekrasova E.V. *Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya zhiznennogo mira cheloveka: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Spatial and temporal organization of the human life world: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Barnaul, 2005. 47 p.
11. Neyaskina Yu.Yu. Time perspective of convicted persons. In: *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti: sbornik nauchnykh statei 10 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Personality in extreme conditions and crisis situations of life: collection of scientific articles of the 10th international scientific and practical conference]. Ulyanovsk: Zebra, 2021. Pp. 143–154. (In Russ.).
12. Osin E.N. Measuring positive and negative affect: development of a russian-language analogue of Panas. *Psikhologiya. Zhurnal VShE=Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, vol. 9, no. 4, pp. 91–110. (In Russ.).

13. Padun M.A., Gagarina M.A., Zelyanina A.N. Mediated role of emotion regulation and time perspective in relationship between temperamental traits and emotional states. *Eksperimental'naya psikhologiya=Experimental Psychology*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 36–51. (In Russ.).
14. *Psikhologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti* [Human psychology from birth to death]. Ed. by Rean A.A. Saint Petersburg: PRAIM-EVROZNAK, 2002. 656 p. ISBN 5-93878-029-2.
15. Slavinskaya Yu.V., Bovin B.G. Temporary perspective of those serving life imprisonment. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2011, no. 4, pp. 41–54. (In Russ.).
16. Spivakovskaya A.S., Chetkina A.S. Actual emotional state and experience of time: a beatotherapeutic approach. In: Demidov A.A., Surat L.I. (Eds.). *Psikhologicheskie i psikhoanaliticheskie issledovaniya: ezhegodnik 2018–2019* [Psychological and psychoanalytic research: yearbook 2018–2019]. Moscow: Mosk. in-t psikhoanaliza, 2020. Pp. 116–129. (In Russ.).
17. Shreder O.B. Formation of the time perspective of convicts as a resource potential of the individual in the process of re-socialization. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (30–31 maya 2019g.): v 2 ch.* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian scientific and practical conference (May 30–31, 2019): in 2 parts]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2019. Pp. 271–274. (In Russ.).
18. Becker M., Vignoles V., Owe E., et al. Being oneself through time: bases of self-continuity across 55 cultures. *Self and Identity*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 276–293.
19. Droit-Volet S. Time perception, emotions and mood disorders. *Journal of Physiology*, 2013, vol. 30, no. 107 (4), pp. 255–264.
20. Droit-Volet S., Meck W.H. How emotions color our time perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 2007, vol. 11, pp. 504–513.
21. Klimanova S., Trusova A., Gvozdetskii A., Berezina A. Time perspective orientation and emotion regulation. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 100. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
22. Lui M.A., Penney T.B., Schirmer A. Emotion effects on timing: attention versus pacemaker accounts. *PLoS One*, 2011, vol. 20, no. 6 (7), pp. 21–29.
23. Flaherty M.G. Time in prison as contested terrain: temporal regime versus temporal resistance. *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 15. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
24. Gofman A. Vicarious memories in the personal past predict empathy, but differently in the Chinese and Russian Samples. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. Pp. 27–28. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
25. Piotrow E., Kadzikowska-Wrzosek R. Self-determination among inmates serving prison sentences in selected systems: the role of temporal orientation and self-control skills. *Resocjalizacja Polska (Polish Journal of Social Rehabilitation)*, 2021, no. 21, pp. 317–331.
26. Tucholska K., Wysocka-Pleczyk M., Gulla B., Piotrowski P., et al. Prison time experience – a semantic differential study. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 75. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).
27. Tucholska K., Wysocka-Pleczyk M., Gulla B., Piotrowski P., et al. Spatial metaphors of inmates' time experience. In: *5th International Conference on Time Perspective: book of abstracts*. Vilnius: Vilnius University, 2021. P. 75. Available at: <https://www.journals.vu.lt/proceedings/article/view/24357/23607> (accessed February 25, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИГАР НАЗИМОВНА АЛИГАЕВА – аспирант Института психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия, психолог психологической лаборатории исправительной колонии № 2 УФСИН России по Рязанской области, Рязань, Россия, nigar-0520@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>.

NIGAR N. ALIGAEVA – Postgraduate student of the Institute of Psychology of the Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia; psychologist of the Psychological Laboratory at the Correctional Facility No. 2 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan Oblast, Ryazan, Russia, nigar-0520@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1239-1892>.

Статья поступила 28.02.2022

Особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками отбывания наказания

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,

sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Реферат

Введение: статья посвящена изучению осмысленности жизни у осужденных, которые отбывают длительные сроки наказания в местах лишения свободы. Отношение к жизни следует рассматривать в качестве универсального субъектного образования, которое обеспечивает самоорганизацию человеческой активности в процессе жизнедеятельности. *Цель:* определить особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками наказания, дать рекомендации по коррекционно-воспитательной работе с данной категорией лиц. *Методы:* теоретический анализ литературы; методы синтеза и обобщения; тест смысложизненных ориентаций (методика СЖО) Д. А. Леонтьева. *Результаты:* осужденные, находящиеся в социальной изоляции более десяти лет, демонстрируют низкий интерес к жизни, ее меньшую эмоциональную насыщенность, недостаточность жизненных целей, отсутствие временной перспективы (целей на будущее). Жизнь ими воспринимается недостаточно интересной, не наполненной смыслом. Прожитый отрезок не в полной мере осмыслен испытуемыми, отмечаются недостаточность самореализации, ощущение неуправляемости жизни. Выявленные особенности необходимо принимать во внимание при организации коррекционно-воспитательной работы с осужденными к длительным срокам лишения свободы. *Выводы:* при определении направления коррекционно-воспитательной работы с осужденными данной категории важно учитывать особенности их отношения к жизни, ориентировать их на исправление, осознание вины, сосредоточение на духовных и нравственных проблемах, предупреждать агрессию с их стороны.

Ключевые слова: места лишения свободы; исправительный процесс; осужденные; длительные сроки отбывания наказания; осмысленность жизни; коррекционно-воспитательная работа.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Зауторова Э. В., Соболев Н. Г. Особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками отбывания наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 320–326. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.010.

Original article

Features of Meaningfulness of Life of Convicts Serving Long-Term Sentences

EL'VIRA V. ZAUTOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

NIKOLAI G. SOBOLEV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Abstract

Introduction: the article describes features of meaningfulness of life of convicts serving long-term sentences in places of deprivation of liberty. An attitude to life should be considered as a universal subjective formation that ensures self-organization of human activity in the process of their life. *Purpose:* to determine features of meaningfulness of life of convicts serving long-term sentences, give recommendations on correctional and educational work with this category of offenders. *Methods:* theoretical analysis of literature; methods of synthesis and generalization; life orientations test by D.A. Leont'ev. *Results:* convicts who have been in social isolation for more than 10 years demonstrate a lower interest in life and less emotional intensity and lack life aspirations and goals; the time perspective is not indicated. They perceive life as uninteresting and insufficiently filled with meaning. At the same time, the time passed is not fully comprehended, they cannot realize themselves, they are dissatisfied with their life and do not feel that they can manage it. The revealed features of meaningfulness of life of convicts serving long-term sentences supplement characteristics of persons in this category and this should be taken into account when organizing correctional and educational work with them in places of deprivation of liberty. *Conclusions:* when determining the direction of correctional and educational work with convicts of this category, it is important to take into account the specifics of their attitude to life and direct them to correction, preventing aggression in their behavior. At the same time, it is important for convicts to realize their guilt, focus on their own spiritual and moral problems, and develop a desire to compensate for the harm they have caused. To do this, it is necessary to establish cooperation with convicts based on the in-depth study of life, personality and needs.

Key words: places of deprivation of liberty; correctional process; convicts; long-term sentences; sense of purpose; correctional and educational work.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Zautorova E. V., Sobolev N. G. Features Of Meaningfulness Of Life Of Convicts Serving Long-Term Sentences. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 320–326. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.010.

Введение

Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. имеет целью дальнейшее совершенствование коррекционно-воспитательной работы с осужденными с учетом их индивидуальных особенностей и видов исправительных учреждений. Актуализируется необходимость поиска эффективных средств, форм и методов коррекционного и воспитательного воздействия, новых подходов к использованию уже имеющегося потенциала, возможностей и сил с привлечением различных служб (педагогической, психологической, медицинской, социальной и др.) исправительного учреждения.

По состоянию на 1 декабря 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 469 283 чел., в том числе в 647 исправительных колониях отбывало наказание 357 649 чел., в шести исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, находилось 1947 чел., в восьми тюрьмах – 1345 чел. [8]. Особого внимания требуют лица, осужденные к лишению свободы на длительный срок, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строгого и особого режимов за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Обращает на себя вни-

мание все более частое применение преступниками агрессии, насилия в крайне опасной для жизни и здоровья граждан форме, усиление жестокости в преступных действиях осужденных [12].

Длительное нахождение в условиях социальной изоляции способно привести к нарушению социально полезных связей, навыков и т. д., что в дальнейшем может затруднять процесс ресоциализации осужденного. Перед сотрудниками исправительного учреждения стоят важные задачи по обеспечению исправления осужденных с целью возвращения их в общество после освобождения, а также по предотвращению деструктивных форм поведения в период отбывания наказания.

Отношение к жизни у осужденных может выступать своего рода индикатором осмысленности прожитого периода и стремления улучшить качество жизни через принятие себя и ответственности за происходящие изменения. Различные взгляды на жизнь и ее ценности определяют закономерности поведения осужденных в исправительном учреждении, степень готовности к освобождению.

Изучению ценностных ориентаций личности посвящены труды С. А. Абдулгалимовой, И. С. Артюховой, М. И. Бобневой, А. Г. Здравомыслова, И. С. Ильиной, И. С. Кона, А. В. Мудрика и других ис-

следователей. Вместе с тем практически не анализировалась система смысло-жизненных ориентаций и представлений о жизни с позиции содержания бытийных представлений лиц, лишенных свободы. Отношение к жизни влияет на поведение человека во всех сферах его активности, выражается в принятии (непринятии) жизни, ответственности за себя и свою жизнь, стремлении (отсутствии стремления) к личностному росту и определяется ценностным миром индивида [1]. При этом рассматриваемая субъективная категория объединяет отношение к настоящему, прошлому, будущему, формируется под влиянием восприятия смерти, включает смысл жизни в качестве обязательного компонента [4].

Вопрос отношения к жизни в психологии рассматривался многоаспектно. Так, в зарубежной психологии А. Адлер обратил внимание на взаимосвязь поведения с жизненным смыслом человека, направленностью жизни, представив достаточно развернутое понимание поведенческих смыслов жизни, которые он соотносил с жизненным стилем, жизненным планом [3]. К. Г. Юнг рассматривал направленность человеческой личности на поиск жизненного смысла как отдельную задачу. Он выдвинул гипотезу, что человек вообще стоит перед задачей обнаружения смысла и благодаря этому может жить, так как смысл жизни имеет взаимосвязь с наличием у него духовных и культурных целей, стремление к достижению которых выводит человека за пределы обыденности. Нахождение жизненного смысла у К. Г. Юнга является специфической потребностью и задачей, а источниками (формами) смысла жизни служат архетипы и символы [15].

По мнению В. Франкла, смысл жизни является стремлением к обретению универсальных ценностей, а его поиск заложен в человеке в виде тенденции. Переживание смысла жизни представляет собой высшую ценность отношения, и важной проблемой здесь является вопрос ответственности индивида за собственную жизнь [14].

Стремление к сохранению жизни является врожденным, человек витально ориентирован и жизнь выбирает в силу факта своего существования в противоположность смерти, придерживаясь той или иной жизненной концепции. Вследствие этой позиции жизнь предстает как высший ценностный статус. Определяя человеческую природу в качестве совокупности пяти базовых потребностей (в жизни, социальной защищенности, общности или принадлежности, уважении и самоуважении, самореализации), А. Маслоу отмечает, что исходной является потребность в жизни [10].

В отечественной психологической науке поиск смысла жизни рассматривался в рамках деятельностного подхода. С. Л. Рубинштейн выделяет два основных способа существования человека и его отношения к жизни. Первый способ представлен определенным отношением к отдельным явлениям, но не к жизни в целом, второй – рефлексией, философским осмыслением жизни. Смысловой анализ поведения человека трактуется как путь его духовной жизни, отношение ко всему, что окружает личность. Формирование общего и обобщенного отношения к жизни

находит свое отражение в прошлых, настоящих и будущих событиях. Такое отношение дает возможность поиска смысла жизни [13].

По мнению К. А. Абульхановой-Славской, большое значение в понимании отношения к жизни имеет выстраиваемая индивидом единая линия, суть которой состоит в том, что вся жизненная динамика перестает представлять собой случайным образом чередующиеся события, а зависит от активности индивида, его способности придавать событиям жизни заданное направление [2]. В. Н. Мясищев указывал на значимость проблемы отношения личности к жизнедеятельности, рассматривая отношения индивида как важнейшую категорию, связанную с развитием и формированием личности. Отношение к жизнедеятельности является сложным структурным образованием, которое содержит в себе отношение к самому себе, деятельности и другим людям [11]. По В. А. Зобкову, отношение человека к своей жизни и самому себе способствует появлению и развитию смыслодержательных характеристик [7].

Таким образом, отношение к жизни следует рассматривать в качестве универсального субъектного образования, которое обеспечивает самоорганизацию человеческой активности в процессе жизнедеятельности.

Описание исследования

С целью изучения особенностей отношения к жизни у осужденных с разными сроками лишения свободы нами было проведено эмпирическое исследование, которое проходило в несколько этапов. На первом этапе изучались личные дела осужденных с целью отбора испытуемых и создания экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп. Целью второго этапа было определение особенностей осмысленности жизни у осужденных, отбывающих длительные сроки наказания (ЭГ – 30 мужчин в возрасте от 34 до 50 лет, находящихся в условиях социальной изоляции свыше десяти лет). На третьем этапе сравнивались результаты исследования группы осужденных, отбывающих длительные сроки наказания, и группы осужденных, отбывающих недлительные сроки наказания (КГ – 30 мужчин в возрасте от 34 до 50 лет, находящихся в условиях социальной изоляции до пяти лет), по итогам формулировались рекомендации. Была построена гипотеза: длительный срок отбывания наказания приводит к значительным личностным изменениям отрицательного плана, в связи с чем отношение к жизни у осужденных к длительным срокам отбывания наказания характеризуется менее выраженным ее принятием и более выраженным отторжением, чем у осужденных к недлительным срокам отбывания наказания.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ИК № 17 УФСИН России по Вологодской области (ноябрь–декабрь 2021 г.). Данное учреждение является колонией строго режима, где отбывают наказание осужденные мужского пола (лимит наполнения – 1565 чел. [8]).

Тест смысло-жизненных ориентаций (методика СЖО) Д. А. Леонтьева использовался для определения смысло-жизненных ориентаций испытуемого. Он позволяет оценить источник смысла жизни, который

может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс), либо в прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни. Данная методика представляет собой адаптированную версию теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Дж. Крамбо и Л. Махолика [9].

Тест содержит общий показатель осмысленности жизни, пять субшкал, указывающих на три конкретных смысложизненных ориентации (цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией), а также два аспекта локуса контроля (локус контроля – Я и локус контроля – Жизнь). На основе факторного анализа адаптированной Д. А. Леонтьевым методики отечественными исследователями (Д. А. Леонтьев, М. О. Калашников, О. Э. Калашникова) был создан тест СЖО, который включает 20 пар противоположных утверждений, отражающих представление о факторах осмысленности жизни личности.

Анализ данных, полученных с помощью теста смысложизненных ориентаций (методика СЖО) Д. А. Леонтьева, показал следующие результаты.

В группе осужденных, находящихся в условиях социальной изоляции свыше десяти лет (ЭГ), преобладает низкий уровень осмысленности жизни по шкалам: цели в жизни, процесс, локус контроля – Жизнь; средний уровень осмысленности жизни превалирует по шкалам: локус контроля – Я, общий показатель осмысленности жизни (ОЖ). В группе осужденных к лишению свободы на недлительные сроки (КГ) преобладают средний уровень осмысленности жизни по шкалам: результат, локус контроля – Жизнь, а также низкий уровень по шкалам: цели в жизни, процесс, локус контроля – Я, показатель осмысленности жизни (ОЖ).

Показатели осмысленности жизни у осужденных в экспериментальной (1 группа) и контрольной (2 группа) группах представлены на рисунке.

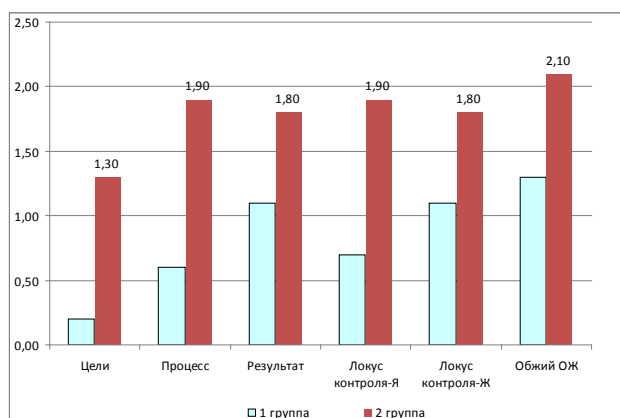

Рис. Сравнительные показатели осмысленности жизни у осужденных в экспериментальной (1 группа) и контрольной (2 группа) группах

У осужденных к длительным срокам лишения свободы (ЭГ) в местах лишения свободы показатели общего уровня осмысленности жизни (1,3), ее цели (0,2), самого жизненного процесса (0,6) и его результативности (1,1), а также локуса контроля – Я (0,7), локуса контроля – Жизнь (1,1) ниже, чем у осужденных контрольной группы.

Осужденные в экспериментальной группе демонстрируют более низкий интерес к жизни, ее меньшую эмоциональную насыщенность, недостаточность жизненных целей, отсутствие цели будущего, временной перспективы. Жизнь ими воспринимается недостаточно интересной, не наполненной смыслом. При этом прожитый отрезок жизни испытуемыми не в полной мере осмыслен, отмечается недостаточность самореализации, отсутствие ощущения управляемости жизни.

У осужденных контрольной группы выше показатели общего уровня осмысленности жизни (2,1), ее цели (1,3), самого жизненного процесса (1,9) и его результативности (1,8), а также локуса контроля – Я (1,9), локуса контроля – Жизнь (1,8). У осужденных в этой группе отмечаются интерес к жизни, определенная ее эмоциональная насыщенность, наличие некоторых жизненных целей, целей будущего и анализа прожитого, временных границ, ощущение способности управлять собственной жизнью.

Результаты

Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что отношение к жизни у осужденных к длительным срокам отбывания наказания характеризуется менее выраженным ее принятием и более выраженным отторжением, чем у осужденных с недлительными сроками отбывания наказания. В связи с этим пенитенциарным психологам и начальникам отрядов необходимо организовать специальную работу по коррекции поведения осужденных, особенно тех, кто отбывает лишение свободы длительное время. Это будет способствовать более гармоничным отношениям в коллективе осужденных, снижению стресса и уровня конфликтности и в конечном итоге исправлению личности правонарушителя.

Вместе с тем практика показывает, что уже имеется определенный опыт работы с данной категорией осужденных: проводятся индивидуальные беседы, поддерживаются социальные связи, используется положительное воздействие осужденных друг на друга, привлекаются родственники, общественность, представители религиозных конфессий и др. [16]. С целью оптимизации социально-психологической обстановки в отряде осужденных с длительными сроками отбывания наказания необходимо организовать работу по коррекции личности осужденных, принять меры по изменению их отношения к жизни [19, с. 48–54]. Важно при этом разработать меры по предупреждению и урегулированию деструктивных тенденций, проводить работу по коррекции взаимоотношений в группах осужденных.

В задачи сотрудников воспитательного отдела исправительного учреждения должны входить оказание своевременной социально-психологической поддержки лицу, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, создание условий для реализации полезной инициативы, развития личностного потенциала, психологической компетентности и навыков адаптивного поведения при рациональной занятости свободного времени. Важно содействовать оптимизации самооценки, стабилизации эмоционального и психосоциального состояния воспитуемых, снижению конфликтности, отчужденности и преодолению барьеров

в общении путем проведения групповых и индивидуальных психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий [5]. Формирование у осужденных модели здорового образа жизни, социально полезной инициативы, трудовых навыков, законопослушного поведения будет способствовать более успешной социальной реабилитации и адаптации после освобождения из мест изоляции от общества.

При этом важным направлением работы являются осуществление социальной поддержки осужденных к длительным срокам отбывания наказания [6], а также организация на постоянной основе мониторинга, направленного на выявление барьеров, препятствующих нормальной жизнедеятельности лиц данной категории.

Заключение

В исследовании были проанализированы характеристики осмысленности жизни у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы. Субъективная категория «отношение к жизни» включает отношение человека к прошлому, настоящему и будущему, является обязательным компонентом смысла жизни. Переживание смысла жизни представляет собой высшую ценность, выступает индикатором ответственности индивида за свою жизнь [18].

Были определены следующие особенности осмысленности жизни у лиц, находящихся в условиях социальной изоляции свыше десяти лет: низкий интерес к жизни, ее слабая эмоциональная насыщенность, недостаточность жизненных целей, отсутствие цели на будущее, временной перспективы, отчуждение от жизни, происходящих событий, от-

страненность в общении с администрацией исправительного учреждения и другими осужденными. Отсутствие перспектив, связанных с освобождением, камерное содержание, различные ограничения, которые направлены на регламентацию порядка отбывания наказания, исключают возможность строить свои отношения в обществе на принципах сотрудничества, являются причиной такого отношения к жизни [20]. У анализируемой группы осужденных нередко отсутствуют желание и внутренняя готовность к социальной реабилитации. Подобное мышление и неспособность к социализации могут стать основными факторами, определяющими социальную опасность лиц, преступивших закон.

Коррекционно-педагогическая работа и основная направленность мероприятий по организации работы с лицами, лишенными свободы на длительный срок, должны ориентировать их на изменение личности, предупреждение и предотвращение насилия и агрессии в отношении представителей администрации исправительной колонии, других осужденных и самих себя, осознание вины и покаяние на этой основе, сосредоточение на духовных и нравственных проблемах, стремление компенсировать вред, нанесенный преступлением [17].

Проведенное исследование будет способствовать разработке общих рекомендаций по психокоррекции отношения к жизни у осужденных и формированию их нравственных ценностных ориентаций в качестве профилактических мер по борьбе с суицидом в условиях исправительного учреждения и воспитанию готовности к социальной реабилитации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгалимова, С. А. Понятие смысла жизни и смысложизненных парадигм / С. А. Абдулгалимова // Вестник Социально-педагогического института. – 2011. – № 2. – С. 83–92.
2. Абульханова-Славская, К. А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : избранные психологические труды / К. А. Абульханова-Славская. – Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 1999. – 224 с. – ISBN 5-89502-067-4.
3. Адлер, А. Индивидуальная психология / А. Адлер. – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 165 с. – ISBN 978-5-88230-458-3.
4. Ильина, И. С. Специфика понятий отношения к жизни и смерти, к здоровью и болезни в исследованиях лиц, имевших опыт суицидальных попыток / И. С. Ильина // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2011. – № 1. – С. 339–343.
5. Зауторова, Э. В. Особенности агрессивного поведения осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима : монография / Э. В. Зауторова. – Москва : НИИ ФСИН России, 2020. – 120 с. – ISBN 978-5-6042382-3-3.
6. Зауторова, Э. В. Профилактика противоправного поведения осужденных в местах лишения свободы / Э. В. Зауторова, Ф. И. Кевля // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (92). – С. 188–194.
7. Зобков, В. А. Отношение человека к жизнедеятельности / В. А. Зобков // Экономика образования. – 2015. – № 2. – С. 91–94.
8. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 03.02.2022).
9. Леонтьев, Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (методика СЖО) / Д. А. Леонтьев // Психология счастливой жизни : сайт психологической помощи. – URL: <https://psycabi.net/testy/256-test-smyslozhiznennye-orientatsii-metodika-szho-d-a-leontev> (дата обращения: 03.02.2021).
10. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 351 с. – ISBN 978-5-459-00494-7.
11. Мясищев, В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясищев. – Москва : МПСИ, 2011. – 398 с. – ISBN 978-5-89502-790-5.
12. Неद्याлкова, Й. М. Индивидуальные особенности личности осужденного (результаты психологического исследования) / Й. М. Неद्याлкова // Пенитенциарная наука. – 2021. – № 2 (54). – С. 321–327.
13. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 287 с. – ISBN 978-5-496-02943-8.
14. Франкл, В. Человек в поисках смысла : [сборник] / В. Франкл ; общая редакция Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1990. – 366 с. – ISBN 5-01-001606-0.

15. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. – Москва : АСТ, 2019. – 224 с. – ISBN 978-5-17-117179-7.
16. Buss, A. H. Physical aggression in relation to different frustrations / A. H. Buss // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1963. – Volume 67. – Pp. 1–7.
17. Kohlberg, L. *Essays on Moral Development. Volume two: The Psychology of Moral Development* / Lawrence Kohlberg. – San-Francisco : Harper & Row, 1984. – 580 p.
18. Moscovici, S. The phenomenon of social representations / Serge Moscovici // *Social representations* / R. Fair and S. Moscovici (Eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – Pp. 3–69.
19. Rath, T. *Wellbeing: The Five Essential Elements* / Tom Rath, Jim Harter. – New York : Gallup Press, 2010. – 229 p.
20. Zaleski, Z. Importance of and optimism-pessimism in predicting solution to world problems: an intercultural study / Z. Zaleski, Z. Chlewinski, W. Lens // *Psychology of future orientation* / Z. Zaleski (ed.). – Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 1994. – Pp. 207–228.

REFERENCES

1. Abdulgalimova S.A. The concept of the meaning of life and the meaning of life paradigms. *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta=Bulletin of the Socio-Pedagogical Institute*, 2011, no. 2, pp. 83–92. (In Russ.).
2. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti): izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and research of real personality): selected psychological works]. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut. Voronezh: MODEK, 1999. 224 p. ISBN 5-89502-067-4.
3. Adler A. *Individual'naya psikhologiya* [Individual psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2017. 165 p. ISBN 978-5-88230-458-3.
4. Il'ina I.S. Specificity of the concepts of attitude to life and death, to health and illness in studies of persons who had experience of suicidal attempts. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti=Personality in Extreme Conditions and Crisis Situations of Life*, 2011, no. 1, pp. 339–343. (In Russ.).
5. Zatorova E. V. *Osobennosti agressivnogo povedeniya osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'noi kolonii strogo rezhima: monografiya* [Features of aggressive behavior of convicts serving sentences in the correctional facility of strict regime: monograph]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2020. 120 p. ISBN 978-5-6042382-3-3.
6. Zatorova E.V., Kevlya F.I. Prevention of illegal behavior of convicts in places of deprivation of liberty. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2 (92), pp. 188–194. (In Russ.).
7. Zobkov V.A. Personality's attitude to the life activity. *Ekonomika obrazovaniya=Economics of Education*, 2015, no. 2, pp. 91–94. (In Russ.).
8. Brief description of the penal system. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed February 3, 2022).
9. Leont'ev D.A. Test of life-meaning orientations (the LMO method). *Psikhologiya schastivoi zhizni: sait psikhologicheskoi pomoshchi* [Psychology of a happy life: psychological help website]. Available at: <https://psycabi.net/testy/256-test-smyslozhiznennye-orientatsii-metodika-szho-d-a-leontev> (In Russ.). (Accessed February 3, 2022).
10. Maslov A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter, 2011. 351 p. ISBN 978-5-459-00494-7.
11. Myasishchev V.N. *Psikhologiya otnoshenii* [Psychology of relations]. Moscow: MPSI, 2011. 398 p. ISBN 978-5-89502-790-5.
12. Nedlyakova I.M. Individual features of the convict's personality (results of a psychological research). *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, no. 2 (54), pp. 321–327. (In Russ.).
13. Rubinshtein S.L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Saint Petersburg: Piter, 2017. 287 p. ISBN 978-5-496-02943-8.
14. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla: sbornik* [Man in search of meaning: collection]. Ed. by L.Ya. Gozman, D.A. Leont'ev. Moscow: Progress, 1990. 366 p. ISBN 5-01-001606-0.
15. Yung C.G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow: AST, 2019. 224 p. ISBN 978-5-17-117179-7.
16. Buss A.H. Physical aggression in relation to different frustrations. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963, vol. 67, pp. 1–7. (In Russ.).
17. Kohlberg L. *Essays on moral development. Volume 2: the psychology of moral development*. San-Francisco: Harper & Row, 1984. 580 p.
18. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: Fair R., Moscovici S. (Eds.). *Social representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Pp. 3–69.
19. Rath T., Harter J. *Wellbeing: the five essential elements*. New York: Gallup Press, 2010. 229 p.
20. Zaleski Z., Chlewinski Z., Lens W. Importance of and optimism-pessimism in predicting solution to world problems: an intercultural study. In: Zaleski Z. (Ed.). *Psychology of Future Orientation*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 1994. Pp. 207–228.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и

EL'VIRA V. ZAUTOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department for Legal Psychology and Pedagogy of

педагогике психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

the Psychology Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

NIKOLAI G. SOBOLEV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Статья поступила 27.04.2022

Научная статья

УДК 37.01

doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.011

Основные формы научного пенитенциарно-педагогического знания

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Реферат

Введение: статья посвящена обоснованию целесообразности формализации научного пенитенциарно-педагогического знания с учетом накопленной в данной сфере информации и задач пенитенциарной педагогики; представлению научного взгляда на систематизацию основных форм пенитенциарно-педагогического знания и рассмотрению их базовых параметров. *Цель:* представить и охарактеризовать современное пенитенциарно-педагогическое знание как формализованную структуру, базирующуюся на определенных стандартных подходах, которые призваны обеспечивать ясность и единообразие восприятия ключевых аспектов пенитенциарно-педагогической действительности в научном сообществе, среде практических работников и общественных деятелей. *Методы:* сравнительно-исторический анализ, монографический метод, структурный анализ, логическое обобщение и др. *Результаты:* в ходе теоретического анализа литературы, отражающей основные достижения пенитенциарной педагогики и устоявшиеся подходы к структурированию научной информации, были представлены основные формы научного пенитенциарно-педагогического знания в контексте современных тенденций развития уголовно-исполнительной системы. В качестве основных форм рассмотрены педагогические термины, закономерности, принципы, условия, модели, концепции и теории. Характеристики данных форм включают базовые признаки, пенитенциарную специфику, критерии действенности и перспективы дальнейшего развития. Названные формы подкрепляются примерами, которые позволяют конкретизировать каждую из них. Определены перспективы исследования проблемы формализации пенитенциарно-педагогического знания.

Ключевые слова: научное пенитенциарно-педагогическое знание; педагогические термины; закономерности; принципы; условия; модели; концепции; теории.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Панова О. Б. Основные формы научного пенитенциарно-педагогического знания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 327–342. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.011.

Original article

Key Forms of Scientific Penitentiary and Pedagogical Knowledge

OKSANA B. PANOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Abstract

Introduction: the article is devoted to substantiating the expediency of formalizing scientific penitentiary and pedagogical knowledge, taking into account the information accumulated in this field and penitentiary pedagogy tasks; presenting a scientific view on the systematization of key forms of penitentiary and pedagogical knowledge and considering their basic parameters. *Purpose:* to present and characterize modern penitentiary and pedagogical knowledge as a formalized structure based on certain standard approaches that are designed to provide clarity and uniformity in the perception of key aspects of penitentiary-pedagogical reality in the scientific community, among practitioners and public figures. *Methods:* comparative historical analysis, monographic, structural analysis, logical generalization, etc. *Results:* during theoretical analysis of the literature reflecting priority achievements of penitentiary pedagogy and the established approaches to structuring scientific information, key forms of scientific penitentiary and pedagogical knowledge in the aspect of modern trends in the development of the penal system were presented and characterized. Pedagogical terms, patterns, principles, conditions, models, concepts and theories were considered as the main forms. Characteristics of these forms included basic features, penitentiary specifics, criteria of effectiveness and prospects for further development. These forms were supported by examples that made it possible to concretize each of them. The prospects to further elaborate the problem of formalization of penitentiary and pedagogical knowledge are determined.

Key words: scientific penitentiary and pedagogical knowledge; pedagogical terms; patterns; principles; conditions; models; concepts; theories.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Panova O. V. Key forms of scientific penitentiary and pedagogical knowledge. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 327–342. doi: 10.46741/2686-9764.2022.59.3.011.

Введение

Педагогизация исправительного процесса в пенитенциарных учреждениях выступает тенденцией, которая зафиксирована в содержании цели исполнения уголовного наказания и отражена в концептуальных документах, характеризующих современный этап развития уголовно-исполнительной политики в Российской Федерации. Вкладывая в определение цели (исправление осужденных) такие составляющие, как «формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития» (ст. 9 УИК РФ), законодатель тем самым подчеркивает особую роль педагогической составляющей в ее реализации, поскольку уважение в отношении какого-либо объекта связано, в первую очередь, с проявлением морального долга и нравственных качеств, развитие которых наиболее успешно достигается средствами воспитания.

В становление пенитенциарной педагогики внесли существенный вклад многие выдающиеся отечественные ученые, среди которых М. Н. Гернет, связавший социальные причины преступности с недостатками воспитания и образования [11, с. 44.], Н. Ф. Лучинский, разработавший первую в истории России концепцию подготовки отечественного пенитенциарного персонала с акцентом на формировании педагогических знаний у тюремных чиновников [26, с. 28–31], С. В. Познышев и И. Я. Фойницкий, включившие в содержание ранее существовавшей отрасли юриспруденции – тюрьмоведения – разделы, посвященные характеристике тюремного воспитания, образования и просвещения арестантов [34, с. 157–182; 44, с. 373–387], А. С. Макаренко, обогативший педагогическую науку учением о воспитании в коллективе [27, с. 80–90], В. Н. Сорока-Росинский, обосновавший особую роль творческой активности и самостоятельности в перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей [40, с. 164–229], и др.

Педагогическое наследие отечественных ученых получило подтверждение и творческое развитие в трудах таких выдающихся исследователей, как И. П. Башкатов, А. В. Буданов, В. Ф. Ключин, В. М. Литвишков, М. П. Стурова, Н. А. Тюгаева и др. Созданный ими информационный массив аккумулирует в себе контент педагогического знания, зафиксированного при изучении наиболее значимых фрагментов пенитенциарной реальности. Следует отметить, что до сих пор не ставилась специальная задача, связанная с созданием целостной картины знаниевого ряда в пенитенциарной педагогике как перечня основных форм знаний, накопленных в результате научно-исследовательской и практической деятельности. Между тем такие формы составляют фундамент специфического языка пенитенциарно-педагогической науки, с помощью которого обеспечиваются системное усвоение научной информации, ее ясная трактовка и действительное использование. Актуальность выделения и аналитического описания основных форм научного знания связана с необходимостью предупреждения определенной упрощенности в объяснении сущности и особенностей педагогических процессов и явлений в уголовно-исполнительной среде. Это объясняется потребностью в оперировании определенными стандартами и эталонами, призванными обеспечить взаимопонимание между членами пенитенциарно-педагогического сообщества – как учеными, так и практиками.

Цель исследования

Целевая установка настоящей статьи состоит в том, чтобы представить и охарактеризовать современное пенитенциарно-педагогическое знание как определенную формализованную структуру. Структурирование основных форм существующего пенитенциарно-педагогического знания важно при определении направлений и путей продуктивного развития пенитенциарной науки и практики. Значи-

мость возрастает в связи с необходимостью следования междисциплинарному подходу, ориентирующему на действенную оперативную интеграцию пенитенциарной педагогики с другими отраслями науки, обеспечение понимания ключевых аспектов пенитенциарно-педагогической действительности в научном сообществе, среде практических работников и общественных деятелей.

Методы

Для достижения сформулированной цели в ходе исследования применялся ряд теоретических методов, среди которых метод сравнительно-исторического анализа (обращение к нему дало возможность сопоставить научную трактовку и толкование основных пенитенциарно-педагогических терминов на разных временных отрезках развития пенитенциарной педагогики), монографический метод (с его помощью в качестве отдельных объектов изучения и анализа описаны целостные относительно самостоятельные педагогические категории, явления и процессы), метод структурного анализа (позволил представить отношения и взаимосвязи между исследуемыми единицами научного знания в иерархическом порядке), метод логического обобщения (способствовал рассмотрению общих признаков объектов с их переносом на частные характеристики, а также исследованию частных свойств объектов с их экстраполированием на общие параметры), метод обобщения (позволил подвести определенные итоги исследования) и др.

Анализ и обсуждение результатов

Пенитенциарно-педагогическое знание выступает одной из форм фиксации результатов познавательной активности ученых и практиков в сфере специально организованной и реализуемой педагогическими средствами деятельности, направленной на исправление преступников, осужденных к различным видам уголовных наказаний. К разряду педагогических средств относятся такие, которые применяются в ходе решения образовательных задач и, соответственно, связаны с обучением и воспитанием. Пенитенциарно-педагогическое знание будет рассматриваться как научное при условии его соответствия определенным требованиям: оно должно отвечать признакам объективности, определенности, доказанности, методологичности, системности и полезности в аспекте изменения ситуации к лучшему [23, с. 3]. Научное пенитенциарно-педагогическое знание может отражать как всеобщие образовательные процессы и явления, присущие всем исправительным учреждениям, так и единичные педагогически значимые ситуации и события, носящие исключительный характер и имеющие значение для определенного заведения. Сложность и нелинейность исправительного процесса обуславливает потребность в широком разнообразии форм выражения научного пенитенциарно-педагогического знания.

Разделяя взгляды Н. Г. Серикова, включившего в число основных форм научно-педагогического знания педагогические термины, закономерности, принципы, условия, модели, концепции и теории [38],

считаем возможным представить аналогичную формализацию пенитенциарно-педагогического знания. Охарактеризуем каждую из перечисленных форм.

Слово «термин» имеет латинское происхождение и первоначально использовалось в значениях «граница», «предел» и т. п. [42, с. 636]. В современном употреблении рассматривается как совокупность наиболее общих и существенных признаков класса предметов и явлений, которые признаны в науке на определенной ступени ее развития. Научные термины характеризуются отсутствием синонимов, однозначностью толкования, соответствием однотипным терминам в смежных знаниевых сферах [25]. В качестве термина может использоваться любое слово, если оно употребляется «в особой функции, функции наименования специального понятия, названия специального предмета или явления» [19, с. 307]. Любой термин имеет две стороны – структурно-языковую и семантическую, детерминированную эволюцией, становлением и формированием системы понятий той или иной науки [9, с. 7].

Пенитенциарно-педагогические термины должны соотноситься с общепедагогической терминологией, но при этом обладать специализированностью значения, опосредованной пенитенциарной реальностью. В терминологическом аппарате пенитенциарной педагогики, как и любой отрасли науки, есть базовые термины, которые в силу своей априорности выделяются особым образом и называются научными категориями. Поскольку пенитенциарная педагогика является одной из отраслей педагогики, то к числу ее основных категорий относятся те, которые составляют категориальный аппарат общей педагогики, а именно образование, воспитание, воспитательная работа, обучение; социализация, личность, общество, культура; педагогический процесс, педагогическая система, цели, содержание, методы, средства, формы (образования); обучающийся, воспитанник, педагог, воспитатель; развитие, формирование, становление (личности); взаимодействие, общение (педагогическое), отношения, деятельность и др. Категориальный аппарат педагогики представляет первооснову для пенитенциарной педагогики и передает ее характерные черты.

Терминологический аппарат пенитенциарной педагогики включает понятия «исправление», «перевоспитание», «ресоциализация», «воспитательная система исправительного учреждения», «воспитательная работа с осужденными», «исправительный процесс», «средства исправления», «критерии исправления» и др., оперирование которыми позволяет описывать специфические педагогические способы исправления осужденных. Рассмотрим более подробно термины, которым, по нашему мнению, отводится ведущая роль в пенитенциарно-педагогическом вокабуляре.

Терминологический конструкт «исправление осужденных» вошел в научный аппарат пенитенциарной педагогики в 1997 г. в связи с принятием Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. В ст. 1 УИК РФ исправление осужденных закреплено в качестве цели уголовно-исполнитель-

ного законодательства Российской Федерации, а в ст. 9 зафиксировано его содержание: исправление осужденных заключается в формировании уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулировании правопослушного поведения. С педагогической точки зрения исправление рассматривается как цель, процесс и результат. Педагогический аспект исправления осужденного состоит в восприятии его в качестве объекта педагогических влияний, результатом которых должны стать система уважительного отношения к социуму и правопослушание. Представим педагогический анализ составляющих рассматриваемого феномена.

Стремясь к педагогическому обеспечению процесса формирования у осужденного системы социальных отношений, основанных на уважении, сотрудникам исправительного учреждения следует принимать во внимание сущность понятия «уважение», с тем чтобы руководствоваться четкими ориентирами в достижении заданной цели. Слово «уважать» имеет одинаковый корень со словом «важный». Если говорить, например, об уважении к человеку, то следует учитывать, что оно представлено двумя основными типами: уважение как признание прав человека и его внутренней ценности и уважение как оценка заслуг и достижений человека. В первом случае уважение граничит с заботой (так, из уважения не принято вмешиваться в личную жизнь других людей, не следует беспокоить отдыхающего человека независимо от его статуса и т. п.), во втором – предполагается признание значимости человека за его усердие в достижении определенной цели (в частности, уважение человека за профессионализм, что означает придание важности его знанию и качеству работы) [3, с. 190]. Соответственно, ожидаемым результатом исправления осужденного должно стать признание им личностной значимости как любого отдельного человека, так и общества в целом, а также разнообразных социальных норм и труда. Иными словами, сформировать уважительное отношение – значит решить экзистенциальную по сути задачу, связанную с приданием объектам уважения личностного смысла по типу «значение-для-меня».

Проанализируем с педагогической точки зрения сущность терминологического конструкта «стимулирование правопослушания». Семантика слова «послушание» включает такие компоненты, как повиновение и покорность, что позволяет в качестве базового показателя поведенческого симптомокомплекса рассматривать ненарушение правовых норм преимущественно в обстоятельствах, опосредованных угрозой последующего наказания. При этом следует иметь в виду, что в условиях, когда появляется возможность избежать кары, индивид может воспринимать противоправное поведение как приемлемое. Источником любого послушания выступает прагматизм, обуславливающий выбор, который происходит, как правило, из ситуативной выгоды. Энергетической подпиткой правопослушания будет служить система стимулов, адекватных прагматическим рас-

четам конкретного осужденного, а в роли механизма воздействия будет выступать социальное научение, обеспечивающее формирование способности представлять влияние внешних стимулов на свое поведение в виде определенной модели. Благодаря социальному научению даже в тех случаях, когда за нарушением норм права осужденный сам не становится объектом наказания или поощрения, следя за соответствующей ответной реакцией окружающих, он осознает необходимость соответствия предъявляемым требованиям или имитации правопослушания. Таким образом, сотрудник исправительного учреждения, ориентированный на стимулирование правопослушания осужденных, должен относиться к данной задаче как к процессу, повторяющимся циклами которого выступают стимул, реакция и подкрепление. Без опоры на них достижение правопослушания становится крайне затруднительным [29, с. 115–116].

Исправление осужденных рассматривается не только как цель исполнения уголовного наказания, но и как процесс, состояние и результат. Исправительный процесс предполагает поэтапную последовательность в реализации цели, состоящей в усвоении социальных норм и ценностей. При этом имеет место опосредованное влияние внешних и внутренних условий на разрешение противоречий между недостаточным социальным опытом осужденных и возникающими в новых обстоятельствах требованиями неукоснительного следования социальным нормам. Исправление как состояние отражает фрагмент сознательного отказа осужденного от антиобщественных, в том числе криминальных, представлений, постижение значения правопослушной жизни, переход от ситуативного и бессознательного следования социальным нормам к осмысленному правовому поведению. Результатом исправления должна стать сформированная система социально одобряемого отношения осужденного к окружающей действительности.

В границах педагогических возможностей исправление осужденных обеспечивается средствами перевоспитания, реализуемого в аспекте ресоциализации в условиях воспитательной системы исправительного учреждения.

В случае с осужденными воспитание приобретает специфику, обусловившую включение в словарный аппарат пенитенциарной педагогики специального термина «перевоспитание». Среди ученых-пенитенциаристов, впервые назвавших тюремное воспитание приоритетным средством исправления, следует назвать С. В. Познышева и И. Я. Фойницкого, которые охарактеризовали перевоспитание как духовное влияние на арестантов, направленное на развитие у них «желания стать на путь честной жизни» [44, с. 400], а также на зарождение чувств, противодействующих стремлению к преступлению [34, с. 158]. Решение этих задач они связывали с преодолением у арестантов эгоизма, уныния и безысходности; формированием самоуважения и самостоятельности в той мере, чтобы «судьба каждого была насколько возможно в

его собственных руках» [43, с. 400–402]; появлением чувства благодарности за доброе отношение со стороны окружающих и удовлетворения от спокойной жизни [34, с. 158]. Развивая идеи своих предшественников, А. С. Макаренко также делал акцент на формировании «реальных качеств людей, которые выйдут из наших педагогических рук» [27, с. 62].

В соответствии с данными научными суждениями сущность перевоспитания заключается в целенаправленном специально организованном педагогическом взаимодействии между сотрудниками исправительных учреждений и осужденными по поводу вытеснения у последних отрицательных личностных качеств, сформировавшихся под воздействием неблагоприятных факторов и выступающих предпосылками противоправного поведения, и формирования позитивных личностных свойств, несовместимых с преступным образом жизни. Под личностными качествами (свойствами) понимается комплекс особенностей индивида, природа которых имеет наследственный или приобретенный (социально обусловленный) характер. Качества личности образуют целостную характеристику ее своеобразия, устойчивую типологическую характеристику личности [4, с. 52]. Личностные качества человека в течение жизненного пути могут преобразовываться и изменяться. Личностные качества как совокупность атрибутов человека оказывают влияние на его социальный статус, поведенческие установки и направленность поступков, благополучие, репутацию, предрасположенность к конкретной деятельности. Примерами позитивных личностных качеств являются самостоятельность (склонность к инициированию, разработке и реализации собственных планов, способность к собственным, независимым суждениям), доброта (проявление деятельного участия к человеку, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, направленность на оказание помощи нуждающимся людям без претензий на ответную благодарность), трудолюбие (позитивное отношение к трудовой деятельности, склонность к усердной работе, получение удовлетворения от процесса и результатов трудовой деятельности), правдивость (склонность человека к высказываниям, соответствующим реальным фактам и явлениям, его мыслям и убеждениям), целеустремленность (склонность человека к достижению поставленной цели, готовность к преодолению obstacles, препятствующих ее реализации), ответственность (осознанное отношение человека к своим поступкам и склонность видеть причины происходящего с ним в себе самом), дисциплинированность (добровольное осознанное соблюдение норм морали и установленного порядка), правопослушание (беспрекословное подчинение правовым нормам) и др.

Мы разделяем ту точку зрения, что криминогенные качества личности проявляются в определенных склонностях, различаемых по степени личностной приемлемости уголовно наказуемого способа поведения и ее обусловленности ценностно-смысловой и эмоциональной зрелостью индивида (А. Н. Пастуше-

ня) [31, с. 11–12]; индивиды, выступающие носителями тех или иных отрицательных склонностей, имеют потенциальную ориентированность на совершение преступлений, умышленных или по неосторожности, определенного вида (Ю. М. Антонян) [2, с. 13–26]. Соответственно, на фоне приемлемости преступного поведения наличие ряда отдельных личностных качеств или их совокупности может указывать на потенциальную готовность лица к совершению тех или иных преступлений. Например, к совершению преступлений против собственности могут быть склонны люди, которым присущи такие качества, как лень, праздность (предпочтение независимого, доставляющего удовольствие времяпрепровождения, исключая трудную деятельность), жадность (чрезмерное стремление человека присвоить себе как можно больше различных благ, как материальных, так и духовных), зависть (негативное отношение к людям, обладающим какими-либо благами или возможностями, которых лишен завидующий человек вопреки своему желанию). Очевидно и то, что к совершению преступлений против жизни и здоровья человека в большей степени предрасположен индивид с такими свойствами, как агрессивность (предпочтительность применения насильственных средств для достижения своих целей), жестокость (подверженность проявлению грубого обращения с другими людьми, а также животными, которое может сопровождаться причинением им боли и душевных страданий), человеконенавистничество (неприязнь или ненависть к другим людям, выражение презрения к социальным нормам и традициям) и др.

В исправительных учреждениях перевоспитание имеет определенное функциональное предназначение, состоящее в побуждении осужденных к преодолению собственных отрицательных личностных проявлений и развитию социально одобряемых качеств и способностей; ориентировании осужденных на устранение несоответствий в системе ценностей, отражающих их отношение к себе, окружающим людям, социальным нормам и др.; оказании помощи в преодолении осужденными внешних и внутренних факторов личностной деформации. Реализуя перечисленные функции, перевоспитание выступает в качестве значимого компонента ресоциализации осужденных.

Повышенный интерес к проблеме ресоциализации осужденных со стороны российских ученых и общественных деятелей наблюдается в начале XXI в., когда реформирование уголовно-исполнительной системы приобрело ярко выраженную гуманистическую направленность. Появляются серьезные научные труды, в которых раскрывается междисциплинарный характер рассматриваемого явления, объясняющий логичность и оправданность разных подходов к трактовке термина «ресоциализация».

Анализ диссертационных исследований, посвященных проблеме ресоциализации осужденных, позволяет констатировать, что при определенных различиях в толковании данного понятия имеется общий признак, указывающий на возобновленность или

повторность процесса социализации [29, с. 68]. В формулировке целей ресоциализации многих исследователей объединяет нацеленность на социальную регулятивность, «достижение законопослушности, призванной обеспечить соблюдение личностью правовых норм» (А. В. Пищелко) [32, с. 276]; принятие осужденным «минимальных и достаточных» ценностей и норм социума (А. В. Чернышева) [47, с. 27], «приобретение социальных ценностей, норм, знаний, опыта, способностей, а также создание условий, необходимых и достаточных для формирования у несовершеннолетнего поведенческих моделей, включающих основные элементы институциональных требований и предписаний (М. Н. Садовникова) [37, с. 11], «достижение социальной ответственности за свое поведение и жизнь в обществе, не нарушая законов» (Н. В. Андреев) [1, с. 7].

Педагогический аспект ресоциализации заключается в коррекции социализированности человека, его социальных установок и убеждений, сформированных в результате неадекватного восприятия им социальных отношений [36, с. 21]. Если в ходе социализации приоритетное значение имеет развитие личности, то при ресоциализации – коррекция деформированного мировосприятия индивида, которая содействует развитию индивида и в то же время благоприятствует его интеграции в общество в качестве полноправного члена.

Коррекция (от лат. *correctio* – исправление) как педагогический термин применяется в отношении людей, имеющих нарушения физического развития и/или социального поведения [33, с. 13]. Что касается лиц, осужденных за совершение преступлений, то педагогическая коррекция подходит для разных видов отклонений, не столько имеющих патологическую природу, сколько сформировавшихся в ходе влияния неблагоприятной социальной среды. К таким отклонениям могут быть отнесены определенные недостатки характера, обусловленные деформированностью мировоззрения и неразвитостью эмоционально-волевой сферы.

Деформированность мировоззрения проявляется в определенных, ярко выраженных дефектах. К их числу относятся социальное невежество, безразличие, инфантилизм, нигилизм, цинизм и др. Социальное невежество проявляется в неинформированности, непонимании социальных отношений и процессов, отсутствию четко выраженной общественной позиции. Социальное безразличие это созерцательность и пассивность в ситуациях, требующих выражения личностного отношения к происходящим событиям и явлениям в обществе. Характеризуется приверженностью фаталистическому клише «если суждено – сбудется», недоверием к возможностям и способностям человека изменить неблагоприятные обстоятельства жизни. Среди способов достижения целей носители данного дефекта отдадут предпочтение везению. Социальный инфантилизм проявляется в разрыве между биологическим и социокультурным развитием, при котором осужденный, с одной стороны, претендует на обладание теми или иными пра-

вами и свободами, присущими совершеннолетнему индивиду, а с другой – отказывается признавать необходимость соответствия статусу взрослого человека в вопросах выполнения установленных обязанностей.

Социальный нигилизм выражается в отрицании социальных норм в целом, что включает пренебрежительное отношение к ценностям, традиционным идеалам, общественному устройству, социальным институтам и т. п.

Социальному цинизму присущи демонстративность в выражении пренебрежительного отношения к общепринятым нормам морали и права, ориентированность на установку «любые средства хороши», не исключаящую нарушение норм уголовного права.

Неразвитость эмоционально-волевой сферы проявляется, в первую очередь, в эмоциональной напряженности, включающей совокупность переживаний, которые снижают эмоциональный фон и мотивационную сферу человека. Это состояние нередко сопровождается ощущением беспомощности и собственной ненужности человека в определенных жизненных обстоятельствах, может приводить к агрессивности и мизантропии [46].

В педагогической практике преодоление перечисленных дефектов связывают с педагогической коррекцией, сущность которой составляет вытеснение определенных личностных дефектов при одновременном развитии у осужденного личностных свойств, способствующих повышению его самооценки. В качестве основного общепедагогического способа выступает создание коррекционно-развивающей среды, где осужденный сможет самореализоваться, а в качестве результата коррекции – «выравнивание» осужденных как личностей. Воспитуемые под воздействием педагогической коррекции могут «выравниваться», то есть стать такими же, как обычные – несудимые, правопослушные – люди [18, с. 203].

Коррекционно-развивающая среда включает перечень элементов, которые определяют деятельность сотрудников-воспитателей и осужденных, направленную на вытеснение личностных дефектов. Коррекционно-развивающая среда – это комплексный, системный, вариативный, пластически меняющийся механизм непрерывной педагогической помощи человеку с отклонениями в развитии на пути становления его социальной компетентности в специальных занятиях, конструктивном общении, формировании мобильности и общественной активности. Основу такой среды в исправительном учреждении образуют базовые исправительные программы и взаимодействие с внешними социальными институтами.

К специфическим признакам коррекционно-развивающей среды относятся: активизация стремления осужденных к выравниванию с окружающими правопослушными людьми; вытеснение из сферы значимостей осужденных криминальных идеалов и ценностей; пробуждение эмоциональных переживаний по поводу общечеловеческих явлений и фактов; подготовка осужденных к преодолению психологиче-

ских барьеров, препятствующих продуктивному существованию в социальном пространстве.

Успешность решения педагогических задач ресоциализации осужденных во многом определяется функционированием воспитательной системы. Впервые введя в научный оборот пенитенциарной педагогики данный терминологический конструкт, М. П. Стурова определила воспитательную систему исправительного учреждения как «прямые и опосредованные воспитательные отношения и связи элементов, ее составляющих и образующих целостность, включающую как духовную, так и предметно-практическую деятельность воспитуемых и воспитателей, призванные обеспечить позитивное изменение осужденных» [41, с. 10].

Развивая мысль М. П. Стуровой о структуре воспитательной системы исправительного учреждения, С. А. Ветошкин включил в данное понятие следующие компоненты: целевой, обозначающий цель, на которую направлен весь педагогический процесс; содержательный, отражающий разнообразие применяемых педагогических средств, принципов и методов; деятельностный, обеспечивающий взаимодействие воспитателей и воспитуемых, организацию и формы этого взаимодействия, а также принципы управления воспитательным процессом; результативный, позволяющий оценить эффективность действующей системы. Ученый отмечает, что перечисленные компоненты позволяют лишь в общих чертах, создать алгоритм практической деятельности по исправлению осужденных; проблема заключается в «конкретизации данных компонентов, наполнении их содержанием, позволяющим организовать эффективную систему исправления» [5]. Поскольку пенитенциарная воспитательная система функционирует в специфических условиях, состоящих в закрытости исправительного учреждения, жесткой нормативной регламентированности воспитательной работы, высокой концентрации лиц, имеющих разнообразные ярко выраженные отклонения, то она существенно отличается от остальных воспитательных систем. Главное отличие воспитательной системы исправительного учреждения, на наш взгляд, лежит в плоскости обозначения вектора ее развития, которое должно быть ориентировано на создание коррекционно-развивающей среды.

Между ключевыми терминами пенитенциарной педагогики существует тесная взаимосвязь. Она заключается в том, что в содержательном наполнении термина «исправление» детализируется цель исполнения уголовного наказания и конкретизируются основные направления перевоспитания осужденных как важного фактора их ресоциализации. В свою очередь, результативность ресоциализации осужденных во многом определяется вектором развития воспитательной системы исправительного учреждения.

Значимой формой пенитенциарно-педагогического знания являются закономерности, позволяющие понять природу педагогической действительности, найти подлинные основания педагогической деятельности, обнаружить в ней устойчивые связи.

Связи, зафиксированные в закономерностях, всегда имеют причинно-следственный характер. Такими, например, связи между применяемыми в исправительном процессе педагогическими методами и получаемыми результатами, степенью сложности предъявляемых педагогических требований и качеством их усвоения осужденными, системой педагогических средств и затратами времени и усилий сотрудников-воспитателей на достижение определенных результатов и т. п. В пенитенциарной педагогике закономерности преимущественно констатируют связи между специально созданными или уже существующими обстоятельствами и достигнутыми результатами исправления осужденного. Значение закономерностей заключается в том, что они определяют ориентиры, позволяющие обеспечивать результативность исправительного процесса в соответствии с определенными устоями.

Безусловным требованием к ученому-исследователю, выявляющему ту или иную закономерность, является наличие достаточного уровня подготовленности к тому, чтобы повседневную реальность концептуализировать в определенных связях. Презентация новой закономерности основывается на результатах научно-исследовательской работы, которые должны быть одобрены и приняты педагогическим сообществом. Это положение относится и к закономерностям пенитенциарной педагогики, подлежащим не только выявлению и описанию, но и теоретическому обоснованию и подтверждению с использованием эмпирических методов. К базовым критериям, выступающим мерилем действительности закономерности, относятся ее воспроизводимость в однотипных ситуациях, то есть проявление в педагогической деятельности любого сотрудника исправительного учреждения; обязательность; независимость от индивидуальных способностей и особенностей участников исправительного процесса (за исключением случаев, когда определенные способности и особенности включены в описываемую закономерность в качестве специального объекта).

Достаточным для представления закономерности в пенитенциарной педагогике считается описательный формат, предусматривающий вербальное изложение информации о неслучайных зависимостях между явлениями или процессами. Жесткое математическое подтверждение применительно к закономерностям данной отрасли науки не носит императивного характера ввиду сложности и многогранности феноменов пенитенциарно-педагогической действительности, существенно сужающих возможности количественного подтверждения. В этой связи актуально обращение к суждению В. В. Краевского, отмечающего, что применение количественных методов в педагогике «ограничено спецификой гуманитарной сферы научного познания, делающей во многих случаях недостижимой полную количественную определенность получаемых результатов» [22, с. 244]. Развивая данное положение, В. В. Краевский обращает особое внимание на применение качественного подхода, при котором подтверждение за-

кономерности производится путем обобщения идей из собранных эмпирических данных, а организация данных при этом направлена на получение целостной картины [22, с. 245]. Он подчеркивает необходимость достижения баланса между математическим и качественным подходом в доказывании закономерностей.

Исправительный процесс в пенитенциарных учреждениях соотносится, в первую очередь, с общепедагогическими закономерностями. Многократно обосновывая и отстаивая эту точку зрения, А. С. Макаренко отмечал, что «воспитание должно направляться одной системой законов» независимо от того, в отношении «хороших» людей или правонарушителей оно осуществляется [27, с. 12]. В то же время закономерности, отражающие наиболее устойчивые тенденции воспитания как общественного явления, преломляются через призму особенностей педагогического процесса в условиях исправительных учреждений и приобретают специфическое содержание, определяемое конкретными задачами исследования. Поэтому для пенитенциарной педагогики важны как общепедагогические закономерности, так и закономерности, относящиеся к ее собственной сфере.

В пенитенциарной педагогике рядом авторов представлены формулировки тех или иных закономерностей, констатирующих условия и обстоятельства стабильной успешности исправительного процесса. Следуя требованию строгой научности, предъявляемому к закономерности, для примера рассмотрим группу закономерностей, реалистичность которых теоретически доказана и подтверждена с помощью количественных и качественных методов в диссертационном исследовании доктора педагогических наук С. А. Ветошкина. В частности, он выявил и научно обосновал следующие закономерности: 1) закономерность, утверждающую зависимость успешности исправления осужденных от педагогических факторов: уровня педагогической подготовленности сотрудников пенитенциарного учреждения, наличия материальной базы, призванной обеспечивать воспитательный процесс (кружков по интересам, клубов и др.); 2) закономерность, отражающую обусловленность эффективности исправительного процесса степенью реализации закрытости пенитенциарного учреждения (закрытость исправительной колонии связывается С. А. Ветошкиным с предупреждением проникновения в нее алкогольных напитков, наркотиков, запрещенных предметов, предотвращением распространения негативной информации, возникновения конфликтных ситуаций и т. п.); 3) закономерность, фиксирующую зависимость результатов воспитательной работы с осужденными от возможностей и желания сотрудников исправительной колонии организовать эффективную педагогическую деятельность. Если такая деятельность не организуется, то происходит обратный процесс: осужденные негативно влияют на сотрудников, навязывая свои правила поведения, жаргонные слова и привычки [6]. В данной статье мы оставляем открытым перечень закономерностей, значимых для пени-

тенциарной педагогики, ограничившись для примера одной из тех, что имеет четкое научное обоснование.

Закономерности протекания исправительного процесса создают определенную систему связей, практическая реализация которых должна способствовать его успешности. Это в свою очередь позволяет определить основные и специфические принципы, значимые для решения теоретических и практических задач пенитенциарной педагогики. Принципы призваны лаконично выражать основные концептуальные идеи, на базе которых разворачивается общение всех субъектов педагогического взаимодействия, функционирует комплекс его составляющих: формы, содержание, методы и приемы. Исправительный процесс требует, прежде всего, реализации общепедагогических принципов, признанных сегодня в педагогическом сообществе: целесообразности и целенаправленности, единства сознания и поведения, сочетания педагогического руководства с инициативой и самостоятельностью воспитуемых, педагогического оптимизма, дифференциации и интеграции, комплексности, преемственности, культуросообразности, сочетания требовательности с гуманным отношением к осужденным, опоры на их положительные качества, учета возрастных и индивидуальных особенностей осужденного и др.

Наряду с вышеперечисленными общими педагогическими принципами исправительный процесс, имея свои особенности, нуждается в реализации принципов специальных. К определению принципов в пенитенциарной педагогике также существуют разные подходы, среди которых особое значение имеют те, чьи авторы достигли реальных результатов в исправлении правонарушителей. Прежде всего здесь речь должна идти о А. С. Макаренко. Внимательное прочтение и анализ его статьи «Методика организации воспитательного процесса» позволяет считать, что предложенная педагогическая система базируется на следующих взаимосвязанных принципах: включение воспитуемых в трудовую деятельность, вид и содержание которой определяется их таким собственным выбором, чтобы «каждый мог найти дело по душе»; организация реального самоуправления; обеспечение взаимной ответственности; обеспечение дисциплины и «правильного» режима; организация педагогического центра, при функционировании которого «педагогический руководитель всегда должен находиться в общении, не ожидая специальных заседаний и собраний» и без «специальной субординации»; побуждение коллектива к внимательному отношению к вновь прибывшим воспитанникам, порядок приема которых «должен быть продуман и подготовлен руководством, педагогическим коллективом и советом командиров во всех мелочах и до конца»; организация культурной работы, основанной на функционировании кружков и клубных организаций, посещаемых добровольно с правом выхода «в любое время» и др. [27, с. 267–329].

С. А. Ветошкин основными принципами педагогической организации исправительного процесса в современных пенитенциарных учреждениях на-

зывает: функционирование единого коллектива (сотрудников и осужденных); адекватное реагирование администрации исправительного учреждения на действия осужденных; расширенное стимулирование поведения осужденных [5]. В современных научных исследованиях получили обоснование специальные принципы, касающиеся отдельных аспектов воспитательной работы с осужденными, в том числе нравственного воспитания, ресоциализации и др. Например, в исследовании Л. В. Ковтуненко впервые получили обоснование такие принципы ресоциализации несовершеннолетних осужденных в педагогической среде, как принцип вариативности (создание вариативных зон педагогической среды, вариации в выборе форм, способов, средств для удовлетворения потребностей и интересов осужденных) и принцип со-развития педагогической среды и несовершеннолетнего осужденного (взаимосвязь, взаимозависимость развития несовершеннолетних осужденных и педагогической среды) [20, с. 10]. К исходным позициям правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных отнесены такие принципы, как актуализация раскаяния осужденных, формирование антикриминальной устойчивости, обогащение субъектного правового опыта, конструктивное реагирование на достижения правовой ресоциализации, стимулирование саморазвития, социальная адекватность, диалоговое взаимодействие [29, с. 188]. Э. В. Заурова обосновала принципы нравственно-эстетического воспитания осужденных, отнеся к ним лично значимую доминанту, доступность восприятия произведений искусства, активизацию сопереживания в процессе приобщения к искусству, актуализацию ситуации на основе художественного материала, эстетизацию среды учреждения через включение осужденных в художественно-творческую деятельность и рефлексивность [15, с. 17].

Вариативность подходов к утверждению определенных групп принципов объясняется многоаспектностью задач, решаемых в сфере пенитенциарной педагогики. Разнообразие исследовательских направлений обуславливает предложение новых принципов, с помощью которых пенитенциарная педагогика предстает в качестве не только исследовательской области знания, но и сферы, преобразующей исправительную действительность, обозначающей направление пенитенциарно-педагогической деятельности, предписывающей определенные ориентиры, с которыми сотрудникам исправительных учреждений следует соотносить организацию процесса перевоспитания осужденных, поиск путей его оптимизации. Следует иметь в виду, что как принцип может быть принято лишь такое требование, которое базируется на подтвержденной закономерности и не зависит от ситуативных обстоятельств, в то время как закономерность утверждается в ходе исследования пенитенциарно-педагогической действительности, а принципы, являясь регулятивными предписаниями, предлагаются как производные от определенной закономерности, то есть выступают императивом, адекватным той или иной закономерности. Дей-

ственность принципа во многом определяется его соотносительностью с позитивным педагогическим опытом – как прошлым, так и настоящим, ориентированностью на существующие на определенном историческом этапе тенденции уголовно-исполнительной политики и общее состояние пенитенциарной реальности.

Для конкретизации способов решения задач перевоспитания осужденных и детализации педагогических действий, сопутствующих исправительному процессу, применяется такая форма знания, как педагогическое условие. Педагогические условия – это внешние обстоятельства, факторы, оказывающие существенное влияние на протекание педагогического процесса, в той или иной мере сознательно сконструированные педагогом, предполагающие, но не гарантирующие определенный результат процесса [4, с. 112]. В пенитенциарной педагогике утвердились следующие группы педагогических условий: организационно-педагогические, основной функцией которых является управление процессуальным аспектом педагогической системы; психолого-педагогические, направленные на организацию таких мер педагогического взаимодействия, которые оказывают влияние на личностный аспект педагогической системы; социально-педагогические, интегрирующие социальный (бытовой, трудовой, досуговой, валеологический, постпенитенциарный) и педагогические (правовой, образовательно-воспитательный, общественный) факторы успешности воспитательной работы [6, с. 7].

Анализ текстов более пятидесяти докторских и кандидатских диссертаций, посвященных проблемам пенитенциарной педагогики, позволяет констатировать, что в большинстве из них в той или иной мере зафиксированы педагогические условия как значимые обстоятельства при решении поставленных задач. Ряд авторов, в том числе С. А. Ветошкин [6], И. Д. Жарков [13], С. Ю. Жидко [14], С. И. Злобин [16], Л. В. Ковтуненко [21], М. Н. Панченко [30], посвятили свои диссертации непосредственному выделению и обоснованию определенных педагогических условий на фоне внешних факторов, существенно влияющих на процесс становления того или иного исследуемого феномена.

К значимым формам пенитенциарно-педагогического знания мы относим педагогические модели, представляющие собой «искусственно созданные объекты в виде схем, физических конструкций, знаковых форм или формул, которые, будучи подобными исследуемому объекту или явлению, отображают и воспроизводят в более простом виде структуру, свойства, взаимосвязи между элементами этого объекта» [12, с. 22]. Обращение к методу моделирования позволяет с помощью логических конструкций в обобщенном виде создать и воспроизвести модель, то есть аналог, отражающий структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого явления (В. В. Краевский, В. М. Монахов и др.). Педагогическое моделирование придает исследуемому объекту полноту и репрезентативность.

Оно обладает возможностью выработать целостное представление о содержании и конечных результатах того или иного педагогического процесса. В. С. Ильин и В. М. Монахов называют основные требования к модели: она должна отображать целостность процесса или явления, давать описание условий и средств его протекания, строиться структурно [17, с. 13–14; 28, с. 75–89]. Педагогические модели наделяются, в первую очередь, информативными функциями, а именно иллюстративной, трансляционной, объяснительной, прогностической [12, с. 446–447].

А. Н. Дахин предлагает свою классификацию моделей, относя к их основным видам: прогностическую, предназначенную для оптимального распределения ресурсов и конкретизации целей; концептуальную, базирующуюся на информационной базе и программе действий; инструментальную, выполняющую роль инструмента исполнения и обучения педагогов оперированию педагогическими средствами; мониторинговую, востребованную при обеспечении обратной связи и создании способов корректировки вероятностных отклонений от ожидаемых результатов; рефлексивную, направленную на выработку оперативных педагогических действий в неблагоприятных ситуациях [12, с. 12–15].

В пенитенциарной педагогике моделированию в последнее время уделяется особое внимание, что объясняется повышением теоретического и практического уровня развития пенитенциарной науки в целом. Теоретический аспект связан с идеализацией, с помощью которой осуществляется четкое обозначение компонентов моделируемых объектов, а практический – с экспериментальной проверкой логических умозаключений.

Пенитенциарная педагогика, являясь средством педагогической рефлексии в отношении исправительного процесса, в первую очередь, развивается в соответствии с общественными запросами на прикладные исследования, ориентированные на решение конкретных задач. В качестве одного из примеров педагогической модели может быть рассмотрена модель воспитательного центра, созданная в русле реформирования уголовно-исполнительной системы. Она включает целевой, методологический и содержательный компоненты, которые в своей совокупности призваны обеспечить непрерывность и преемственность социальной, психологической и воспитательной работы с несовершеннолетними с момента заключения их под стражу и до момента освобождения, создать целостную эффективную систему подготовки осужденных к освобождению и др. [35, с. 29].

Изучение докторских диссертаций, отразивших развитие пенитенциарной педагогики на современном этапе, позволяет констатировать, что практически в каждой из них представлены модели исследуемых педагогических процессов и явлений. Такие модели не только описывают пенитенциарно-педагогическую действительность, но и выделяют существенные компоненты, этапы и взаимосвязи между ними. Примерами педагогических моделей являют-

ся прогностическая социально-педагогическая модель модернизации исправительного учреждения (Н. С. Фомин, 2005 г.) [45], модель гуманизации образовательного процесса в пенитенциарных учреждениях (А. Г. Сломчинский, 2009 г.) [39], модель проектирования обучения в вузе в условиях исправительного учреждения (Н. Ю. Волова, 2011 г.) [10], концептуально-методологическая модель педагогической гендерной системы формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных (А. В. Вилкова, 2016 г.) [7] и др.

К основным формам пенитенциарно-педагогического знания мы относим педагогические концепции, представляющие собой сложные, целенаправленные, динамические системы фундаментальных знаний о педагогических феноменах, полно и всесторонне раскрывающих их сущность и содержание. К числу основополагающих концепций, определивших приоритетные направления тематики исследований в области пенитенциарной педагогики на разных этапах ее развития, необходимо отнести Концепцию воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (2000 г.), Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (2010 г.), Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (2021 г.) и др.

Можно констатировать, что в современных докторских диссертациях пенитенциарной направленности представлены педагогические концепции, включающие идеи исследования в виде определенной теоретической конструкции с присущей четко выраженной направленностью и логической структурой. Целый ряд диссертационных исследований в своих названиях содержат слово «концепция» и предлагают комплекс научных знаний об изучаемом объекте, оформленных специальным образом. Примерами пенитенциарно-педагогических концепций могут выступать концепция формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола (А. В. Вилкова) [7], концепция социального сопровождения осужденных в исправительном учреждении (В. В. Виноградов) [8], концепция ресоциализации несовершеннолетних осужденных в педагогической среде воспитательной колонии (Л. В. Ковтуненко) [20] и др.

Ведущая роль в иерархической структуре пенитенциарно-педагогического знания принадлежит теориям, которые содержат комплекс доказанных положений и раскрывают сущность и взаимосвязи различных педагогических свойств, процессов и явлений. В большинстве случаев презентации предлагаемых педагогических теорий сопровождаются рассмотрением специального комплекса взаимосвязанных терминов, закономерностей, принципов и моделей, позволяющих доподлинно, целостно, глубоко и непротиворечиво объяснить значимые фрагменты педагогической реальности. Именно эти фрагменты являются предметами тех или иных теорий. Перечисленные элементы составляют минимальный набор

компонентов, обязательный для любой педагогической теории. Вариативная часть теории может включать педагогические условия, методики, технологии и другие средства, призванные совершенствовать педагогическую действительность, более продуктивно решать возникающие задачи.

На первый взгляд, между концепцией и теорией есть много общего: обе формы в содержательном плане должны быть согласованы с логикой развития педагогической науки в целом и изучаемого направления в частности, содержать признак научной новизны, быть пригодными для эффективного использования в массовой практике [48, с. 4]. Вместе с тем теория и концепция – это разные формы научного знания. Ключевое различие состоит в том, что на основе одной теории может быть построено множество концепций, каждая из которых будет призвана конкретизировать определенную сторону теории.

Разработка теории не должна становиться самоцелью; любая теория может считаться действенной, если она «нужна практике и практикой же обусловлена»; «педагогическая теория – это теория педагогической практики» [22, с. 91]. Появление новой теории определяется определенными факторами, к числу которых В. В. Краевский относит изменение тенденций развития общества и смену идеологических ориентиров; разрыв между целями и реальными результатами педагогического процесса; логику развития существующей педагогической теории [22, с. 91–92]. Соответственно, применительно к уголовно-исполнительной системе можно утверждать, что появившаяся в 1990-х гг. тенденция отхода от жестких авторитарных схем перевоспитания осужденных определила общественный запрос на обращение в пенитенциарной педагогике к теориям, в рамках которых рассмотрение и конструирование значимых явлений исправительного процесса должно осуществляться в русле гуманистических идей. В числе наиболее востребованных современных теорий, высокая частота обращений к которым зафиксирована в пенитенциарно-педагогических научных исследованиях, следует назвать теории личностно-ориентированного образования культурологического типа Е. В. Бондаревской, воспитательных систем Л. И. Новиковой, культурно-исторической педагогики Е. А. Ямбурга, образовательного триумфа Б. С. Гершунского, системно-синергетическую теорию Н. М. Таланчука и др.

Анализ содержания монографий и докторских диссертаций, посвященных пенитенциарно-педагогической проблематике, позволяет констатировать, что современные ученые вносят значительный вклад в обогащение существующих педагогических теорий пенитенциарным контекстом. Так, М. П. Стурова активно развивала теорию воспитательных систем

Л. И. Новиковой [41]; В. М. Литвишков обогатил теорию создания детского коллектива А. С. Макаренко с учетом специфики современных исправительных учреждений [24]; Н. С. Фомин дополнил теорию педагогической поддержки О. С. Газмана [45] и др.

Заключение

В статье приведен перечень основных форм научного пенитенциарно-педагогического знания, включающий педагогические термины, закономерности, принципы, условия, модели, концепции и теории. Научные формы пенитенциарно-педагогического знания используются, прежде всего, в профессиональной среде ученых и сотрудников исправительных учреждений. Они являются результатом становления пенитенциарной педагогики в качестве самостоятельной отрасли науки со своим строго обозначенным предметом, выработанной методологией и общепринятым терминологическим аппаратом. Научные формы пенитенциарно-педагогического знания предстают в виде определенной структуры, созданной в результате деятельности нескольких поколений ученых-пенитенциаристов, сформировавших научные традиции и школы. Предложенная структура основных форм пенитенциарно-педагогического знания базируется на анализе и обобщении данных, содержащихся в источниках методологического характера, а рассмотренные формы дают возможность обобщить существующие сведения о пенитенциарно-педагогической действительности.

Представленный список форм не является исчерпывающим, носит условный характер и может быть дополнен. За пределами данного исследования оставлены формы, которые традиционно не рассматриваются в качестве основных. К их числу могут быть отнесены значимые события, субъективные авторские суждения, выводы, комментарии и др. Называя и описывая представляемые формы, мы ориентировались на устоявшиеся методологические подходы к их отбору, учитывали объективно существующие взаимосвязи между ними.

Расширение границ, а также углубление и изменение смыслов пенитенциарно-педагогического знания может происходить в результате проведения новых научных исследований, организации полемики, дискуссий и т. п. В качестве универсального показателя истинности пенитенциарно-педагогического знания независимо от представляющей его формы выступает одобрение и принятие заключенной в данном знании информации отраслевым научным сообществом. Рассмотренные в статье аспекты позволили выявить новое проблемное поле исследования, что ориентирует на его продолжение в разрезе описания, обоснования и структурного представления не только основных, но и второстепенных форм пенитенциарно-педагогического знания, а также более системного и подробного описания видового ряда каждой из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Н. А. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ / Н. А. Андреев, В. М. Морозов, О. Г. Ковалев. – Москва : Права человека, 2001. – 182 с. – ISBN 5-7712-0191-X.

2. Антонян, Ю. М. Некоторые отличительные психологические черты личности преступника / Ю. М. Антонян, В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков, В. Г. Бовин // Личность преступника и предупреждение преступлений : сборник научных трудов. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1987. – С. 13–26.
3. Ахундова, Ш. Д. Уважение, его основа и типы / Ш. Д. Ахундова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1 (129). – С. 188–192.
4. Борытко, Н. М. В пространстве воспитательной деятельности / Н. М. Борытко. – Волгоград : Перемена, 2001. – 180 с. – ISBN 5-88234-481-6.
5. Ветошкин, С. А. Пенитенциарная педагогика как наука и область практической деятельности : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Ветошкин Сергей Александрович. – Москва, 2002. – 327 с.
6. Ветошкин, С. А. Социально-педагогические условия воспитательной работы в исправительной колонии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ветошкин Сергей Александрович. – Екатеринбург, 1997. – 18 с.
7. Вилкова, А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Вилкова Алевтина Владимировна. – Новгород, 2016. – 427 с.
8. Виноградов, В. В. Педагогическая концепция социального сопровождения осужденных в исправительном учреждении : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Виноградов Виктор Викторович. – Москва, 2011. – 50 с.
9. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 1986. – 639 с.
10. Волова, Н. Ю. Проектирование и реализация высшего образования в исправительных учреждениях на основе информационно-коммуникационных технологий : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Волова Наталья Юрьевна. – Самара, 2011. – 45 с.
11. Гернет, М. Н. Общественные причины преступности: социалистическое направление в науке уголовного права / М. Гернет. – Москва : Изд. С. Скимунта, 1906. – 344 с.
12. Дахин, А. Н. Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и неопределенность / А. Н. Дахин // Идеи и идеалы. – 2010. – Том 2, № 1. – С. 22–26.
13. Жарков, И. Д. Педагогические условия деятельности специалистов по социальной работе в пенитенциарных учреждениях : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Жарков Иван Данилович. – Оренбург, 1999. – 132 с.
14. Жидко, С. Ю. Организационно-педагогические условия дистанционного профессионального обучения в исправительно-трудовом учреждении : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Жидко Сергей Юрьевич. – Нижний Новгород, 2004. – 20 с.
15. Зауторова, Э. В. Нравственно-эстетическое воспитание осужденных : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Зауторова Эльвира Викторовна. – Москва, 2011. – 47 с.
16. Злобин, С. И. Организационно-педагогические основы комплексной оценки и аттестования кадров уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции России: на опыте работы Белгородского УИН МЮ РФ : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Злобин Сергей Иванович. – Москва, 2001. – 238 с.
17. Ильин, В. С. Формирование личности школьника (целостный процесс) / В. С. Ильин. – Москва : Педагогика, 1984. – 144 с.
18. Кашенко, В. П. Педагогическая коррекция: исправление недостатков характера у детей и подростков / В. П. Кашенко. – Москва : Академия, 2000. – 304 с. – ISBN 5-7695-2391-3.
19. Киселева, Н. И. Основные подходы к рассмотрению научного понятия и характеристике термина / Н. И. Киселева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – С. 306–311.
20. Ковтуненко, Л. В. Концепция ресоциализации несовершеннолетних осужденных в педагогической среде воспитательной колонии : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Ковтуненко Любовь Васильевна. – Воронеж, 2018. – 48 с.
21. Ковтуненко, Л. В. Педагогические условия профессионально-педагогического становления сотрудников службы исполнения наказаний в ведомственном образовательном учреждении : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ковтуненко Любовь Васильевна. – Воронеж, 2006. – 235 с.
22. Краевский, В. В. Общие основы педагогики / В. В. Краевский. – Москва : Академия, 2005. – 254 с. – ISBN 5-7695-2341-7.
23. Лебедев, С. А. Методология научного познания / С. А. Лебедев. – Москва : Проспект, 2015. – 257 с. – ISBN 978-5-392-19243-4.
24. Литвишков, В. М. Теория и методика процесса формирования воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Литвишков Владимир Михайлович. – Рязань, 1995. – 43 с.
25. Лотте, Д. С. Очередные задачи технической терминологии / Д. С. Лотте // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. Серия VII. – 1931. – № 4. – С. 883–591.
26. Лучинский, Н. Ф. Основы тюремного дела / Н. Ф. Лучинский. – Санкт-Петербург : Журнал «Тюремный вестник», 1904. – 180 с.
27. Макаренко, А. С. Педагогические сочинения. В 8 томах. Том 1 / А. С. Макаренко. – Москва : Педагогика, 1983. – 368 с.

28. Монахов, В. М. Педагогическое проектирование – современный инструментарий дидактических исследований / В. М. Монахов // Школьные технологии. – 2001. – № 5. – С. 75–89.
29. Панова О. Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Панова Оксана Брониславовна. – Ярославль, 2013. – 489 с.
30. Панченко, М. Н. Педагогические условия повышения эффективности образовательного процесса в местах лишения свободы для несовершеннолетних осужденных : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Панченко Марина Николаевна. – Новокузнецк, 2004. – 19 с.
31. Пастушеня, А. Н. Криминогенная сущность личности преступника: психологический аспект : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Пастушеня Александр Николаевич. – Москва, 2000. – 551 с.
32. Пищелко, А. В. Ресоциализация осужденных: психологический аспект / А. В. Пищелко // Преступление и наказание от «А» до «Я» (словарь по пенитенциарной психологии). – Москва : МПСИ, 2009. – С. 276–277. – ISBN 978-5-9770-0516-6.
33. Подласый, И. П. Курс лекций по коррекционной педагогике : учебное пособие / И. П. Подласый. – Москва : Владос, 2003. – 349 с. – ISBN 5-691-00933-8.
34. Познышев, С. В. Очерки тюрьмоведения / С. В. Познышев. – Москва : Тип. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. – 296 с.
35. Попов, В. В. Воспитательный центр как новый вид исправительного учреждения для несовершеннолетних / В. В. Попов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2010. – № 10. – С. 27–35.
36. Рожков, М. И. Воспитание свободного человека. Педагогическое кредо / М. И. Рожков. – Ярославль : Ярославская региональная типография, 2006. – 30 с.
37. Садовникова, М. Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных (по материалам Восточной Сибири) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Садовникова Марианна Николаевна. – Иркутск, 2011. – 21 с.
38. Сериков, Г. Н. О систематизации понятий педагогики / Г. Н. Сериков // Образование и наука. – 2013. – № 4. – С. 19–31.
39. Сломчинский, А. Г. Гуманизация образовательного процесса в пенитенциарной системе : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Сломчинский Анатолий Геннадьевич. – Екатеринбург, 2009. – 42 с.
40. Сорока-Росинский, В. Н. Педагогические сочинения / В. Н. Сорока-Росинский. – Москва : Педагогика, 1991. – 239 с. – ISBN 5-7155-0316-7.
41. Стурова, М. П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений (теоретико-методологический и организационный аспекты) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Стурова Маргарита Павловна. – Москва, 1991. – 42 с.
42. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
43. Фойницкий, И. Я. Уголовное право. Учение о наказании / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Типолит. Х. Ш. Гельперн, 1886. – 450 с.
44. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Тип. Министерства путей сообщения, 1898. – 517 с.
45. Фомин, Н. С. Теория и методика социально-педагогической поддержки осужденных в процессе их ресоциализации : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Фомин Николай Степанович. – Москва, 2005. – 355 с.
46. Цыганков, Б. Д. Психиатрия : руководство для врачей / Б. Д. Цыганков, С. А. Овсянников. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2011. – 495 с. – ISBN 978-5-9704-1905-2.
47. Чернышева, А. В. Ресоциализация осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях: правовые и организационные вопросы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Чернышева Алла Валентиновна. – Москва, 1990. – 220 с.
48. Яковлев, Е. В. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения / Е. В. Яковлев, Н. О. Яковлева. – Москва : ВЛАДОС, 2006. – 239 с. – ISBN 5-691-01523-0.

REFERENCES

1. Andreev N.A., Morozov V.M., Kovalev O.G. *Resotsializatsiya osuzhdennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh FRG* [Resocialization of convicts in penitentiary institutions of Germany]. Moscow: Prava cheloveka, 2001. 182 p. ISBN 5-7712-0191-X.
2. Antonyan Yu.M., Golubev V.P., Kudryakov Yu.N., Bovin V.G. Some distinctive psychological traits of a criminal's personality. In: *Lichnost' prestupnika i preduprezhdenie prestuplenii: sbornik nauchnykh trudov* [Criminal personality and crime prevention: collection of scientific papers]. Moscow: VNII MVD SSSR, 1987. Pp. 13–26. (In Russ.).
3. Akhundova Sh. D. Respect, its basis and types. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 1 (129), pp. 188–192. (In Russ.).
4. Borytko N.M. *V prostranstve vospitatel'noi deyatel'nosti* [In the space of educational activity]. Volgograd: Peremena, 2001. 180 p. ISBN 5-88234-481-6.
5. Vetoshkin S.A. *Penitentsiarnaya pedagogika kak nauka i oblast' prakticheskoi deyatel'nosti: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Penitentiary pedagogy as a science and a field of practical activity: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2002. 327 p.

6. Vetoshkin S.A. *Sotsial'no-pedagogicheskie usloviya vospitatel'noi raboty v ispravitel'noi kolonii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Socio-pedagogical conditions of educational work in a correctional facility: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 1997. 18 p.
7. Vilkova A.V. *Gendernaya kontsepsiya i metodologiya formirovaniya dukhovno-nravstvennykh tsennostei nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Gender concept and methodology of the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Novgorod, 2016. 427 p.
8. Vinogradov V.V. *Pedagogicheskaya kontsepsiya sotsial'nogo soprovozhdeniya osuzhdennykh v ispravitel'nom uchrezhdenii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical concept of social support of convicts in a correctional institution: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2011. 50 p.
9. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical teaching about the word]. Moscow: Vysshaya shkola, 1986. 639 p.
10. Volova N.Yu. *Proektirovanie i realizatsiya vysshego obrazovaniya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh na osnove informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Design and implementation of higher education in correctional institutions based on information and communication technologies: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Samara, 2011. 45 p.
11. Gernet M.N. *Obshchestvennye prichiny prestupnosti: sotsialisticheskoe napravlenie v nauke ugolovnogo prava* [Social causes of crime: the socialist trend in the science of criminal law]. Moscow: Izdatel'stvo. S. Skirmunta, 1906. 344 p.
12. Dakhin A.N. Pedagogical modeling: essence, effectiveness and uncertainty. *Idei i idealy=Ideas and Ideals*, 2010, vol. 2, no. 1, pp. 22–26. (In Russ.).
13. Zharkov I.D. *Pedagogicheskie usloviya deyatel'nosti spetsialistov po sotsial'noi rabote v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions of activity of specialists in social work in penitentiary institutions: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Orenburg, 1999. 132 p.
14. Zhidko S.Yu. *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya distantsionnogo professional'nogo obucheniya v ispravitel'no-trudovom uchrezhdenii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Organizational and pedagogical conditions of distance vocational training in a correctional labor institution: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2004. 20 p.
15. Zautorova E.V. *Nravstvenno-esteticheskoe vospitanie osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Moral and aesthetic education of convicts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2011. 47 p.
16. Zlobin S.I. *Organizatsionno-pedagogicheskie osnovy kompleksnoi otsenki i attestovaniya kadrov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Ministerstva yustitsii Rossii: na opyte raboty Belgorodskogo UIN MYu RF: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Organizational and pedagogical bases of comprehensive assessment and certification of personnel of the penitentiary system of the Ministry of Justice of Russia: based on the experience of the Belgorod UIN of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2001. 238 p.
17. Il'in V.S. *Formirovanie lichnosti shkol'nika (tselostnyi protsess)* [Formation of a student's personality (an integral process)]. Moscow: Pedagogika, 1984. 144 p.
18. Kashchenko V.P. *Pedagogicheskaya korrektsiya: ispravlenie nedostatkov kharaktera u detei i podrostkov* [Pedagogical correction: correction of character defects in children and adolescents]. Moscow: Akademiya, 2000. 304 p. ISBN 5-7695-2391-3.
19. Kiseleva N.I. Basic approaches to review scientific concepts and features term. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta=Scientific Notes of the Orel State University*, 2014, no. 2 (58), pp. 306–311. (In Russ.).
20. Kovtunen L.V. *Kontsepsiya resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v pedagogicheskoi srede vospitatel'noi kolonii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Concept of resocialization of juvenile convicts in the pedagogical environment of a juvenile correctional facility: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Voronezh, 2018. 48 p.
21. Kovtunen L.V. *Pedagogicheskie usloviya professional'no-pedagogicheskogo stanovleniya sotrudnikov sluzhby ispolneniya nakazanii v vedomstvennom obrazovatel'nom uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions of professional and pedagogical formation of employees of the penitentiary service in a departmental educational institution: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Voronezh, 2006. 235 p.
22. Kraevskii V.V. *Obshchie osnovy pedagogiki* [General fundamentals of pedagogy]. Moscow: Akademiya, 2005. 254 p. ISBN 5-7695-2341-7.
23. Lebedev S.A. *Metodologiya nauchnogo poznaniya* [Methodology of scientific cognition]. Moscow: Prospekt, 2015. 257 p. ISBN 978-5-392-19243-4.
24. Litvishkov V.M. *Teoriya i metodika protsessa formirovaniya vospityvayushchego kollektiva nesovershennoletnikh osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Theory and methodology of the process of formation of the educating collective of juvenile convicts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ryazan, 1995. 43 p.
25. Lotte D.S. Ocherednye zadachi tekhnicheskoi terminologii [Next tasks of technical terminology]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk. Seriya 7=Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Department of Social Sciences. Series 7*, 1931, no. 4, pp. 883–591. (In Russ.).

26. Luchinskii N.F. *Osnovy tyuremnogo dela* [Fundamentals of prison business]. Saint Petersburg: Tyuremnyi vestnik, 1904. 180 p.
27. Makarenko A.S. *Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. T. 1.* [Pedagogical essays: in 8 volumes. Volume 1]. Moscow: Pedagogika, 1983. 368 p.
28. Monakhov V.M. Pedagogical design – a modern instrument of didactic research. *Shkol'nye tekhnologii=School Technologies*, 2001, no. 5, pp.75–89. (In Russ.).
29. Panova O.B. *Pedagogicheskoe obespechenie pravovoi resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'noi kolonii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical support of legal resocialization of juvenile convicts in a juvenile correctional facility: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Yaroslavl, 2013. 489 p.
30. Panchenko M.N. *Pedagogicheskie usloviya povysheniya effektivnosti obrazovatel'nogo protsessa v mestakh lisheniya svobody dlya nesovershennoletnikh osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions for improving the effectiveness of the educational process in places of deprivation of liberty for juvenile convicts: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Novokuznetsk, 2004. 19 p.
31. Pastushenya A.N. *Kriminogennaya sushchnost' lichnosti prestupnika: Psikhologicheskii aspekt: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Criminogenic essence of the criminal's personality: psychological aspect: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2000. 551 p.
32. Pishchelko A.V. Resocialization of convicts: psychological aspect. In: *Prestuplenie i nakazanie ot "A" do "Ya" (slovar' po penitentsiarnoi psikhologii)* [Crime and punishment from "A" to "Z" (Dictionary of penitentiary psychology)]. Moscow: MPSI, 2009. Pp. 276–277. (In Russ.). ISBN 978-5-9770-0516-6.
33. Podlasyi I.P. *Kurs lektsii po korrektsionnoi pedagogike: uchebnoe posobie* [Course of lectures on correctional pedagogy: textbook]. Moscow: Vlado, 2003. 349 p. ISBN 5-691-00933-8.
34. Poznyshv S.V. *Ocherki tyur'movedeniya* [Essays on prison studies]. Moscow: tipogr. G.A. Lemana i B.D. Pletneva, 1915. 296 p.
35. Popov V.V. Educational center as a new type of correctional institution for minors. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2010, no. 10, pp. 27–35. (In Russ.).
36. Rozhkov M.I. *Vospitanie svobodnogo cheloveka. Pedagogicheskoe kredo* [Psychiatry: guide for doctors]. Yaroslavl: Yaroslavskaya regional'naya tipografiya, 2006. 30 p.
37. Sadovnikova M.N. *Resotsializatsiya nesovershennoletnikh osuzhdennykh (po materialam Vostochnoi Sibiri): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Resocialization of juvenile convicts (based on materials from Eastern Siberia): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Irkutsk, 2011. 21 p.
38. Serikov G.N. On systematization of the concepts of pedagogy. *Obrazovanie i nauka=Education and Science*, 2013, no. 4, pp. 19–31. (In Russ.).
39. Slomchinskii A.G. *Gumanizatsiya obrazovatel'nogo protsessa v penitentsiarnoi sisteme: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Humanization of the educational process in the penitentiary system: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2009. 42 p.
40. Soroka-Rosinskii V.N. *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical works]. Moscow: Pedagogika, 1991. 239 p. ISBN 5-7155-0316-7.
41. Sturova M.P. *Vospitatel'naya sistema ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii (teoretiko-metodologicheskii i organizatsionnyi aspekty): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Educational system of correctional labor institutions (theoretical, methodological and organizational aspects): Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moskva, 1991. 42 p.
42. Il'ichev L.F. et al. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya, 1983. 839 p.
43. Foinitskii I.Ya. *Ugolovnoe pravo. Uchenie o nakazanii: lektsii chitanye v 1-i polovine 1886 goda* [Criminal law. Doctrine of Punishment: lectures delivered in the 1st half of 1886]. Saint Petersburg: Tipolitografiya Kh. Sh. Gel'pern, 1886. 450 p.
44. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1898. 517 p.
45. Fomin N.S. *Teoriya i metodika sotsial'no-pedagogicheskoi podderzhki osuzhdennykh v protsesse ikh resotsializatsii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Theory and methodology of socio-pedagogical support of convicts in the process of their resocialization: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2005. 355 p.
46. Tsygankov B.D., Ovsyannikov S.A. *Psikhiatriya: Rukovodstvo dlya vrachei* [Psychiatry: guide for doctors]. Moscow: GEOTAR-Media, 2011. 495 p. –ISBN 978-5-9704-1905-2.
47. Chernysheva A.V. *Resotsializatsiya osuzhdennykh zhenshchin, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'no-trudovykh koloniyakh: pravovye i organizatsionnye voprosy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Resocialization of convicted women serving sentences in correctional labor colonies: legal and organizational issues: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1990. 220 p.
48. Yakovlev E.V., Yakovleva N.O. *Pedagogicheskaya kontseptsiya: metodologicheskie aspekty postroeniya* [Pedagogical concept: methodological aspects of construction]. Moscow: VLADOS, 2006. 239 p. ISBN 5-691-01523-0.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, henia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

OKSANA B. PANOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychology Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, henia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Статья поступила 08.08.2022

ПАМЯТИ Д. В. СОЧИВКО

Жизненный путь и деятельность пенитенциарного психолога доктора психологических наук, профессора полковника внутренней службы Дмитрия Владиславовича Сочивко*

ОЛЬГА ИВАНОВНА СОЧИВКО

кандидат психологических наук, преподаватель кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики Кузбасского института ФСИН России, Новокузнецк, Россия, sochivko_o@mail.ru

ДМИТРИЙ МАТВЕЕВИЧ ПЛОТКИН

кандидат юридических наук, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, следователь по особо важным делам в отставке, член Союза писателей России, Рязань, Россия, plotkindm@yandex.ru

Человек остается жить в сердцах своих близких, учеников, в написанных книгах и совершенных поступках... Память о научных открытиях, исследованиях и научных трудах Дмитрия Владиславовича Сочивко, профессора кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктора психологических наук, профессора, будет жить, пока жива наука психология. Роль этого ученого и его научный вклад поистине безмерны, его интеллектуальные и личностные качества памятливы всем, кто с ним общался.

Д. В. Сочивко родился 15 августа 1959 г. в г. Ленинграде. Окончил психологический факультет Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. В 1984 г. он под руководством В. А. Якунина защитил в этом же университете диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук по теме «Исследование индивидуальных стилей познавательной деятельности» (по специальности 19.00.07 – Педагогическая, возрастная и детская психология). Это стало первым шагом в его деятельности как преподавателя. Родному университету он отдал 14 лет своей научной жизни.

В 2003 г. в Академии управления МВД России Дмитрий Владиславович защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора психологических наук по теме «Психодинамика личности в экстремальных условиях жизнедеятельности» (по специальности 19.00.06 – Юридическая психология). Основой диссертации стал обобщенный опыт, полученный в годы, когда он служил в уголовно-исполнительной системе, замещая должность старшего психолога в колонии строгого режима в Псковской области.

Дмитрий Владиславович Сочивко проявил талант ученого-практика, исследовавшего научные темы не в кабинетных условиях, а в самых что ни на есть жизненных, проверяя свои теории на практике. Итогом его насыщенной научной деятельности стали многочисленные монографии, учебные пособия, статьи, а также большое количество учеников, под

---

* Д. В. Сочивко являлся членом редколлегии журнала «Пенитенциарная наука» (до августа 2019 года – «Вестник института: преступление, наказание, исправление») с января 2018 года по октябрь 2021 года.

его руководством написавших и успешно защитивших 11 кандидатских и докторских диссертаций.

Имя Д. В. Сочивко известно всем, кто когда-либо проявлял интерес к психологической науке. Его теории и разработки находят широкое применение в новых исследованиях. На его авторитет ссылаются ученые и практики. Он общался и творчески взаимодействовал с самыми известными в области психологии и педагогики учеными, среди которых были Л. М. Веккер, В. А. Ганзен, М. Г. Дебольский, В. Н. Лоскутов, А. В. Пищелко, Г. В. Суходольский, В. А. Якунин и др.

Дмитрию Владиславовичу принадлежит честь создания нового направления в психологической науке и основания научной психологической школы теории современной психодинамики личности. Его интересы простирались на такие научные направления, как социальная, юридическая, пенитенциарная и клиническая психология, православная психотерапия и др.

В Академии ФСИН России Д. В. Сочивко работал более 20 лет. За свою научную и преподавательскую деятельность был награжден медалями ФСИН России «За отличие в службе» 1, 2, 3 степеней.

Благодаря инициативе Дмитрия Владиславовича в Академии ФСИН России была создана общественная научно-исследовательская лаборатория «Криминальная деструктивность личности» и открыт научный журнал «Прикладная юридическая психология», который входит в перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки России, организована работа ежегодного методологического семинара «Актуальные проблемы современной пенитенциарной и юридической психологии» на базе Института психологии Российской академии наук.

Дмитрий Владиславович Сочивко был организатором научно-практического семинара в Институте психологии Российской академии наук «Куда уходит детство: проблемы суицидального поведения в молодежной среде», на котором выступал с докладом кандидат юридических наук Дмитрий Матвеевич Плоткин по актуальной в последние годы теме, касающейся самоубийств детей под воздействием Интернета. Эта проблема не осталась без внимания руководства страны – Президент Российской Федерации В. В. Путин поручил правительству заняться ее решением.

В 2021 г. Д. В. Сочивко стал лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу с монографией «Экзистенциальная психодинамика».

Стоит отметить отношение Дмитрия Владиславовича к религии – глубокая вера сопровождала его всегда и бережно сохранялась им на любом этапе жизни, независимо от внешних обстоятельств.

Дмитрий Владиславович Сочивко оставил светлую память о себе. Его творческая жизнь, посвященная высоким идеалам науки, служение общественным интересам с полной самоотдачей, внимание и эмпатия к людям – такой жизненный путь достоин уважения. Начатое Д. В. Сочивко дело живет в деятельности его учеников и последователей. Продолжается развитие теории современной психодинамики личности – его главного научного открытия, в котором воплотились его обширные знания, творческая энергия и духовная мощь.

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>